

A detailed illustration of several birds perched on tree branches. At the top, a yellow and black bird is on the left, a yellow and brown bird is in the center, and a white and black bird is on the right. Below them, a large black and white woodpecker is on the left, a yellow and black bird is in the center, and a grey and white bird is on the right. At the bottom, a small yellow and black bird is in the center, and a grey and white bird is on the right. The background is a soft, light green and yellow wash, suggesting a bright, sunny day in a forest.

ДМИТРИЙ КАЙГОРОДОВ

ИЗ ЦАРСТВА ПЕРНАТЫХ

ПОПУЛЯРНЫЕ ОЧЕРКИ ИЗ МИРА РУССКИХ ПТИЦ

Дмитрий Кайгородов

**Из царства пернатых:
Популярные очерки из мира
русских птиц**

© Издательство «Политехника», 2016

* * *

От автора к первому изданию

Эта книга содержит в себе ряд очерков о жизни русских птиц среди русской природы.

Я писал преимущественно о тех птицах, которых сам хорошо узнал и, узнав – сердечно полюбил. Это главным образом пернатое население наших садов, полей и лесов, о котором говорится в этой книжке; оно наиболее часто попадает на глаза человеку, а потому и наиболее удобонаблюдаемо.

Цель этой книги – возбудить в русской публике (как юной, так и взрослой) интерес к Пернатому Царству и дать ей возможность ближе познакомиться с группой живых существ, полных интереса, красоты и поэзии, – существ, не только украшающих нашу природу, но и оказывающих нам подчас весьма и весьма серьезные услуги.

Пернатое Царство и его жизнь составляют одну из самых увлекательных и поучительных страниц великой Книги Природы, а между тем эта страница почти, можно сказать, не раскрывается в нашей школе...

Мое знакомство с птичьим миром продолжается уже более четверти века; значительная доля материала, послужившего для составления этой книги, почерпнута мной из моих собственных наблюдений.

Может быть, увлекаясь моими любимцами, я местами и перегустил немного краски, но ведь это так простительно – преувеличить достоинства любимых существ – не правда ли?!

Сердечно рекомендую читателю моих пернатых друзей. Близкое знакомство с ними может доставить только удовольствие, и удовольствие хорошее – освежающее и просветляющее душу. Не говорю уже о том, что чем более мы узнаем окружающую нас природу, тем более богатой является она нам. Кто глух и слеп, тот ведь ничего не видит и не слышит...

Кукушка^[1]

(рис. I)^[2]

*Перелетная пичужечка,
Непоседная кукушечка!
Где покинешь ты летаньеце,
Заунывно кукованьеце?
Где согреешь теплом гнездышко,
Заведешь малюток-детушек,
Аль не с тем ты уродилась,
Чтоб жить радостно годилась?..
Отмахаться легким крылышком,
Со куста на куст летаючи,
Как бы устали не знаючи,
А тепла гнезда не греючи –
Малых деток не лелеючи!*

Н. Цыганов

Прекрасное тихое утро одного из первых дней мая.

Только что рассеялся туман над рекой, извинаящейся серебристой лентой по неширокой долине. Лишь кое-где, на выбегающих к речке лесных лощинах, тают последние его лохмотья под напором все теплее и теплее пригревающих лучей майского солнца. По ту сторону реки широко раскинулся смешанный лес, березняком и ельником стелющийся по сырым низинам, сосняком выбегающий на сухие пригорки. Темные елки красиво выскакивают из нежно-дымчатой зелени березняка, всего дня три-четыре начавшего разворачивать свои молоденькие листочки. Шибко бьет в нос и веселит сердце душисто-смолистый запах молодого березового листа, приносимый из-за реки утренним ветерком. Волнами льются в уши разнообразные звуки весеннего шума. Сотни пернатых певунов поют, перекликаются

и наполняют своими голосами мягкий свежий воздух майского утра. Словно крошечный колокольчик, вызванивает желтоголовая *овсяночка*, неподвижно сидя на самой маковке молодой, пока еще безлистной осинки. Словно флейточка переливается голосок непоседы-гаеиочви, перепархивающей с ветки на ветку нарядной березки, разукрашенной молоденькими листочками и желтыми цветочными сережками. «Пиули-ти-пиули-ти», – словно на скрипочке, наигрывает *куличок-перевозчик*, спугнутый огромной рыбиной, всплеснувшей у самого берега. Словно барабанщик, барабанит дятел на засохшей вершине старой раскидистой сосны, живописно склонившейся над обрывистым берегом реки. Громким посвистом доносятся из леса, по реке, отрывистые строфы *невчего дрозда*. Серебристыми трелями льются песни трепещущих над луговиной *жаворонков*... Да всех и не перечтешь!

...Весна-красна пришла,
Все пташки воротились к нам,
И рады мы дорогим гостям...

Но, нет – не все еще. Много, но не все: не слышать было еще *соловья*, не куковала еще *кукушка*. А ведь без них и весна не весна. Только когда раздастся в лесу кукованье... Чу! Да никак она?.. Или только почудилось... (О чем думаешь, то и мерещится!) «Ку-ку, ку-ку!..» Теперь уже явственно донеслось из-за реки... Она самая – легка на помине! Ну, здравствуй, здравствуй, горемычная...

Где гуляла-пировала,
Долго пропадала...

Вот теперь скинем шапочку да поклонимся низко и скажем: «Здравствуй, красная весна!» Закуковала в лесу кукушка – наступила весна настоящая:

Пришла весна с радостью...

Хоть и завернет еще холодок, да морозко-то уж больше не сунется – кукушечка его откукует.

Ну-ка, покукуй мне еще – денежки-то у меня в кармане есть, я позвякаю... Да кукуй побольше!.. А долго ли мне еще жить на белом свете?.. Кукуй подольше!.. А вон красные девицы вышли с ведрами

на речку, да остановились и чего-то слушают. Должно быть, тебя пытаются, много ли годков ждать им суженого. Кукуй им поменьше!.. Вот так. Замолчала... Э, да никак к нам сюда жалует!.. Так и есть – прямехонько летит сюда через речку. Притаимся скорее за этим ракитовым кустиком, авось сядет поблизости. Бинобль-то у нас в кармане – поглазеем на плутовку. Слышать-то – кто ее не слышал, а видать-то редко случается: больно плутовата, пестрохвостая – страсть боится человеческого глаза! Вишь ты... прокатила мимо... И все прямо, как по шнурку летит... А пичужек-то за ней сколько следом: *трясогузки, ласточки, зяблики* и даже два *дрозда-рябинника* – словно за ястребом каким, с шумом и гамом! Да и в самом деле, наша приятельница-кукушка сильно смахивает на *ястреба-перепелятника* (недаром же в народе ходит про нее басня, будто она на зиму оборачивается ястребом): и ростом походит, и по перу такая же пестро-серая, снизу разрисованная черными скобками; только более длинный, почти черный, с белыми концами, хвост, который она как бы волочит при полете, да маленькая сравнительно голова легко позволяют отличить ее при полете от перепелятника. Убитую же или пойманную кукушку тотчас можно отличить от ястреба по ее более длинному и слабому клюву (у ястреба короткий, круто загнутый крючком) и по лапкам: у кукушки четыре пальца каждой лапки расположены таким образом, что два из них обращены вперед, а два – назад, причем внешний задний палец поворотный, то есть может быть по произволу повернут и вперед. Самочка-кукушка окрашена почти так же, как и самец. Молодые кукушки, до одного года, имеют на спине ржаво-буроватую окраску, которая на второй год большей частью заменяется голубовато-серой. Изредка встречаются экземпляры кукушки с преобладающей красно-бурой окраской; это – годовалые самочки.

Многие думают, что мелкие птицы преследуют кукушку именно потому, что принимают ее за ястреба; но вряд ли это так.

Гораздо вероятнее, что птицы умеют отличать кукушку от ястреба и преследуют ее именно как кукушку; они видят в ней своего врага, хотя врага совсем в ином роде, чем ястреб.

Вам, конечно, случалось уже слышать, что кукушка не занимается сама выводом своих детей, а подкидывает яйца в чужие гнезда, что она живет на белом свете,

...Теплом гнезда не греючи,
Малых деток не лелеючи.

Самочка-кукушка сносит свое яичко, садясь прямо на избранное ею чужое гнездо, или же, если это почему-либо неудобно, кладет яйцо на землю, а затем, повернув набок голову, осторожно захватывает его клювом (который очень удобно для этого устроен) и несет в заранее намеченное гнездо какой-нибудь птички. Разыскивать чужие гнезда она великая мастерица и отлично знает, какие именно птицы выкармливают своих птенцов насекомыми и червяками, так как этой же пищей должен быть выкормлен и ее будущий птенец; в этом отношении она редко ошибается. Подкидываются яйца преимущественно мелким певчим птичкам, как, например, *трясогузкам, малиновкам, горихвосткам, славочкам, мухоловкам* и даже самой маленькой из всех европейских птичек – *корольку (гвоздику)*. Те из маленьких птиц, которые, как, например, *дубонос, снегирь, зеленушка (лесная канарейка)*, выкармливают своих птенцов зерновой пищей, обыкновенно освобождаются кукушкой от забот о ее потомстве. При этом нужно заметить, что кукушка несет, сравнительно со своей величиной, очень маленькие яйца: величина их часто не превосходит величину воробьиного яйца. Окраска кукушечьих яиц чрезвычайно разнообразна и обыкновенно сходна с окраской яиц той птицы, в гнездо которой это яйцо подкинута, хотя случается иногда, впрочем весьма редко, что кукушкино яйцо резко отличается как по величине, так и по окраске от яиц хозяев гнезда. Всего кукушка кладет пять-семь яиц. Каждое яйцо кладется в отдельное гнездо, причем одна и та же кукушка всегда несет одинаково окрашенные яйца, например только голубые или зеленоватые с коричневыми крапинами. Кукушка, несущая голубые яйца, кладет их в гнезда птичек, которые тоже несут голубые яйца; несущая пестрые – кладет к пестрым и т. д.

Нередко маленькие хозяева гнезда с жалобным и тревожным криком присутствуют при вкладывании кукушкой своего яйца в их гнездо, но обыкновенно скоро успокаиваются после ее отлета и в большинстве случаев не предпринимают никаких враждебных действий против подкинутого яйца, так же как и против вылупившегося из него птенца. Случаи выбрасывания кукушкиного яйца из гнезда хозяевами наблюдались очень редко.

Относительно птенца, вылупившегося из яйца кукушки, приемные его родители ведут себя так, что со стороны трогательно даже смотреть. Маленький обжора быстро вырастает, и оба его воспитателя едва успевают приносить для него корм. Он очень скоро занимает лучшее место в гнезде и большей частью вытесняет из гнезда одного за другим своих названных братьев, которые, упав на землю, обыкновенно вскоре и погибают.

В тех, впрочем, довольно редких случаях, когда законным птенчикам удастся уцелеть в гнезде рядом, молодая кукушка ведет себя относительно них вполне дружелюбно. Вытеснение птенчиков из гнезда молодой кукушкой производится следующим образом: она подсовывает понемножку под беспомощных птенчиков свой хвост, подсаживает их таким образом к себе на спину и затем, приподнявшись на лапках, выбрасывает их за борт гнезда. В тех редких случаях, когда в одном гнезде окажутся два птенца кукушки, между ними с первых же дней завязывается борьба, оканчивающаяся обыкновенно гибелью слабейшего: более сильный выбрасывает своего слабого соседа за борт.

Так вот как распоряжается в чужом гнезде незванный гость! Между тем хозяева гнезда, видевшие гибель своих детей, продолжают, несмотря на то, с трогательной заботливостью воспитывать маленького разбойника и стараются, по мере сил своих, защищать и охранять его. Без страха, с жалобными криками кружатся они вокруг приблизившегося к их гнезду человека или хищника и не обращают внимания на явную опасность, угрожающую их собственной жизни, когда идет дело о защите навязанного им подкидыша. Какая великая любовь в таких маленьких сердечках!..

Птенец-кукушка, пока сидит еще в гнезде и чувствует голод, издает звуки «цис, цисис, цисисис», по вылете же из гнезда – «цирк, цирк-цирк», и не громко, так что это «циркание» можно слышать лишь в шагах 15–20. Своеобразную и чрезвычайно интересную картину представляет собой кормление молодой, недавно вылетевшей из гнезда, кукушки какой-нибудь маленькой птичкой. Так, мне довелось однажды видеть, как молодая кукушка перелетала в саду с дерева на дерево, постоянно издавая при этом свое нежное «цирк-цирк», а следом за ней летала крошечная горихвостка, усердно кормившая своего ненасытного питомца гусеницами.

Преуморительно было смотреть на огромную, по сравнению с горихвосткой, птицу, трясущую крыльями, точно молодой воробушек, и на крошечную пичужку, сующую ей в широко раскрытый большой рот одну гусеницу за другой.

Как велика прожорливость подрастающей кукушки, тому может служить хорошим примером следующий перечень однодневного продовольствия одной молодой кукушки, выкармливающейся в клетке: 18 молодых живых ящериц, 1 ½ – 2 вершка^[3] длиной, 39 больших зеленых полевых кузнечиков, 3 куколки бабочки «мертвая голова», 43 капустных червя, 5 личинок майского жука (сальника), 4 крестовых паука, 50 мучных червей и, на закуску, еще порядочное количество муравьиных яиц! Хорош аппетит – не правда ли! После этого можете судить о той, поистине гигантской, работе, какую задает птенец-кукушка своим приемным родителям.

Почему же, однако, в противоположность другим нашим птицам кукушка не занимается сама выводом своих птенцов, а поручает это дело другим птицам? Вполне удовлетворительного ответа на этот вопрос пока еще не имеется. Большинство ученых-птицеводов предполагает, что это происходит оттого, что кукушка несет свои яйца через большие промежутки времени, именно в среднем шесть дней, так что если бы она сама стала бы высиживать снесенные ею яйца, то старшие птенцы успели бы уже вырасти, прежде чем вылупился бы последний птенчик.

Кукушка (кукующая)

Обыкновенно думают, что кукушка – птица весьма ветреная и легкомысленная, что она не желает утруждать себя заботами по выводу птенцов, а сама, поручив эти заботы другим птицам, беззаботно наслаждается свободной жизнью в свое удовольствие. Но это не совсем так. Прежде чем кукушка пристроит все свои пять –

семь яиц по чужим гнездам, ей приходится пережить немало трудов по разысканию подходящих гнезд и немало неприятностей во время самой кладки яиц. Кроме того, внимательными наблюдателями удостоверено, что кукушка продолжает заботиться о своих яйцах и после того, как они снесены, и иногда переносит потревоженное яйцо из одного гнезда в другое, более, по ее мнению, надежное. Таким образом, в течение около шести недель, во время которых происходит откладывание кукушкой яиц, эта птица имеет, пожалуй, не менее забот по выводу своих птенцов, чем другие птицы.

Кроме нашей кукушки, весьма немногие птицы таким же образом поступают относительно воспитания своего потомства. Из европейских птиц это делает еще только *хохлатая кукушка*^[4] водящаяся в Испании; но она кладет свои яйца в гнезда не маленьких птичек, а преимущественно ворон и сорок. Среди неевропейских же птиц немало подкидывающих свои яйца в чужие гнезда.

Однако мы забыли про нашу кукушку, пролетевшую со «свитой» мимо нас и скрывшуюся в березовой роще. Что-то долго не подает голоса: должно быть, не отдохнула еще хорошенько с дороги. А дорожку-то она сделала нешуточную – из Африки прилетела: ведь она там зиму-то нашу переживает. Вот денька через три-четыре поотдохнет, да как прилетят самочки (они всегда на несколько дней запаздывают), тогда раскукуется, да еще как!

Кукушка-кликушка,
Большая хвастушка:
С утра до полночи
Кричит, что есть мочи,
Пригнувшись к суку:
«Ку-ку» да «ку-ку»!

Кричит иной раз до надсады, до хрипоты. Едва к часам одиннадцати или двенадцати ночи угомонится, ан смотришь, в первом часу опять закуковала. И особенно она надсаживается криком по ранним утрам, так что, если хотите узнать от кукушки, долго ли жить вам еще на свете, то не поленитесь встать утром пораньше: тут она вам столько накукует, что и жить-то, пожалуй, надоест...

Молчит... или далеко улетела? А вот посмотрим... Ведь кукушка-самец не терпит близ себя другого самца своей породы и лишь только слышит неподалеку столь ненавистное для него чужое «ку-ку», как тотчас же закипает в нем непримиримая злоба: он летит тогда на соперника, нападает на него и прогоняет. Таким образом, каждая кукушка-самец ревниво охраняет свой район, который она для себя облюбовала, хозяином которого себя считает и в который из года в год возвращается в конце апреля или начале мая из своего африканского зимовья. А что кукушка ежегодно возвращается в свой район (имеющий иногда несколько верст в окружности), то, во-первых, это делают почти все наши перелетные птицы, а во-вторых, специально о кукушке имеется наблюдение превосходного немецкого наблюдателя и знатока птиц Наумана, который около 20 лет подряд наблюдал прилет одной кукушки в одну и ту же местность; узнавал же он свою кукушку по ее особенному голосу, который был с изъясном и резко отличался от голосов других кукушек.

Так вот, попробуем приманить голосом нашу кукушку, авось отзовется: «Ку-куу, ку-куу...» Нет, не отзывается... Должно быть, далеко отлетела, осматривает свои владения. Ну и бог с ней, пусть себе гуляет, а мы посидим еще под ракиновым кусточком – здесь так славно сидится – и побеседуем еще об этой интересной птице.

В присутствии самочки самец нередко удваивает первый слог и кричит: «Куку-ку, куку-ку», – часто прибавляя еще на конце слабое: «Ква-ва-ва-ва». Вслед за таким двойным кукованием очень часто раздается раскатистый «хохот» самочки, звучащий громкой светлой трелью, вроде «кли-кли-кли-кли-кли».

К концу июня кукушка кукует уже менее усердно. В пословице говорится: «Не кукуется кукушке за Петров день». К середине июля ее можно услышать лишь изредка, по утрам и вечерам, а затем она и вовсе умолкает.

Отлетает кукушка в теплые страны в августе.

Пищу взрослой кукушки на воле составляют жуки, бабочки, личинки, гусеницы, а также (осенью) и ягоды. Гусеницы, и именно покрытые волосами, составляют главную ее пищу, а так как кукушка обладает огромным аппетитом, то поедает их в невероятном количестве. Вследствие этого при вскрытии желудка убитой кукушки нередко оказывается, что он внутри сплошь покрыт волосами, как бы

шерстью, что и подало повод к басне, что у кукушки растут в желудке волосы. Большинство других наших птиц избегает волосатых гусениц, а так как в числе этих последних есть весьма немало опасных врагов для наших лесных деревьев, то поэтому для лесничего и лесовладельца кукушка является одной из полезнейших птиц. Хотя, правда, своим способом размножения она и причиняет некоторый ущерб певчим лесным птичкам, большинство которых также принадлежит к числу полезных, но тем не менее заслуги кукушки перед лесом намного перевешивают тот вред, который она приносит. Известны случаи, когда кукушки спасали весьма значительные участки леса от опустошения вредными гусеницами. Для примера приведу следующий случай, рассказанный одним птицеводом профессором Альтумом.

«Весной 1860 года, – говорит почтенный профессор, – мне понадобилась для моих лекций кукушка, и я отправился 24 мая добывать ее в лес, лежащий в одной миле^[5] от Мюнстера^[6]. Там я нашел замечательно большое количество этих птиц; со всех сторон раздавались их крики. В небольшом дубовом лесу, где я предполагал найти не более одной пары кукушек, их было штук 6–8; кроме того, как я слышал, там же были застрелены еще 4 штуки «воскресными» охотниками. Подкравшись к ближайшему ко мне экземпляру шагов на 80, я мог наблюдать его очень хорошо. После каждого трех-четырех кукований эта кукушка что-то такое схватывала и, посидев затем несколько мгновений спокойно, снова заявляла о своем присутствии громким «ку-ку». Наконец она снялась с дерева и пролетела мимо меня на расстоянии ружейного выстрела. Вскрыв ее дома, я узнал, что именно такое она хватала с дерева: в зобу, пищеприемном канале и желудке этой птицы оказалось 97 совсем свежих, выросших до одной трети своей нормальной величины, гусениц *прецессионного шелкопряда*^[7]. Мое внимание было обращено таким образом на этого опасного врага дубового леса. Посетив затем вскоре опять тот же лес, я нашел в нем начало предстоявшего ему значительного повреждения прецессионным шелкопрядом. Найденные мною на стволах многих дубов тонкие паутинообразные нити, производимые этими гусеницами, указывали на их присутствие, и, поискав немного, я без особенного труда нашел более 20 гусеничных гнезд. В то же время обнаружилась и весьма энергичная работа кукушек,

так как многие семьи этой гусеницы, видимо, сильно уже пострадали или даже вовсе были уничтожены. Число гусениц, как я мог это заметить при дальнейших моих посещениях, заметно убавлялось со дня на день, и, когда я в последний раз, 21 июня, исследовал этот лес, я едва мог разыскать в нем еще несколько гусениц. Однако число кукушек, по-видимому, не уменьшалось, и, застрелив для своего поучения еще одну кукушку, я нашел ее желудок битком набитым 43 гусеницами, теперь уже совсем взрослыми. С тех пор кукушки совершенно исчезли, за исключением одной-двух, но вместе с тем невозможно было обнаружить уже ни одной гусеницы или куколки процессионного шелкопряда – и опасность была совершенно устранена... Подобным же образом в июне 1868 года 3–5 кукушек спасли целую дубовую рощу от напасти процессионного шелкопряда; хотя эти ядовитые гусеницы находились там уже тысячами, тем не менее в течение одной почти недели кукушки вполне с ними справились».

Так вот какие важные услуги оказывает кукушка лесу. Не правда ли, ведь за это можно ей многое простить?!

В народе кукушка пользуется повсеместной известностью и даже, можно сказать, любовью. Всякий ее знает, потому что она встречается повсюду, от Лапландии^[8] до Крыма и Кавказа, за исключением разве только что совсем голой степи, и повсюду заявляет о себе своим громким, далеко слышным кукованьем, имеющим какую-то своеобразную прелесть.

Наши народные поэты любят сопоставлять кукушку с «бездольной вдовицей» или с «тоскующей молодухкой»:

Не кукушечка во сыром бору
Жалобнехонько
Вскуковала,
А молодухка в светлом терему
Тяжелехонько
Простонала...

А кукушечке во сыром бору
По чужим гнездам
Куковати,
А молодушке во слободушке
По чужим углам
Тосковати!^[9]

Заунывная нотка, которая слышится в куковании, послужила поводом к прозванию кукушки «горемычною»:

Не голубкою
Сизокрылою
Заворкует;
Не кукушкою
Горемычною
Закукует...^[10]

То же сопоставление кукушки с горем-гореванием сказывается и в пословицах: «Не кукушечка кукует, а жена горюет», «Кукушка кукует, горе вещует»^[11].

Вообще пословиц, в которых фигурирует кукушка, у русского народа очень большое количество. Из них некоторые довольно часто можно слышать; например: «Променял кукушку на ястреба», «На кукушкиных яйцах не высидишь цыплят», «За кукушку (т. е. пустословие. – *Авт.*) бьют в макушку» и многие другие.

Во многих местностях на Руси существует до сих пор старинный обычай крестить кукушку или кумиться над кукушкой. «Для совершения этого обряда на семицкой неделе (неделя перед праздником Святой Троицы) в одних местах (в Калужской губернии) поселянки готовят заранее птицу кукушку, а за неимением ее сплетают из травы, называемой кукушкины слезки^[12], венок, перевязывают его красной лентой и выходят на луг или лесную поляну. Здесь они расстилают на траве платок, кладут на него кукушку (или траву кукушкины слезки), а сами садятся в кружок, меняются крестами, целуются с обещанием сохранить вечную дружбу и с этой минуты называют друг дружку кумами. Кумовство оканчивается угощением. В других местах (в Тульской губернии) выходят в лес, отыскивают две плакучие березки, связывают их ветви

платками или полотенцами в виде венка, а на сами деревья вешают свои кресты. В середину, над венком, помещают кукушку, или траву кукушкины слезки, или же семицкий венок. Все подруги, решившие покумиться „над кукушкой”, ходят вокруг венка и после целуются сквозь венок. В это время другие женщины поют: „Ты, кукушечка, ряба”, – и пр.; в заключение меняются крестами и кольцами и дают друг дружке обет жить в мире и согласии. Употреблявшиеся при этом обряде венки разделяют между собой и хранят на память о кумовстве. Мужчины не допускаются к исполнению этого обряда, и женщины с ними не кумятся над кукушкой»^[13].

Так вот какова птица наша кукушка: и у лесничего она в почете, и поэты ее воспевают, и народ ее любит – в пословицы и обычаи вводит. Вот только пичужкам маленьким немножко подсаливает... Ну, да ведь кто на этом свете без греха!..

Однако, пока мы болтали, сидя у речки, солнышко порядочно таки стало припекать... Пора и восвояси!..

Дятел

*Стоят не шелохнясь и дуб, и береза,
Лишь снег под ногами скрипит
от мороза;
Лишь временно ворон, вспорхнув,
прошумит,
И дятел дуплистую иву долбит.*

К Рылеев

*Мы славные артисты, на всем играть
умеем –
У нас есть кларнетисты,
А также и флейтисты;
Вот например, вот например,
Вот вам барабан!*

Из детской песни

На свете много есть разных удивительных музыкантов, но самый удивительный из них тот – и вы, конечно, со мной согласитесь, – который умеет барабанить носом по сухой палке и притом барабанить так громко, что его иногда бывает слышно чуть ли не за версту... Этого удивительного музыканта вы можете слышать в весеннее время, по утрам (изредка также и в ясные, теплые осенние дни), почти в каждом лесу и даже в большом парке.

Отправившись в хорошее весеннее утро в ближайший лес для прогулки или для того, чтобы собрать себе букетик ранних весенних цветов, вы с наслаждением вдыхаете в себя свежий лесной воздух и прислушиваетесь к разнообразным голосам птичьего мира. Вдруг над вами с высоты зеленого свода древесных ветвей раздается громкое «эrrrrrrrr...», подобное короткой барабанной дробью. Еще и еще повторяется эта странная музыка, и, как бы в ответ на нее, издали доносится такое же «эrrrrrr...».

Постарайтесь всмотреться повнимательнее в вершины окружающих вас деревьев (хорошо, если у вас при этом имеется бинокль), и вы увидите самого музыканта – дятла, прицепившегося

к сухому, лишенному коры, суку или к торчащему зубцу сухой, обломанной вершины дерева, на котором он и выбарабанивает свою оригинальную музыку. С невероятной быстротой и силой ударяет дятел своим клювом по сухому дереву, вызывая из него звуки, которые так приятно звучат для уха человека, любящего лесную природу. Но еще приятнее должны звучать они в ушах подруги дятла: ведь для нее, собственно, дает он свой концерт, и она нередко подлетает в это время к своему дружку, как бы благодаря его за доставляемое ей удовольствие. Но случается также, что на барабанье одного дятла прилетают другие дятлы-самцы, и тогда дело неминуемо заканчивается взаимной потасовкой.

Для того чтобы так громко барабанить клювом по сухому дереву, конечно, нужно иметь очень крепкий клюв, да и не только клюв, но и череп. И действительно, как тот, так и другой устроены у дятла настолько крепко и прочно, что он не только без особенного труда может разбивать скорлупу лесных орехов, но даже выдалбливает в здоровом дереве большие углубления не хуже любого плотника. Этого, кроме дятла, не в состоянии сделать ни одна из прочих наших птиц.

Еще дятел – великий мастер лазать по деревьям. Прилетев на нижнюю часть древесного ствола, он быстро, короткими скачками, поднимается вверх по стволу, грациозно откинув назад голову, шею и грудь, хвостом же упираясь в шероховатую поверхность коры. При этом он поднимается не по прямой линии, а всегда по винтовой (спиралью), вокруг ствола дерева.

Дятел проводит большую часть своей жизни в лазании по деревьям; он лазает гораздо больше, чем летает. На землю же большинство наших дятлов спускаются весьма редко и двигаются по ней очень неуклюже. Спускаться по дереву вниз головой (как это, например, делает *поползень*, о котором у нас речь будет впереди) дятел не может.

Главным орудием для лазания служат дятлу его лапки, два пальца которых обращены вперед, а два назад и снабжены большими, сильно изогнутыми и очень острыми когтями. Но, кроме того, весьма важным подспорьем для искусного лазания является еще и хвост дятла, состоящий из очень крепких, пружинистых перьев. Прицепившись острыми когтями своих лапок к коре древесного ствола, дятел

тотчас же прижимает к дереву свой пружинистый хвост, который таким образом служит ему опорой и вместе с тем как бы пружиной, помогающей ему отталкиваться при движении вверх по стволу. В первый раз, когда вам попадется в руки какой-нибудь дятел, обратите внимание на его интересный хвост. При этом вы непременно увидите, что нижняя сторона хвоста сильно потерта; нередко на ней можно найти даже прилипшие к перьям кусочки смолы, если, например, дятел был убит или пойман в сосновом или в хвойном лесу.

Дятел – самая лесная из всех лесных птиц. Что для рыбы вода, для ласточки воздух, в котором она кружится целый день, то для дятла – лес.

Любо в море рыбоньке,
Любо в небе ласточке,
А мне, добру молодцу,
Любо во сыром бору,
В лесу-дубравушке...

– сказал бы дятел, если бы мог вообще говорить, да к тому же еще и стихами...

Без леса и деревьев дятел совсем немыслим. В стволе лесного дерева находится его колыбель, туда же он возвращается и на ночной покой. Не умея еще летать, дятел-птенец уже ловко карабкается по древесному стволу. В лесу – все радости и печали дятла, его любовь и его враги; вне леса – он чужестранец...

Если нужда в поиске дневного пропитания заставляет дятла перелетать из одного леса в другой, то он, по возможности, старается при этом держаться вблизи отдельно стоящих деревьев, древесных групп или аллей. Если же такого «моста» не оказывается, то дятел, скрепя сердце, пускается в путь через ненавистное ему открытое поле по кратчайшему направлению и летит с очевидной поспешностью по прямой линии, никогда не сворачивая ни вправо, ни влево. Достигнув ближайшей лесной «гавани», он тотчас же посылает оттуда свой громкий, ликующий крик по случаю благополучного окончания столь смелого предприятия.

Хотя, правда, среди наших дятлов есть некоторые виды (например, *зеленые дятлы*), которые ведут несколько иной образ жизни и весьма нередко встречаются на открытых полянах и лесных опушках,

тем не менее каждый дятел, к какому бы он виду ни принадлежал, все-таки всегда остается истинно лесной птицей, и притом птицей, составляющей украшение наших лесов.

Все наши дятлы – очень красивые птицы. Яркие краски, резкий рисунок, внезапные переходы от черного цвета к чисто-белому, от ярко-красного к зеленому характерно отличают дятлов от прочих наших птиц, имеющих большей частью постепенные переходы от одного цвета к другому и менее яркие цвета. Как бы в соответствии с такой резкостью в окраске находится и характер дятлов. Их порывистое лазание, часто прерываемые долбление и барабаненье, их очень громкое, внезапное резкое вскрикивание, быстрое и так же внезапное перемещение с вершины одного дерева к основанию другого, даже сам полет этих птиц, совершаемый большими глубокими дугами, причем птица то поднимается дугою кверху, порывисто взмахивая крыльями, то вдруг, прижав неподвижно к туловищу крылья, как бы низвергается вниз, – все это носит характер резкого, внезапного, неожиданного. Чрезвычайно удачно сравнивают дятла с человеком, который, внезапно ворвавшись в комнату, начал бы быстро бегать по ней то туда, то сюда, стуча палкой по каждому попавшему под руку предмету, время от времени резко вскрикивая или отрывисто хохоча, затем вдруг останавливался бы на несколько мгновений неподвижно как вкопанный и неожиданно бросался бы в другую комнату, с тем чтобы начать там проделывать то же самое. Костюм для такого господина был бы самый подходящий – пестрый арлекинский: из черных, красных и белых лоскутьев – соответственно окраске пестрого дятла.

Кому случалось бывать в лесу, тот, конечно, не раз слышал, как дятел долбит своим клювом деревья; в большинстве случаев это значит, что господин дятел завтракает или обедает, а может быть, и ужинает – смотря, конечно, по времени дня. Своим острым и крепким клювом он выдалбливает из-под коры либо из гнилого или даже из здорового дерева разных насекомых и их личинок, сверлящих и точащих лесные деревья и составляющих любимую и обыкновенную пищу дятла.

Услышав в лесу долбление дятла и желая поближе полюбоваться на самого долбильных дел мастера, возьмите первый попавшийся вам

под руку сухой сучок и начните ударять им по коре какого-нибудь древесного ствола (но только никак не того, на котором сидит сам дятел, так как вы этим можете его спугнуть), стараясь подражать его долблению. Услышав недалеко от себя присутствие другого дятла (за какового он не замедлит вас признать, если только вы мало-мальски удачно ему подражали), крепконосый долбун сначала притихнет, прислушиваясь, крикнет иногда при этом раз-другой и затем подлетит, что называется, к самому вашему носу и начнет высматривать по сторонам, стараясь отыскать глазами своего предполагаемого собрата. Такую штуку можно проделывать с ним иногда несколько раз кряду. Мне удалось однажды манить таким образом одного дятла почти на полверсты расстояния – из большого парка к себе в сад на дачу, причем значительную часть пути пришлось сделать по липовой аллее. Только здесь, в саду, после того как я начал громко стыдить недогадливого долбуна, он, вероятно, понял, что сделался жертвой обмана, и поспешил ретироваться обратно в парк.

Следует ли объяснить такое легкое подманивание дятла его любопытством или же присущей ему необщительностью, вследствие которой он не может терпеть близ себя птицы одной с ним породы, а потому желает непременно отыскать ее и прогнать, – сказать трудно.

Пищу дятла кроме насекомых составляют также семена некоторых лесных деревьев, преимущественно сосны и ели. Сорвав с ветки шишку, дятел защемляет ее в развилину двух сучков, в расщелину коры или в нарочно для этого выдолбленное в дереве углубление и затем обрабатывает ее своим крепким клювом, вытаскивая острым кончиком языка семена из-под выдолбленных чешуек. Иногда в сосновом лесу попадаются под некоторыми деревьями целые кучи раздолбленных сосновых шишек – это все работа дятла (преимущественно *большого пестрого*), который, срывая шишки с разных деревьев, сносит их обыкновенно на одно и то же дерево, на котором их опоражняет и затем сбрасывает на землю.

Почти все дятлы (зеленые в особенности) также большие охотники до муравьев и муравьиных яиц. Муравьев они поедают следующим образом: растревожив муравьиную кучу, дятел всовывает в нее свой длинный липкий язык и, когда ожесточенные муравьи облепят его,

быстро втягивает снова в рот и таким образом проглатывает в один прием изрядное количество этих насекомых.

Есть еще у дятла странная, до сих пор не объясненная, привычка – выдалбливать на коре деревьев углубления (на каждое углубление по одному удару), располагая их правильными кольцами вокруг ствола (так называемое кольцевание). Кольцевание это сплошь да рядом производится дятлом на совершенно здоровых деревьях, в которых не находится никаких насекомых, а потому оно является как бы бесцельным. Особенно часто случается видеть такие кольца или части их (кольцо не всегда бывает закончено) на березе, на белой коре которой они легче бросаются в глаза, чем на темной коре других деревьев. Осматривая приносимые зимой в комнату для топки печей березовые дрова, вы не раз найдете на их коре эту работу дятла.

Долбя дерево в поисках насекомых своим долотообразным клювом, дятел мало употребляет его, т. е. клюв, для схватывания пищи; для этой цели ему больше служит его необычайно длинный, гибкий, узкий и круглый язык с острым роговым кончиком. На этом роговом острие, кроме того, находятся еще острые зубчики и крючочки, обращенные остриями назад, так что раз дятел наколол на кончик своего языка какого-нибудь жучка – тот сидит уже на нем крепко и не сорвется. Благодаря такому устройству языка дятел может легко вытаскивать из дерева различных древоточцев не только по прямому направлению, но и из извилистых ходов, изгибая для этого свой гибкий длинный язык. Нужно еще заметить, что дятел обладает чрезвычайно тонким обонянием, в чем убедились, проделав с ним следующий опыт: в потолке клетки, в которой содержался дятел, просверлили небольшое отверстие, около которого положили несколько муравьиных яиц; видеть их дятел не мог, а между тем он прицепился к потолку клетки, просунул свой длинный язык в проделанное отверстие, быстрым движением изогнул его змееобразно во все стороны и, как только ощупал яйцо, тотчас же проколол его острым кончиком языка и препроводил себе в рот. Так он поступал до тех пор, пока все яйца не были подобраны.

Наблюдая за дятлами, нередко можно видеть, как они, постучав клювом в дерево, быстро перебегают на другую сторону ствола и с вниманием осматривают там все трещины коры. Народный юмор утверждает, будто дятел просверливает насквозь ствол дерева и затем

спешит на противоположную сторону, чтобы посмотреть на высунутый кончик своего острого клюва!.. Хотя это доказывает, что этой птице приписывают порядочную глупость, но, с другой стороны, в народных сказках *черный дятел* играет не последнюю роль, отыскивая таинственный корень разрыв-травы, отворяющей все замки и указывающей, где зарыты клады.

Учили – у дятла выманивать свистом
Разрыв-траву с вещими корнем и листом;
Они указуют в полуночной мгле,
Где клады с зарокот зарыты в земле^[14].

С наступлением весеннего времени у дятла, как и у других птиц, начинаются заботы по выводу детей. Гнездом служит дупло дерева или, чаще, углубление, имеющее форму груши, выдалбливаемое в стволе дерева. При этом обыкновенно отдается предпочтение деревьям гнилым или загнивающим, так как они легче долбятся, чем здоровые и крепкие. Особенно часто помещается гнездо в старой, дуплистой или загнивающей осине. Дней через 10–14 неустанной работы, исполняемой поочередно самцом и самкой, гнездо готово. Внутри оно довольно просторно, имеет почти гладкие стенки и устлано по дну мелкими опилками.

Помещается гнездо всегда довольно высоко на дереве. Летное отверстие делается лишь настолько широким, чтобы птица могла через него пролезть. Самка несет пять-семь белых, блестящих, как фарфор, яиц, которые высидиваются попеременно самцом и самкой. Ночью, когда самка сидит на яйцах в гнезде, самец ночует по соседству в прошлогоднем гнезде или в нарочно выдолбленном «спальном помещении», причем спит, прицепившись в отвесном положении к стенке своей спальни.

Дятлята, весьма безобразные в первое время своего появления на свет, прилежно выкармливаются своими родителями, скоро выучиваются лазать по стенкам своей колыбели и любят выглядывать на свет божий из летного отверстия гнезда. Если постучать палкой по дереву, в стволе которого находится гнездо с дятлятами, то эти последние тотчас же очень громко заверещат. Такое же верещание раздается из дятлиного гнезда в каждый раз, когда тот или другой из родителей прилетает в гнездо с кормом для птенцов. Благодаря

этим далеко слышным крикам в лесу всегда нетрудно найти гнездо дятла с птенцами.

Вылетев из гнезда, молодые дятлы первое время держатся около своих родителей, а затем рассеиваются в одиночку по окрестности.

Все наши дятлы – птицы оседлые или кочующие; перелетных же – то есть таких, которые улетали бы на зиму в теплые страны, среди них нет. Кроме времени вывода детей, в течение которого дятел придерживается той части леса, в которой находится его гнездо, остальную часть года он обыкновенно кочует в одиночку по лесам своей родины, выискивая в них свое дневное пропитание; с наступлением же весеннего времени снова возвращается к месту своего гнездовья. Чем обильнее накрыт в лесу стол для дятла, тем меньше округ его кочевки, и наоборот: зимой, в малокормицу, округ кочевки дятла расширяется иногда на многие десятки верст. Пока дятел держится в небольшом округе, он замечательно аккуратно появляется, иногда в одни и те же часы дня, на известном месте. Так, я знал одного дятла (это был прекрасный экземпляр *малого пестрого дятла*^[15]), который в течение почти 3 недель сентября ежедневно появлялся аккуратно около 12 часов дня на березе, росшей в саду перед окном моей рабочей комнаты.

Как всякое другое живое существо, так и дятел имеет своих врагов среди животного царства. Проводя большую часть своей жизни в лесу, среди деревьев, дятел сравнительно редко попадает в когти ястребов и других хищных птиц, успешно охотящихся преимущественно лишь на более или менее открытых местах. Главным же его врагом является белка. Эта хорошенькая грызуныя вообще большая любительница разорять птичьи гнезда: она редко пропускает благоприятный случай полакомиться птичьими яйцами и даже маленькими птенчиками.

В особенности страдают от белок крупные виды дятлов, у которых летное отверстие гнезда настолько широко, что этот зверек может пробраться через него внутрь гнезда.

Ни об одной, кажется, птице не было высказано столь много противоречивых мнений, как о дятле, по вопросу о том, вреден он для леса или полезен. Было время, когда дятлы считались безусловно вредными птицами за то, что они долбят деревья, так что чуть ли не выдавались премии за их истребление. Затем, когда образ жизни

дятлов стал более известен и когда выяснилось, что дятел долбит преимущественно деревья больные, загнивающие или вовсе гнилые, что он поедает великое множество насекомых, живущих на деревьях и внутри их, которые почти все считались прежде вредными для леса, – тогда дятлы из вредных и преследуемых птиц превратились в полезных и покровительствуемых. Наконец, в последнее время, когда, в свою очередь, образ жизни лесных насекомых сделался более известен и когда оказалось, что многие из тех насекомых, которые попадают на стол дятлам, относятся к числу совершенно безвредных для леса, так как водятся только в гнилых деревьях, на здоровые же не нападают, – слава дятла как охранителя лесов значительно померкла. Однако в конце концов большинство птицеводов и лесничих считают дятла все-таки весьма полезной птицей, хотя не столько полезной истреблением лесных насекомых, сколько тем, что дятлы в значительной степени содействуют пребыванию и размножению в наших лесах многих насекомоядных птиц, уничтожающих огромные количества лесных насекомых и вместе с тем украшающих и оживляющих лес своим присутствием и своими песнями. Таковыми именно птицами являются *дуплогнездники*, то есть птицы, гнездящиеся в дуплах деревьев; таковы, например: *синицы*, *пищухи*, *вертишейки*, *мухоловки*, *горихвостки* и другие. Дело в том, что дятлы большей частью ежегодно выдалбливают новое помещение для своего гнезда; кроме того, сплошь да рядом они готовят себе еще по несколько спальных помещений – не потому, что дятлу было мало одного ночлежного приюта, а потому, что такими приютами часто завладевают другие дуплогнездники, которым дятел, вопреки своему вообще решительному и энергичному характеру, уступает обыкновенно без особенно большого сопротивления.

В неволе дятлов держат редко – только особые любители. Для этих птиц нужна обязательно металлическая клетка; всякую другую они разнесут своим клювом вдребезги. В корм даются муравьиные яйца, к которым добавляют мучных червей и нарезанное узкими полосками сырое мясо, а также орехи, хвойные шишки и другие лесные семена. Молодых, взятых из гнезда, выкармливают булкой, намоченной в молоке и смешанной с творогом. Они скоро становятся совершенно

ручными, но в общей клетке их держать нельзя, так как они сильно дерутся между собой.

У нас, в Европейской России, водится восемь различных видов дятлов. Для того чтобы читатель в случае надобности мог определить, с каким именно дятлом ему приходится иметь дело, далее привожу краткое их описание и некоторые особенности, свойственные тому или другому виду.

Большой пестрый, или обыкновенный, дятел ^[16]

Преобладающие цвета перьев – черный и белый. Вся спина черная; нижняя часть брюшка ярко-красная. У самца поперек затылка красная полоска, которой у самки нет; у молодых темя красное. Величиной немного поболее скворца ^[17].

Это самый распространенный, многочисленный вид. Водится во всей России.

Голос – резкое, отрывистое «кик» или «кикс», которые выкрикиваются обычно с большими промежутками.

Выращенный в клетке очень привязывается к своему хозяину и выказывается далеко не глупой птицей.

Средний пестрый, или вертлявый, дятел ^[18]

Преобладающие цвета – черный и белый. Вся спина черная; нижняя часть брюшка розовая; темя и затылок ярко-красные – как у самца, так и у самки; у молодых красный цвет слегка только пробивается на темени. Величиной ^[19] немного менее обыкновенного дятла.

Пестрые дятлы: 1 – большой, взрослый; 2 – большой, молодой; 3 – средний; 4 – малый

Водится только в южной половине России и преимущественно в западной ее части; вообще малочислен, так что встречается довольно редко и в основном в чернолесье (лиственных лесах).

Издает почти такой же «кик», как и обыкновенный дятел, но только повторяет большей частью несколько раз кряду: «Кик, кик, кик, кик...».

Малый пестрый дятел^[20]

(рис. II)

Преобладающие цвета – черный и белый. Спина испещрена черными и белыми поперечными полосами; на брюшке красного цвета нет. Темя у самца ярко-красное, у самки – белое, у молодых – беловато-бурое. Ростом немного более воробья^[21].

Водится в северной и средней России, в южной редко; встречается почти во всех местностях, где есть деревья, но нигде не бывает многочислен и попадает на глаза гораздо реже обыкновенного дятла. Чаще других залетает в городские сады.

Много раз кряду повторяет, громкое, с жалобным оттенком «ки, ки, ки, ки, ки...»; особенно часто слышен ранней весной. По этому крику его легко спутать с родственной ему птицей *вертишейкой*.

Белоспинный дятел^[22]

Преобладающие цвета – черный и белый. Нижняя половина спины белая; брюшко розовое. Темя у самца ярко-красное, у самки – черное. Величиной немного более обыкновенного дятла^[23].

Водится преимущественно в западной и средней России, нигде при этом не попадаясь часто, так как вообще немногочислен. Изредка встречается под Петроградом.

Голос его почти не отличается от голоса обыкновенного дятла.

Трехпалый, или желтоголовый, дятел^[24]

Преобладающие цвета – черный и белый. По спине проходит продольная белая полоса; брюшко беловатое, с черными пятнами. У самца темя желтое, у самки – серебристо-белое. На лапках только три пальца (два обращены вперед и один назад). Величиной немного менее обыкновенного дятла^[25].

Водится только в хвойных лесах северной России и вообще встречается не часто. Попадает иногда под Петроградом.

Черный дятел, или желна^[26]

(рис. XII)

Самый большой из всех дятлов (ростом почти с ворону)^[27] Весь черного цвета, только на голове ярко-красная полоса, которая у самца занимает лоб, темя и затылок, а у самки – один только затылок.

Водится почти по всей России, где только есть большие хвойные леса, но повсюду очень малочислен и год от года встречается реже вследствие быстро идущего истребления старых лесов.

Громкое и весьма характерное «кри-кри-кри-кри...» издает преимущественно во время полета; прилетев же на дерево, испускает протяжное, чрезвычайно громкое и благозвучное «клюэээ», по которому его можно узнать очень издали.

Желна – самый заправский плотник из всех дятлов; своим необычайно крепким и острым клювом-долотом может расщеплять даже здоровые и довольно толстые доски, откалывая щепки в несколько вершков длиной и до полудюйма толщиной. Известны случаи, когда черный дятел наносил немалые урон деревянные постройки, возведенные среди леса или на его опушке. Так, известный ученый Карл Фогт рассказывает следующий случай^[28]:

«Один из моих дядей выстроил в своем лесу на полянке домик. Это было превосходное местечко, лежавшее в тени чудных сосен и лиственниц, около журчащего ручейка, в котором мы ловили раков, пока дядя курил свою послеобеденную трубку. Вся идиллия была разрушена дятлом, с сатанинским упорством избравшим себе местопребыванием внутренности домика. Он влетел туда через низкую трубу и стал производить страшные опустошения внутри обшивных досок, в которых, правда, завелись уже черви. Дядя велел устроить в трубе вьюшку. День спустя, дятел пробуравил в деревянной вьюшке дыру величиной с кулак и снова появился в домике. Вьюшки обили жестью. Когда дядя в следующее посещение отворил дверь, дятел бросился ему чуть ли не в лицо, но тотчас же отлетел прочь, шумно хлопая крыльями. Он пробуравил дыру в ставне и оконном переплете. Пришлось сделать новые расходы и обить жестью ставню. Когда по прошествии нескольких дней дядя вернулся в свой домик, ему бросилась в глаза большая дыра в толстой двери,

до сих пор служившей твердым оплотом от всех лесных животных. Тогда гнев собственника домика не знал более границ: устроили сеть, в которую и попался дятел. Дядя был добропорядочный сборщик податей, выжимавший последний грош у плативших подать, но не способный причинить страданий животным. Сострадание овладело им, когда птица, которую он схватил, взглянула на него жалобно, чуть не прося о пощаде. Он дал одному мальчику, искавшему землянику, птицу и несколько мелких монет, с тем чтобы тот зарезал дятла в каком-нибудь потаенном месте. На следующий день дятел снова появился в домике; скверный мальчишка взял монеты себе и отпустил птицу. Дядя прекратил борьбу. Домик развалился, потому что дядя перестал приходить в него. Дятел же хозяйничал в нем до тех пор, пока не превратил последние остатки в щепки, которыми мы осенью следующего года разводили огонь, чтобы печь себе картофель».

Подобный же случай был в 1877 г. близ Выборга, на даче Ривилин, где появившиеся в ноябре несколько черных дятлов в короткое время жестоко обработали одну дачную постройку. Начали они с оконных рам и резных оконных украшений, затем набросились на крашеную обшивку дома, которая в непродолжительное время почти вся была обращена буквально в щепки. (Я держал в руках эти щепки, на которых ясно можно было видеть следы клюва дятла.) Для предупреждения дальнейшего разрушения дачи пришлось прибегнуть к помощи ружья.

Дятлы: 1 – седой; 2 – белоспинный

Однако не следует думать, что черный дятел приносит один лишь вред. Эта птица оказывает нередко весьма значительную помощь лесничему в уничтожении вредных лесных насекомых. Так, наш известный знаток вредных насекомых И. Я. Шевырев насчитал в желудке одного черного дятла до 300 с лишком штук, а желудке другого – до 650 штук личинок очень вредного жучка-короеда [\[29\]](#).

Зеленый дятел^[30]

Преобладающий цвет – зеленый; лоб, темя и затылок ярко-красные. У самца щеки ограничены снизу красной полосой, а у самки – черной. Значительно крупнее обыкновенного дятла^[31].

Водится почти по всей России, но предпочитает лиственные и смешанные леса, в которых держится преимущественно по опушкам и полянам. В Крыму этого дятла нет, но на Кавказе он является обыкновенной птицей дубовых лесов. Часто спускается на землю и охотно питается муравьями.

Издает звучное «гюк, гюк, гюк, гюк...», ускоряющееся к концу. Этот крик особенно часто бывает слышен ранней весной и слегка напоминает крик курицы.

Седой дятел^[32]

Преобладающий цвет – зеленый. Голова серая (седая), только у самца на лбу находится красное пятно. Щеки окаймлены снизу узкой черной полосой. Величиной немного менее зеленого дятла^[33].

Водится почти по всей России, но встречается редко вследствие своей малочисленности. В Крыму и на Кавказе очень рецок. Во всем очень сходен с зеленым дятлом, в том числе и голосом, только в его более резком крике более слышится гласная *и*, чем *ю*: «гик, гик...».

Вот и все наши дятлы.

Поручаю, читатель, вашему вниманию и покровительству этих красивых, интересных и во всяком случае скорее полезных, чем вредных птиц.

Вертишейка^[34]

ЛИЗКО родственная дятлам, величиной немного меньше жаворонка^[35], буро-серая птичка, вся испещренная темно-бурыми крапинками, черточками и полосками. На верхней поверхности хвоста пять темных поперечных полосок; от затылка к спине тянется темно-бурая полоса; серовато-желтое горло украшено черно-бурыми поперечными черточками. Самец от самки по окраске почти не отличается.

У вертишейки, так же как и у дятлов, пальцы на лапках расположены попарно – два обращены вперед и два назад, но, тем не менее, лазать по дереву, подобно дятлам, она не может. Язык у нее также весьма длинный и узкий, с острым роговым кончиком, но без зазубрин.

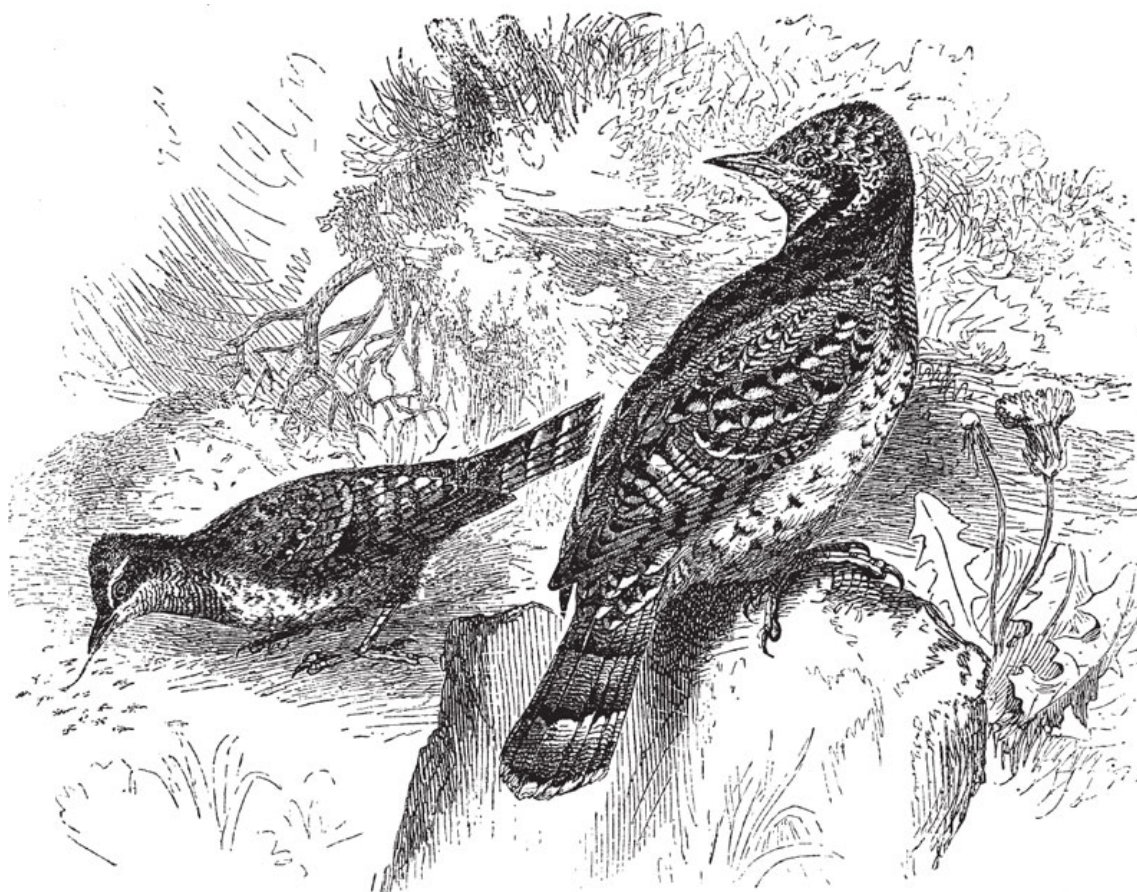
В противоположность дятлам, проводящим у нас зиму и лето, вертишейка – птица перелетная; появляется она у нас в конце апреля или в начале мая, в сентябре же или в конце августа снова улетает на юг, до самых внутренних стран Африки.

Вертишейка распространена почти по всей европейской и азиатской России, хотя нигде не встречается особенно часто вследствие своей малочисленности. Гнездится повсюду, где есть дуплистые деревья или вообще какие-либо углубления в деревьях, в которых она вьет свое незатейливое, но мягкое и теплое гнездышко и сносит к началу июня 6-12 чисто-белых, блестящих яиц. Высиживанием занимаются самец и самка попеременно.

При приближении к гнезду человека или вообще какого-либо врага вертишейка шипит как змея и тем нередко отпугивает непрошеного гостя, в особенности ребятишек, столь часто занимающихся непохвальным делом разорения птичьих гнезд. К половине июля птенцы выучиваются уже летать и вскоре покидают своих родителей. К осени вертишейки сбиваются в небольшие стайки для совместного путешествия в дальние края.

Издает громкое и часто повторяемое «тей, тей, тей, тей, тей...» или, пожалуй, «ти, ти, ти, ти, ти, ти...» (*тикун*), чем весной она извещает о своем прилете. Крик этот по своему характеру очень напоминает крик некоторых дятлов, в особенности маленького

пестрого дятла, и тем выдает близкое родство вертишейки с этими птицами.

Вертишейка

Своим резким, далеко слышным криком, вертишейка невольно привлекает к себе внимание даже малонаблюдательного человека. В первые же дни по прилете, пока деревья еще не оделись в листья, нетрудно разглядеть эту странную крикунью, тем более что она большей частью сидит при этом невысоко на дереве, располагаясь преимущественно на сучьях, отходящих от ствола дерева в горизонтальном направлении.

Любимую пищу вертишейки составляют муравьи и их яйца; она подбирает их с земли своим клювом, а еще чаще добывает из кучи на манер дятлов, всовывая свой длинный липкий язык в муравьиную кучу и втягивая его с набравшимися муравьями обратно в рот. Кроме

муравьев, она также кормится и насекомыми, которых обирает с ветвей и листьев.

Преуморительным существом является вертишейка, когда она увидит что-нибудь, по ее мнению, страшное. Тогда она начинает необычайно гримасничать: хохлом поднимает на голове перья, распускает веером хвост, длинно вытягивает шею и медленно изгибает ее змееобразно во все стороны, так что голова описывает круги, а клюв попеременно обращается то вперед, то совсем назад (откуда и произошли названия – *вертишейка*, *вертиголовка*). Или же, вытянув шею, медленно наклоняется вперед, закатывает глаза и, надув свой зоб, наподобие того, как это делают *древесные лягушки*, издает какое-то странное, глухое не то хрипение, не то ворчание. Жившая у меня одно время в комнате молодая вертишейка проделывала следующее: когда предполагала, что кто-нибудь приближается к ней с недобрыми намерениями, она вытягивала шею, медленно поднимала ее, как палку, кверху и затем вдруг быстро опускала книзу, вроде того, как спускается курок у ружья во время выстрела; при этом, в момент опускания головы книзу, она издавала особенный звук, вроде чихания или кашля. Все это она проделывала очень медленно и повторяла несколько раз кряду.

Таким образом, вертишейка является весьма забавной птицей. Вреда она никакого не приносит, а потому заслуживает охранения. Врагов у нее и без человека довольно.

В клетке вертишейку держат редко, так как она не поет песен, хотя и очень забавна своими смешными ужимками. В корм ей дают муравьиные яйца. Птенцы легко выкармливаются свежими муравьиными яйцами.

Синица

*Кругом везде повис туман густой,
И солнца свет ослабил он могучий.
Недвижною все полно тишиной,
И лишь из труб клубится дым летучий,
Сливаясь с тумана пеленой.*

*В саду все тихо. Только меж ветвями,
Кругом синицы весело трещат,
Их бойкими, короткими свистами
Мне так отрадно душу веселят.*

А. Соколов

Действительно, в туманные осенние дни, когда вся природа «съезживается» в ожидании скорого прихода суровой гостьи – бабушки-зимы – и когда даже в самое беззаботное сердце прокрадывается какое-то тоскливое чувство, звонкий свист синицы, раздавшийся в опустелом саду, действует на тоскующую душу, словно яркий луч солнца, прорвавший густую пелену тумана...

Осенний туманный день и синица – неразлучные спутники. По крайней мере, в моем представлении они всегда тесно связаны между собой. Еще в детстве, как сейчас помню, выскочишь, бывало, в одной курточке утром, перед отправлением в школу, на не заделанный еще на зиму балкон: сыро, туманно, неудобно. С неопавших еще потемневших листьев сирени, словно облитых водой, падают на землю крупные капли. Почерневшие от мороза, точно ошпаренные, георгины печально свесили свои листья и не успевшие еще доцвести желтые и пунцовые головки...

Тоскливо так делается на душе: впереди зима со школой и скучными уроками, и такая длинная-длинная, что и конца ей, кажется, не предвидится (в детстве ведь время так тянется!)... Вдруг из куста сирени раздается веселое «пинь, пинь, пинь, цици-вю, цици-вю, цици-вю!» – сердце так и встрепенется!.. Вот и сама она, шустрая, живая синичка, перепрыгивает с ветки на ветку. Веселая, беззаботная, бойко вызванивает стальным своим голоском на разные лады, словно хочет сказать:

В мире, что ни дейся,
Смертный все надейся,
Солнце не однажды сизнова взойдет,
После непогоды ярче день блеснет^[36].

«Цици-фююить, цици-фююить» – стоит ли горевать, пока здоров и есть что кушать, да и гореванием ведь горю не поможешь, и не век ведь будут осень да зима:

Тем еще утешней
Будет праздник вешний:
Вновь мир будет скоро солнышком согрет,
Радужно раскрашен, зеленью одет^[37].

Постоишь так, бывало, на балконе, послушаешь синичку, и легко станет на душе, и в школу как-то веселее бежится...

Синицы принадлежат к числу самых полезных наших птиц, а потому мы должны обстоятельно о них побеседовать.

Все синицы – маленькие, бойкие, умные, ловкие, смелые и вечно деятельные птички. Они великолепные гимнасты и акробаты: лазать, кувыркаться, висеть вниз головой, уцепившись за тонкий кончик ветки, синицы – великие мастерицы и притом мастерицы положительно неутомимые: с утра до вечера, ни минутки не передыхая, перелетают, перепархивают они с дерева на дерево, с ветки на ветку, все обшаривая и осматривая, заглядывая в каждую трещинку, в каждое углубление на дереве, внимательно обследуя каждую веточку, каждый укромный уголок и беспрестанно долбя то тут, то там своим крепким коротким клювом. Там запряталась мушка, здесь притаился под кусочком коры жучок, тут кучечкой, словно бисеринки, сложены и прилеплены к коре яички бабочки – все это годится для синицы, все это ей лакомый кусочек.

Для всех гимнастических трюков, которые с таким мастерством проделывают синицы, превосходным орудием служат их крепкие, сильные лапки, снабженные очень острыми и круто изогнутыми коготками. Кому случалось брать в руки синицу, тот, наверное, испытал на себе остроту когтей и силу клюва этой птички: так вцепится в палец и зацепит, что на одной ножке поплясать

заставит! Недаром гласит пословица: «Мала птичка-синичка, да ноготок востер».

По части летания синицы не особенно большие искусницы. Полет их нетвердый, порхающий, всегда короткими дугами, то вверх, то вниз – и производится, видимо, с некоторым усилием из-за довольно округлых и коротких крыльев. Поэтому-то синицы и не любят открытого поля, а всегда при своих передвижениях стараются придерживаться лесов, аллей и садов.

На поверхность земли синицы спускаются неохотно и передвигаются по ней не особенно ловко из-за круто изогнутых длинных когтей. Двигаются они по земле вприпрыжку и в косом направлении, так как ставят всегда одну лапку впереди другой.

Большая часть наших синиц – птицы чисто лесные. Жизнь их тесно связана с деревьями. Подобно дятлам, они не любят открытых пространств и по возможности их избегают.

Синицы попадают на глаза больше осенью, потому что в это время они приближаются к жилищам людей, лето же проводят в лесах и частью в больших парках, где выют гнезда и выводят птенцов. Для гнезда синицы выбирают преимущественно дупла старых деревьев, в которых и устраивают колыбельку для будущих своих деток – из тонких сухих стебельков и корешков разных трав; внутренняя же поверхность этой колыбельки выстилается шерстью, волосами, перьями, пухом и тому подобными материалами. Некоторые синицы выдалбливают себе помещение для гнезда в гнилых древесных стволах, а также пользуются и старыми дятловыми гнездами. Иногда гнезда помещаются в углублениях и трещинах старых каменных стен.

Синицы-самочки кладут большое количество яиц: от 6 до 14 и даже 17. Яички почти у всех синиц белые, с ржаво-красными пятнышками и крапинками. Высиживают большей частью самец и самочка попеременно, или же, если одна только самочка занимается высиживанием, то самчик приносит ей в это время корм. Нередко синицы выводят птенцов по два раза в лето.

Осенью, когда подрастут птенцы, синицы оставляют места своих гнездовых в лесах и начинают вести кочевую жизнь, собираясь при этом обыкновенно в стайки, в которых нередко перемешиваются разные виды синиц. К таким стайкам часто присоединяются и другие

небольшие птички, родственные синицам: *корольки*, *поползни* – или ведущие сходный с ними образ жизни *пищухи*. Иногда такая смешанная стайка избирает своим предводителем какого-нибудь дятла – все равно, хочет он или не хочет, – и следует повсюду за ним, держась всей компанией вместе и в то же время на некотором расстоянии друг от дружки. Лазая и прыгая, ссорясь и играя, распевая и работая без усталости, весело кочует такая пестрая компания по всей области. Иногда, гуляя осенью в лесу, вдруг среди присущей осеннему времени лесной тишины видишь себя окруженным со всех сторон членами подобной веселой пернатой компании: пищат, трещат, цикают на все лады, перепархивают с дерева на дерево, долбят клювами, и через несколько минут снова все тихо, только ветерок шушукает с пожелтевшей осинкой...

Таким-то образом, двигаясь стайка за стайкой, обшаривают синицы наши леса, сады и рощи, очищая и освобождая их от множества мелких, но, тем не менее, очень вредных и опасных для деревьев врагов.

Наши лесные синицы не отлетают на зиму в теплые страны; они только кочуют, облетая в течение осени и зимы большую или меньшую область, разыскивая себе дневное пропитание, состоящее главным образом из насекомых или куколок, личинок и яичек, а также частью и из зерен и семян разных растений.

Твердую зерновую скорлупу синицы разбивают своим клювом, зажав зерно между лапками, и затем выклевают из него мякоть. Точно так же поступают они с коконами и куколками бабочек и других насекомых.

Почти все синицы – большие охотницы до мяса и сала. Где выставлены на воздухе для провяливания мясо, окорок или сало, там осенью и зимой почти всегда можно встретить синицу, прилетевшую лакомиться этой столь вкусной для нее снедью, при этом нередко она попадает в расставленную для нее ловушку.

Все синицы – большие задиры, и насколько они трусливы перед сильным врагом, например перед ястребом, при приближении которого приходят в неопишуемый ужас и совершенно теряют голову, настолько дерзки и задиристы относительно других маленьких птичек.

Выше было уже упомянуто, что синицы принадлежат к числу самых полезных наших птиц, и именно полезных для наших лесов, садов и парков. Для большей наглядности приведу следующий случай, рассказанный профессором Альтумом.

«В 1848 году в саду графа Воздицкого (в Германии) появилось множество гусениц одной очень вредной бабочки – *непарного шелкопряда*^[38], поевших всю листву на деревьях сада, так что среди лета деревья стояли совершенно голыми. К осени все сучья и стволы деревьев были облеплены яичками этой бабочки. Попытка снять эти яички при помощи человеческих рук вскоре была оставлена ввиду полной ее безуспешности, и граф уже приготовился видеть погибель своих лучших деревьев. Между тем под конец осени сад начали ежедневно посещать стайки синиц. Количество яичек, отложенных бабочками на деревьях, стало заметно уменьшаться. Весной следующего года 20 пар синиц свили себе в этом саду гнезда, и гусеничная напасть значительно ослабела. В 1850 году маленькая пернатая полиция так очистила деревья в саду графа, что он имел уже удовольствие видеть их в течение всего лета в прекрасной зелени».

Наши синицы являются тем более полезными охранительницами наших лесов и садов, что они проводят у нас круглый год – зиму и лето, тогда как большинство остальных наших насекомоядных птиц прилетает к нам только на лето и, следовательно, проявляет свою полезную деятельность всего только в течение нескольких месяцев.

Хотя синицы и встречаются почти повсюду, но далеко не в таком количестве, в каком можно было бы ожидать, судя по их большой плодовитости. Конечно, хищные птицы наносят им некоторый урон, хотя синицы, проводя свою жизнь преимущественно под покровом древесных ветвей, менее других птиц подвержены опасности попасть под острые когти хищника. Но главными врагами наших милых птичек являются, с одной стороны, *сойки*, а с другой – суровая зима. Сойка – большая любительница разорять птичьи гнезда и лакомиться находящимися в них яйцами и птенцами; бедным синичкам также немало от нее достается. Что же касается зимы, то она не столько пагубна синицам своими морозами, сколько снегами и главным образом инеем. От большой стужи синиц прекрасно защищает их пушистое оперение, являющееся превосходной теплой шубкой для наших птичек. Гораздо опаснее для них снег и иней,

покрывающие толстым слоем ветви деревьев и лишаящие синиц возможности иногда по нескольку дней кряду отыскивать себе необходимое пропитание. В такие злосчастные для синиц дни много гибнет этих птичек от голодной смерти, и это как раз в те самые дни, когда мы любуемся зимним убранством леса: разукрашенными инеем или запущенными снегом деревьями. Будьте милосердны в такие дни к синичкам: вывешивайте для них в вашем садике кусочки сала, нанизанные на ниточку; одним небольшим кусочком может пропитаться небольшая семья синиц в течение недели.

Хотя каждый вид синиц обладает своим особым голосом, по которому знающий человек еще издали может отличить один вид от другого, но всем видам синиц, без исключения, присущ общий характерный звук, необыкновенно тонкий и чистый, словно металлический, стальной: «си-си-си» или «ци-ци-ци», по которому мало-мальски развитое ухо тотчас узнает синицу. Собственно песен – раскатистых, переливчатых, как, например, у зяблика или жаворонка, – у синиц почти нет.

Содержание синиц в клетках – как комнатных птиц – дело не трудное. Большинство из них весьма выносливы и особенно утонченного ухода не требуют. (Я имею здесь в виду птиц, уже выдержанных, отсидевшихся, приобретенных от птичников; из свежепойманных же при неумелом уходе погибают очень многие, в особенности из числа *ополовничков* и *лазоревок*.) Главным кормом для синиц в клетке могут служить муравьиные яйца (свежие или сушеные; последние должны быть предварительно обварены кипятком, затем отжаты и остужены). Можно также подбавлять немного конопляного семени, причем семя должно быть предварительно слегка раздавлено (например, кухонной скалкой или бутылкой, на листе газетной или сахарной бумаги). Для *большой синицы* можно коноплю и не давить, так как у нее клюв достаточно крепок для того, чтобы разбить скорлупу конопляного зерна. Следует также иметь в виду, что все синицы страстно любят купаться, а потому или питейка должна быть достаточно велика, или же можно ставить в клетку или подвесить к ней на время особую ванночку. В общем птичьей садке синицы мало поют, в отдельных же клетках поют без умолку большую часть года (кроме поры линьки). Большую синицу в общий садок лучше не сажать: говорят, что она убивает

других птичек. (Я об этом слышал, но в моей общей клетке никогда не случилось ничего подобного.) Вообще же синицы – весьма милые комнатные птички. Их живой, веселый нрав и прилежное, бойкое пение доставляют много удовольствия. Познакомившись с общими чертами характера и образа жизни синиц, уделим теперь по несколько слов каждому виду в отдельности.

Большая, или обыкновенная, синица^[39]

(рис. III)

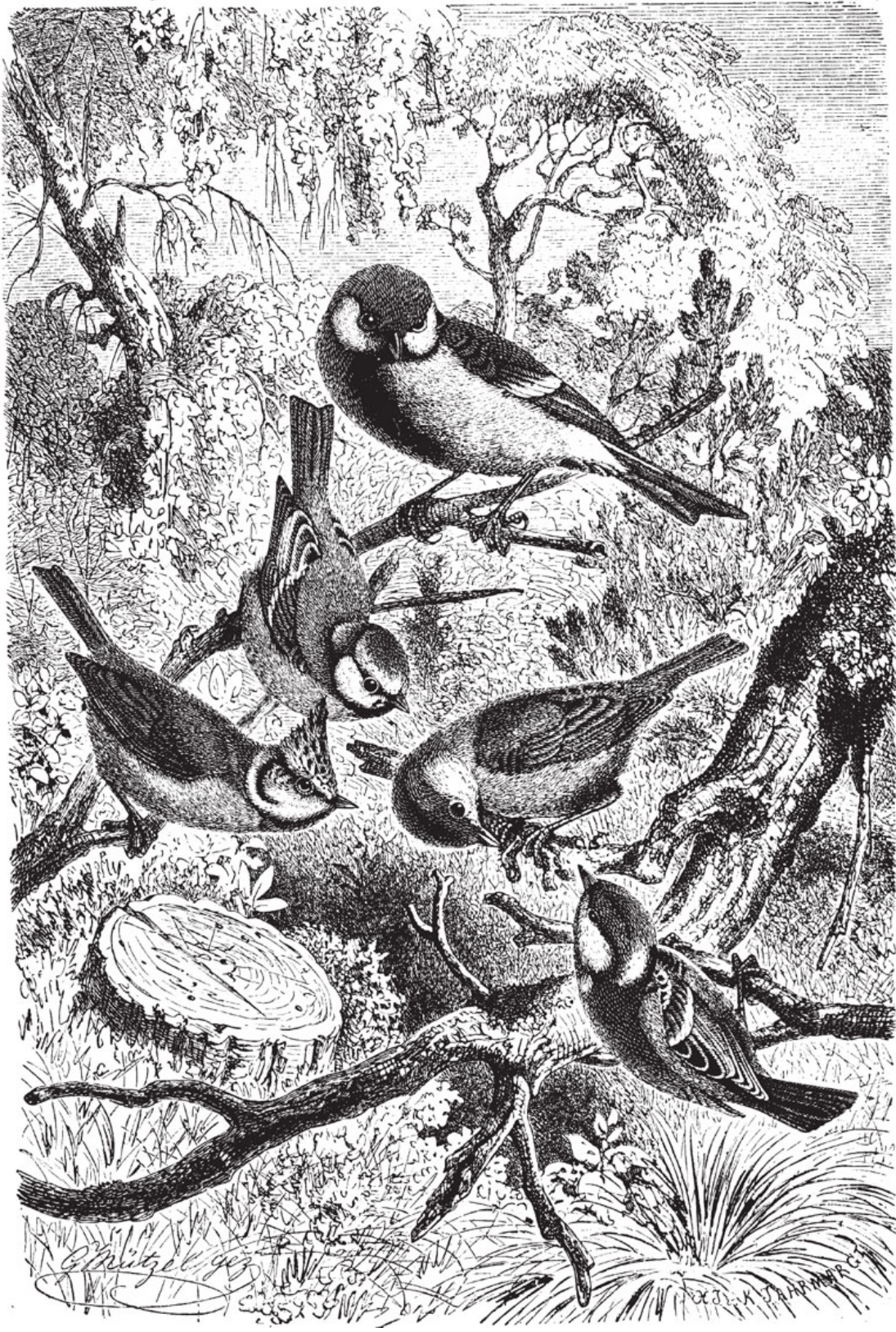
Эта синица производит общее впечатление желтой птички, потому что вся нижняя сторона ее желтая; голова, горло и продольная полоса через середину груди и брюшка черные; щеки белые; спина желтовато-зеленая. У самочки черная полоса только на груди, на брюшко не заходит. Водится по всей России, от Архангельска до Крыма и Кавказа. В северной полосе своей области гнездовья эта синица остается на зиму лишь в очень небольшом числе – остальные откочевывают к югу.

Большая синица – самая крупная из всех наших синиц^[40], и голос у нее громче, чем у других. Кроме общего всем синицам «си-си-си», она издает еще много разных звуков, из которых наиболее характерным для нее является чрезвычайно громкое, далеко слышное пиньканье: «пинь, пинь, пинь», совсем на манер зяблика. Сколько раз смущало меня это пиньканье по веснам при ожидании прилета зябликов: ходишь, бывало, по лесу или по парку, прислушиваешься – не прилетели ли дорогие весенние гости, вдруг раздается вдали: «Пинь, пинь... пинь, пинь, пинь...», – так сердце и встрепенется. Спешешь увидеть поскорее долгожданного певца, как вдруг долетевшее до уха с той же стороны: «Ци-ци-фю, ци-ци-фю» или «Цици-фююить», – сразу словно холодной водой обдаст, и так станет обидно, что плутовка-синица так ловко провела...

Есть у нашей синицы еще много разных, как говорят птичники, «ударных и свистовых колен», из которых некоторые звучат очень красиво, но словами их трудно передать. Хорошо поющие *синицы-кузнечики* у завзятых птичников-любителей ценятся иногда очень дорого: рублей до 100 и даже более.

Большая синица чаще других попадает на глаза человеку, потому что более других держится зимой около человеческих жилищ и нередко залетает даже, особенно в бескормицу, в открытые сени и комнаты. Попав в комнату, она ведет себя совсем не так, как другие птицы: через несколько минут она совершенно осваивается со своим положением и держит себя так, как будто весь век прожила в доме: тотчас начинает обшаривать все уголки над шкафами и печками и обирать всех пауков, мушек и тараканов, если таковые, на ее счастье, водятся в комнате. За хорошо известной ей кошкой следит постоянно с величайшей недоверчивостью, насмехается над ней и бранит ее, лишь только завидит. К собаке скоро начинает относиться дерзко, а с людьми через несколько дней сводит дружбу, если только ее угощают время от времени столь любимыми ею конопляными зернами, муравьиными яйцами или салом. Однако при всем этом она ни на минуту не упускает случая снова ускользнуть на свободу.

Благодаря такому своему нраву большая синица пользуется широкой известностью, в особенности в народе. О ней сложено множество пословиц, поговорок и сказок.

2

5

Mitzel

1833

Синицы: 1 – большая; 2 – лазоревка; 3 – московка; 4 – пухляк; 5 – хохлатая

«Не велика синичка, да та же птичка», «За морем и синица птица» (там, мол, все едят), «Синица в руках лучше соловья в лесу» или, что то же: «Не сули журавля в небе, а дай синицу в руки» (не обещай, мол, золотые горы за морем, а дай лучше здесь копеечку), «Хвалилась синица море спалить» (говорят нередко о хвастливых людях). Про нее же поется:

За морем синичка весело жила,
Весело жила – пиво варивала.

Лазоревка^[41]

(рис. II)

Значительно меньше большой синицы^[42]. Преобладающие цвета – желтый и голубой. Голова ее белая, с голубым пятном (шапочкой) на темени; кольцеобразный ошейник и полоска от клюва через глаз черновато-голубые; спинка желтовато-зеленая; грудь и брюшко желтые; на нижней части груди и брюшка посередине продольная голубовато-черная полоса. У молодых менее яркая окраска и вместо голубого цвета желтовато-зеленый.

Лазоревка распространена по всей России, до Кавказа и Крыма включительно. Она предпочитает лиственные леса (чернолесье) и чаще других синиц гнездится в садах и парках, в которых очень часто встречается также и зимой, как в одиночку, так и небольшими стайками.

По своему характеру лазоревка совсем походит на свою старшую сестру – большую синицу, которую представляет собой, так сказать, в уменьшенном виде.

Голос у лазоревки тоненький, негромкий. К общему всем синицам «си-си-си» она постоянно добавляет «ситэ-рэтэтэ». Во время кочевания лазоревки часто перекликаются звонким «тэтэтэтэ». Но в особенности характерна для нее короткая светлая, чрезвычайно

мелодичная трелька – «цилилилили», которую она часто повторяет в весеннее время.

Лазоревка – одна из очаровательнейших наших птичек; к сожалению, в комнате довольно редко удается ее выдержать^[43]

Белая лазоревка^[44]

(рис. XXIII)

Величиной немного менее обыкновенной синицы^[45]. Преобладающие цвета – белый и голубой. Голова и вся нижняя сторона белые; поперечная полоса на затылке и полоска через глаз – лазоревые; спина светло-голубая; крылья серовато-черные с голубым; довольно длинный хвост красивого голубого цвета.

Эта красавица-синица водится преимущественно в восточной России, но ежегодно встречается в зимнее время в небольшом числе и под Петроградом.

Московка^[46]

(рис. III)

Ростом поменьше лазоревки^[47]. Преобладающие цвета – серый, черный и белый. Голова и шея черные, с белыми пятнами на щеках и затылке; спина голубовато-серая; грудь и брюшко беловатые.

Водится московка по всей России, предпочитая хвойные, преимущественно еловые леса. В садах и парках встречается реже других синиц и преимущественно осенью, иногда – сотенными стаями.

Наша московка представляет собой в высшей степени симпатичное создание. Для меня, по крайней мере, она является самой милой из всех наших синиц (которых у меня в комнате перебивало достаточное таки количество). Голосок у нее чистый, ласкающий ухо, мелодичный, хотя и очень тоненький. Как мило распевает она свои разнообразные коленца: «пы-ти, пы-ти», «цици-

би, цици-би», «пить-чай, пить-чай», «ситютютити» и многие другие! Поэтому-то она чаще других синиц встречается в комнатах у любителей птиц.

Пухляк, или гайка^[48]

Немного больше московки. Преобладающие цвета – серый, черный и белый. Голова, затылок и подбородок черные; щеки и нижняя сторона более или менее беловатые; спина буровато-серая^[49].

Пухляк – тоже очень милая птичка; он хорошо переносит комнатную жизнь, а потому рядом с московкой часто встречается в клетках любителей птиц. Голос у него вообще не такой звонкий и мелодичный, как у московки, но попадаются иногда пухляки с так называемой «дудкой» – громким, заунывным, далеко слышным, несколько раз кряду повторяемым свистом: «тию-тию-тию-тию-тию-тию», подражая которому легко подманить к себе такого «дударя», что мне неоднократно удавалось делать. Подобного звука нет ни у одной из прочих наших синиц. Затем, характерными для пухляка являются также звуки «ци-ци-чш-чш-чш», которые он часто повторяет во время своих кочевок. Кроме того, у пухляков есть нечто вроде настоящей небольшой песенки, выразить словами которую очень трудно.

Если захотите полюбоваться на пухлячков и на их мастерские акробатические трюки, то выходите ранней весной (в марте) в еловый лес, когда чешуйки еловых шишек начинают оттопыриваться от пригревающих их лучей солнца; вы тогда скоро увидите, как эти птички, искусно прицепившись кверху брюшком к висящим на дереве шишкам, вытаскивают своим клювом из-под их чешуек семена.

Хохлатая синица^[50]

(рис. III)

Одинаковой величины с лазоревкой. Преобладающий цвет – светло-шоколадный. На голове высокий остроконечный пестрый хохол из черных с белой каймой перьев; горло и полоса, проходящая

через глаз, черные; щеки белые; спина шоколадного цвета, грудь и брюшко красновато-белые.

Эта синица распространена только в северо-западной и средней полосе России (под Петроградом встречается реже других синиц) и водится преимущественно в хвойных лесах. Осенью и зимой гренадерка изредка встречается в составе тех смешанных стаяк кочующих синиц, о которых у нас речь была уже выше.

Характер у хохлатой синицы такой же, как и у прочих синиц: это такая же вечно оживленная, бойкая и ловкая птичка. Голосок у нее довольно слабый. Самым характерным звуком для этой синицы является своеобразная сухая трель, издаваемая в возбужденном состоянии и звучащая вроде «пюррэ, пюррррррре». Весной поет нечто вроде небольшой песенки, причем делает различные, иногда очень смешные движения, то поднимая, то опуская свой пестрый хохол и вздергивая кверху хвостик. К неволе она привыкает несколько труднее других синиц, но, раз обжившись, становится одной из милейших комнатных птичек.

Длиннохвостая синица, или ополовничек^[51]

(рис. II)

Маленькая, почти шарообразная птичка с очень длинным хвостом^[52]. Преобладающие цвета – белый и черный. Голова, горло и грудь белые, спинка черная, плечи розовато-бурые, брюшко также слегка розовато-бурое. Самые характерные признаки длиннохвостой синицы – это ее необычайно длинный – длиннее всего тела – ступенчатый, красивый хвост и очень короткий клюв.

Ополовничек встречается по всей России. Это единственная из наших лесных синиц, которая вьет гнезда всегда открыто на деревьях. Гнездо ополовничка, помещающееся обыкновенно в развилинах сучков, имеет форму большого яйца с боковым летным отверстием; оно мастерски сделано из мха, лишаяев, паутины и выложено внутри постелькой из мягких перышков, шерсти и волос. Парочка ополовничков работает над постройкой своего гнезда около 2–3 недель; самочка кладет в него 9, 12, 15 и даже до 17 яичек чисто-белого цвета или с красноватыми крапинками на белом фоне. Когда

многочисленные птенцы начинают подрастать, они мало-помалу сминают войлокообразную ткань своей колыбели, вследствие чего местами эта ткань даже прорывается. Если такие отверстия образовались на дне гнезда, то подросшие уже птенцы просовывают в них свои, неудобные для сиденья в гнезде, длинные хвосты, вследствие чего получается весьма оригинальное зрелище круглого гнезда с торчащими из него снизу длинными хвостами.

Осенью ополовнички собираются в довольно большие стайки (десятка по два, по три и более) и начинают кочевать, причем они большей частью составляют отдельные самостоятельные стаи и редко когда перемешиваются с другими синицами. В садах и парках окрестностей Петрограда стайки ополовничков появляются регулярно в конце сентября и летят весь октябрь и ноябрь в направлении к югу; иногда же держатся у нас и всю зиму. С наступлением весны они снова возвращаются в свои леса для гнездовья.

Голосок у ополовничков крошечный, незначительный; кроме общего всем синицам «си-си-си» особенно характерными для этих птичек являются звуки «цирири» и «черр», которые они начинают учащенно издавать каждый раз, когда увидят человека или какое-либо враждебное им существо.

Стайка ополовничков с их длинными хвостами, выделяющая свои акробатические трюки на безлиственных деревьях, представляет собой презанимательное зрелище. Двигаясь по земле, эти птички высоко вскидывают кверху свой длинный хвост, подобно тому, как это делает сорока.

В неволе ополовнички становятся скоро совершенно ручными. Несколько этих птичек в одной клетке представляют собой премилое зрелище: они необыкновенно нежны друг к другу, и особенно забавно бывает смотреть, когда все птички, прижавшись друг к дружке (как это обыкновенно делают попугаи-неразлучники), спрятав свои головки под крылышки и оттопырив во все стороны свои густопушистые перышки, спят на одной жердочке в клетке. Вообще ополовнички отличаются от прочих синиц более мягким и спокойным характером. Жаль только, что эти милые птички большей частью недолго выдерживают комнатную жизнь.

Водящиеся на Кавказе ополовнички отличаются от наших двумя темными надбровными полосами на светлой головке.

Они принадлежат к особому виду – *кавказской длиннохвостой синице*.

Вот и все о синицах. Грустно, что эти столь полезные и милые птицы более, чем какие-либо другие год от году убывают в числе вместе с постепенным исчезновением старых вековых лесов. Нет старых дуплистых деревьев – негде и гнездиться синичкам. В Западной Европе со многих уже сторон все чаще и чаще слышатся жалобы на сильное уменьшение количества этих драгоценных охранителей лесов и садов. В некоторых лесничествах там начали уже ставить на деревьях ящики (вроде маленьких скворечниц), которые понемногу и заселяются парочками синиц, не находящих для себя в лесах столь необходимых для них старых дуплистых деревьев. Доброму, заслуживающему подражания, делу положили начало тамошние лесничие, и маленькие синички, конечно, не замедлят отплатить им за это сторицей...

Королек^[53]

(рис. III)^[54]

*Кругом все было тихо, лишь одни
Неугомонные малютки-корольки
В вершинах темных елей копошились,
Откуда изредка до слуха доносились
Их нежные, тончайшие свистки.*

Вероятно, мало кому – кроме завзятых любителей комнатных птиц да ученых-птицеводов – знакома эта крошечная, миловидная птичка, а между тем она заслуживает внимания хотя бы уже только потому, что является самой маленькой из всех наших, и вообще европейских, птиц. В длину, от кончика клюва до конца хвоста, королек имеет всего $3\frac{3}{4}$ ^[55] дюйма^[56]; ощипанное же от перышек его туловище – немного более наперстка! И тем удивительнее, что такая крошка не боится нашей русской северной зимы – водится у нас круглый год. Это, впрочем, объясняется тем, что королек обладает прекрасной пуховой шубкой, которая вполне защищает его крошечное тельце от зимней стужи.

Наружность королька чрезвычайно милая: верхняя сторона птички и ее крылья серовато-зеленые; нижняя сторона светло-серая; поперек крыльев две белые полосы; вдоль головки, посредине темени, золото-желтый лежачий хохолок, окаймленный по сторонам двумя черными полосками; клювик прямой, короткий и очень острый. При этом весь склад птички чрезвычайно изящен и пропорционален: такая она вся кругленькая, пухленькая, а когда поднимет свой золотой хохолок – что она делает каждый раз, когда находится по какому-нибудь случаю в возбужденном состоянии, – то вполне заслуживает данного ей уменьшительного названия коронованной особы.

Характер королька вполне соответствует его миловидной наружности: это птичка вечно веселая, подвижная, доверчивая и общительная. Целый день, с утра до вечера, она неутомимо перепархивает с ветки на ветку, с сучка на сучок в сообществе

с другими королями или синицами, обирая с деревьев мелких насекомых, гусениц и яички бабочек, выделявая при этом, подобно игривым синицам, различные мастерские акробатические трюки.

Копошась на дереве, королек беспрестанно издает свое тонкое, стальное «сисиси», совершенно сходное с подобными же звуками, издаваемыми синицами, и тем самым указывает на свое родство с этими птичками. Кроме этих призывных звуков у короля есть и настоящая песенка, правда очень короткая и негромкая, но все-таки песенка, которую приблизительно можно выразить буквами следующим образом: «сюитити, сюитити, титерере», причем первое колено этой песенки – «сюитити» – звучит в таком роде, как если бы водить крошечным смычком по крошечной скрипочке.

Свою песенку королек-самчик распевает почти круглый год, даже в морозные, ясные зимние дни. Усерднее всего поется эта песенка, конечно, весной, но в эту пору слабый голосок нашего крошки-певуна теряется среди громкоголосого хора многочисленных пернатых певунов, поющих свои радостные весенние песни. Поэтому, если вы захотите познакомиться с пением короля и полюбоваться на эту милую птичку, выходите утром, самой ранней весной (в конце февраля или начале марта), на освещенную солнцем опушку елового леса или, еще лучше, в такую часть сада или парка, где между группами лиственных деревьев стоят, группами же или даже одиночно, хвойные деревья – ели и пихты; в таких местах в вышеуказанное время вы почти наверное можно сказать – услышите и увидите королек. Хотя большей частью эти птички держатся высоко на деревьях, в их вершинах, но иногда они спускаются и на нижние ветви елей, где их и можно удобно наблюдать, нередко в двух-трех шагах расстояния.

Мастерское, сотканное из древесных мхов и лишайев, маленькое, почти шарообразное и сверху открытое гнездышко королек помещается обыкновенно на высокой ели или пихте, на кончике одной из верхних веток. Самочка кладет в апреле от 3 до 10 крошечных грязновато-желтых яичек, скорлупка которых настолько тонка, что нужно очень осторожно брать их в руки, чтобы не раздавить.

По вылете из гнезда молодые королики недолго остаются при своих родителях и скоро рассеиваются в разные стороны.

С наступлением осени корольки начинают вести кочевую жизнь, но не одиночками, а всегда в сообществе с другими корольками или же с синицами.

Королек, безусловно, птичка лесная: где нет деревьев, там нет и корольков. Главным его местопребыванием служат хвой рольками лишь при осенних и зимних кочевках.

Распространение нашего королька очень обширно: он встречается по всей России – от Крайнего Севера до Кавказа.

Как истребитель огромного количества мелких насекомых, из числа которых многие принадлежат к опасным врагам леса, крошечный королек является, наравне с синицами, одной из полезнейших наших лесных птиц^[57].

Корольки переносят неволю очень трудно, но, раз привыкнув к жизни в комнате, они станут премилыми комнатными птичками. Не следует только никогда заводить одного королька, а всегда парочку или еще лучше пять – шесть этих птичек, и посадить их нужно в общую клетку, потому что одинокий королек почти не переносит неволи. У меня жила однажды парочка корольков в течение почти целой зимы. Обе птички так привязались ко мне, что летали за мной из комнаты в комнату, а любимым их местом отдохновения была моя голова, на которую они очень часто садились. К большому моему огорчению, один из этих корольков сделался жертвой своей доверчивости и попался в лапы кошке, другой же, оставшись одиноким, начал хиреть, и я поспешил выпустить его на волю.

Уход за корольками, содержащимися в клетке, должен быть самый тщательный и внимательный. Кто не может дать им такого ухода, тот пусть лучше вовсе не заводит у себя этих птичек, если не хочет их видеть погибшими уже через несколько дней.

Комнатный корм для королька: летом – свежие, а зимой обваренные, отжатые и остуженные муравьиные яйца, вперемешку с сухими.

Пищуха^[58]

(рис. II)

*Осенью, в те грустные дни, когда
Обвеян вещею дремотой,
Полураздетый лес грустит,
Из летних листьев разве сотый,
Блестя осенней позолотой,
Еще на ветке шелестит...^[59]*

когда наши милые пернатые певуны отлетели в далекие, теплые страны и в наших лесах, садах и рощах водворилась тишина, лишь изредка прерываемая резким криком сойки или стрекотанием сороки, – в эти дни во время прогулок в саду или парке нередко обращает на себя внимание одинокая маленькая^[60] птичка, лазающая, на манер дятлов, по древесным стволам и издающая время от времени то короткое отрывистое не очень громкое «сирр», то «ссит-ссит», очень сходное по звуку с синичным «сисиси». Вот она только что молча прилетела на нижнюю часть ствола старой аллеиной липы и тотчас же короткими скачками начинает взбираться вверх по стволу, изредка издавая свое «сирр» или «ссит». Птичка эта – *пищуха*.

Сверху серовато-бурая (совсем под цвет древесной коры), с белыми крапинками, снизу белая, птичка эта снабжена очень острыми, изогнутыми когтями, сидящими на длинных пальцах, и крепким, пружинистым хвостом, благодаря чему она и может так же прекрасно лазать по деревьям, как и дятлы, цепляясь когтями за неровности коры и опираясь, подобно дятлам, на свой пружинистый хвост.

Длинный, тонкий, изогнутый клюв пищухи, похожий на маленькое шило, позволяет ей тщательно обыскивать и обшаривать всякую щелочку и трещинку, каждую мшинку и лишай на дереве и вытаскивать из них мелких насекомых и яички бабочек, которые

и составляют главную пищу этой птички. Работая почти без усталости, подобно синицам, с самого раннего утра до позднего вечера, маленькая пищуха очистит в течение дня не один десяток деревьев от их хотя и мелких, но подчас весьма опасных врагов и тем заслуживает быть поставленной в ряд полезнейших птиц.

Водится пищуха почти по всей России, от Архангельска до Кавказа и Крыма, но нигде не встречается в большом количестве.

Самой ранней весной, в ясные тихие дни начала марта и даже в феврале (изредка и в январе), уже можно слышать в парках и на лесных опушках серебристую коротенькую песенку пищухи. Песня эта очень напоминает по своему характеру и складу песню зяблика, произносимую только более торопливо и менее звучно. Чем больше развивается весна, тем чаще и веселее раздается песенка пищухи, в крошечном сердечке которой теплые лучи весеннего солнца пробуждают потребность приступить к свиванию гнездышка и выводу детей. Не успела еще березка закудрявиться молодыми листьями, а уж в гнезде пищухи находится 6–9 крошечных яичек, усеянных на белом фоне ярко-красными точечками, сливающимися на толстом конце яйца в сплошной красный пояс. Изящно сплетенное из тонких сухих былиночек и прутиков, скрепленное паутиной и выложенное внутри мягкими перышками, уютное гнездышко пищухи очень часто помещается между куском отставшей коры и стволом дерева, а также в дуплах старых деревьев, в углублениях стен, под крышами домов и даже иногда внутри поленницы. При этом кстати будет заметить, что пищуха вообще относится к человеку весьма доверчиво и нередко позволяет себя наблюдать с расстояния всего нескольких шагов.

Парочка пищух, занятая заботами по выводу детей, разделяет эти заботы между собой поровну: самец и самочка высиживают попеременно и затем обе птички вместе усердно выкармливают своих птенчиков и заботливо охраняют их от всяких опасностей.

Потрявоженные в гнезде молодые пищухи, если они не умеют еще летать, выбрасываются из гнезда на землю, затем быстро вскарабкиваются по стволу дерева и исчезают почти на глазах наблюдателя, искусно прячась в различных углублениях дерева, где отыскать их уже весьма трудно.

Вырастив первый выводок птенцов, парочка пищух в середине или конце июня обыкновенно приступает ко второму выводу. По окончании его, когда птенцы уже выучатся хорошо летать и станут самостоятельными, семья распадается, и каждый ее член начинает в одиночку вести кочевую жизнь – до будущей весны. Вот в это-то время, осенью, одиночки-пищухи и появляются в наших садах и парках. Днем они прилежно обыскивают деревья, ночь же проводят в дуплах. Или же они присоединяются к смешанным стайкам кочующих синиц, с которыми и облетают в течение зимы известную область, выискивая себе на деревьях дневное пропитание.

В клетках пищуху держат редко, потому что эта птичка очень нежна и требует очень тщательного ухода. Лучше всего она выдерживает неволю в большой клетке, внутри которой к стенке прикреплен большой кусок древесной коры, на котором она и проводит почти весь день, а также и ночь. Корм для нее тот же, что и для короляка, с прибавкой мучных червей (в зимнее время, когда нет свежих муравьиных яиц).

Поползень ^[61]

(рис. III)

*Люблю я бледный лик осеннего
бесстрастья,*

*И этот ровный свет, разлитый по земле,
Он тих, как зрелых дум сиянье на челе,
Как созерцание безоблачного счастья.*

Гр. А. Голенищев-Кутузов

Не случилось ли вам, читатель, когда-нибудь видеть птичку, лазающую по стволу вниз головой? Если случилось, то, значит, вы видели *поползня*, так как только он один из всех наших птиц способен на такой трюк. Это небольшая, коренастая, короткохвостая птичка, величиной немного более воробья, сверху голубовато-серая, снизу белая, с ржаво-красными боками, с белым горлышком; через глаз проходит черная полоска. Клюв прямой конический и довольно длинный. Встречается почти по всей России ^[62].

Поползень, несомненно, самый первоклассный из всех наших пернатых лазунов и превосходит в этом мастерстве даже самого дятла, который не умеет лазать вниз головой. Такое большое мастерство в лазании поползня (как вниз, так и вверх по стволу, и даже вокруг ствола, в горизонтальном положении) тем удивительнее, что, имея очень короткий, как бы обрубленный хвост, он не может, подобно дятлам и пищухам, извлекать из него пользу при лазании, а единственным для того орудием служат лапки. Необыкновенно длинные пальцы сравнительно коротких лапок поползня, снабженные длинными, изогнутыми и очень острыми когтями, позволяют ему захватывать очень большую поверхность ствола дерева. Расстояние между концами когтей среднего и заднего пальцев равняется почти всей длине туловища птицы, и только благодаря этому она может свободно лазить и держаться на стволе дерева вниз головой, причем шея всегда несколько втянута, а голова

откинута назад [как это можно видеть на прилагаемом рисунке (с. 72)].

Вечно деятельный, живой, подвижный, веселый и неутомимый лазун по деревьям, поползень соединяет в себе характерные черты синицы и дятла (что весьма метко выразилось в немецком названии этой птицы: *Spechtmeise*, то есть *дятло-синица*).

Самой ранней весной, нередко даже в феврале, поползень начинает оживлять лесные опушки, по которым он преимущественно держится, своим громким, по несколько раз повторяемым свистом «кью-кью-кью», к которому впоследствии, среди весны, прибавляется еще громкая, звучная трель. Кроме этих звуков поползень издает еще призывное очень громкое «ситт»; чаще же всего дает о себе знать отрывистым «твитт, твитт, твитт, твитт...», которое он выкрикивает каждый раз, когда прилетит и прицепится к какому-нибудь древесному стволу. Это «твитт» повторяется торопливо много раз кряду, звучит очень громко и кругло и является самым характерным для поползня звуком.

Гнездо поползня помещается обыкновенно внутри древесного ствола – в дуплах старых деревьев или же, чаще, в старых дятловых гнездах. Если летное отверстие гнезда слишком велико, то птица мастерски заделывает лишнее пространство этого отверстия, для того чтобы обезопасить гнездо от посещений непрошенных гостей. Это заделывание производится при помощи кусочков глины, которые поползень смачивает своей слюной (подобно тому, как это делают ласточки при лепке своих гнезд) и выводит таким образом стенку иногда дюймов до двух толщиной^[63]. Стенка эта, высохнув, становится настолько крепкой, что разве только сильный клюв большого дятла способен ее разрушить.

Поползень

Подкладкой для беленьких с красными крапинками яичек служат рыхло разбросанные сухие прошлогодние листья или тонкие шелушки сосновой коры. Высиживанием занимается одна только самочка и оканчивает его через 13–14 дней. Птенчики выкармливаются обоими родителями, которые без усталости приносят разных насекомых – преимущественно гусениц различных бабочек.

После вылета из гнезда молодые поползны остаются некоторое время при родителях, а затем, в начале осени, члены семьи расходятся в одиночку по разным дорогам, причем обыкновенно присоединяются к стайкам кочующих синиц, которыми нередко даже и предводительствуют.

В теплые страны поползень не улетает, а остается у нас круглый год.

Пищу поползней составляют преимущественно насекомые, затем различные семена и ягоды. Поползень также охотник до желудей и орехов, которые всегда раскалывает ударами своего клюва, защемив их предварительно в какую-нибудь щель на дереве; при такой работе он обыкновенно располагается на дереве вниз головой.

Будучи пойман и посажен в клетку, поползень скоро привыкает к неволе и становится одной из забавнейших комнатных птичек, в особенности если его посадить в одну клетку с чижиками, чечетками или коноплянками и прикрепить к одной из стенок клетки во всю ее ширину кусок древесной коры. Часами можно сидеть около такой клетки, любуясь искусным лазанием этой птички по коре и кувырканьем на жердочках клетки. Корм – смесь из муравьиных яиц с коноплей и другими семенами; в виде лакомства – кедровые орешки.

Итак, вот мы познакомились со всеми членами тех пернатых обществ, которые осенью и зимой кочуют по нашим лесам и рощам, садам и паркам, ревностно и неутомимо исполняя возложенную на них Создателем задачу – охранять наш растительный мир. *Дятлы, синицы, корольки, пищухи и поползни* – вот члены этих кочующих обществ. Синицы составляют главное ядро общества, дятлы и поползни предводительствуют, корольки и пищухи сопутствуют. Словно верная стража, совершает такое общество обход вверенной ее охранению местности. И если принять во внимание, что каждый участок леса, каждый уголок нашего обширного отечества, покрытый древесной растительностью, входит в район деятельности того или другого из подобных «древоохранительных обществ», то легко станет понятной вся та громадная роль, которую призваны исполнять птицы, входящие в состав этих обществ.

Да найдут они себе защиту и охрану во всяком образованном человеке!

Клест

*И Он сказал: «За ваше состраданье
Распятому, отныне и вовек,
На память вечную, потомству
в назиданье,
Останется ваш клюв крестообразен;
Тлен не коснется вас; насущный для вас
корм
Всегда в обилии давать вам будет лес,
И северной зимы жестокие морозы
Безвредны будут вам. В любую пору года
Любить и песни петь, среди зимы
иль летом,
Весной иль осенью выращивать детей,
Равно да будет вам...»
Из старинной легенды*

Ясное, тихое морозное утро. На широкую лесную дорогу, лишь посередине проезженную узкой глубокой полосой, среди рыхлого снега падают местами солнечные лучи: то в виде продолговато-округлых пятен, то в виде узких светлых полос, проскользнувших между запушенными снегом деревьями. Местами более широкие полосы солнечного света, перебежав через дорогу, взбираются на высокие лохматые ели, свесившие свои лапы под тяжестью навалившегося снега до самой земли, и освещают их нежным, желтовато-розовым светом. Местами освещены только шапки высоких сосен да верхушки плакучих берез, матовым серебром вырисовывающихся на синем своде неба. Со всех сторон

Деревья стройные, как небеса светлы,
Ведут как будто в глубь серебряного сада,
И хлопья снежные пушисты, тяжелы,
Повисли на ветвях, как гроздья винограда. ^[64]

В сухом морозном воздухе колеблются и сверкают на солнце бесчисленные блески инея, убирающие в алмазный наряд незапушенные снегом тонкие ветки деревьев и кустарников

и превращающие в бриллиантовое ожерелье паутину, еще осенью перекинутую пауком с одного дерева на другое, а теперь красивой сверкающей дугой свешивающуюся книзу. В лесу царствует полная тишина – та особенная, торжественная тишина, которая только и бывает в лесу зимой. Изредка лишь донесется откуда-нибудь сухой треск дерева, не выдержавшего ледяных объятий дедушки-мороза, – донесется и тотчас же потеряется в окружающем снежном пуху. С тихим свистом крыльев медленно протянет над лесом ворон, крикнет, удаляясь, раз-другой свое отрывистое «крुक» – и снова все тихо... Беззвучно сорвется с ветки ком рыхлого снега и беззвучно же упадет на землю, оставляя за собой в воздухе полосу серебряной пыли... Хорошо!.. Очень хорошо! Красиво, величественно, торжественно – как в Божьем храме!..

Но чу!.. Что за звуки?.. «Цик, цик, цик, цек, цек, цок, цок...» – не то веселые, не то тревожные, быстро приближаются над вершинами деревьев... И только пыль серебряная полетела с вершины невысокой елки при дороге, когда опустилась на ее запушенные снегом и разукрашенные инеем ветки стайка, штук около двенадцати, каких-то небольших птиц... Через минуту морозные лучи солнца осветили прекрасную картину: по концам веток, отягченных обильным количеством шишек, развесились, точно румяные яблочки на рождественской елке, ярко-красные птички, раза в полтора побольше воробья; развесились в различных позах: кто вниз головой, кто вверх, кто сбоку прицепился одной лапкой к еловой шишке, а другой держится за ветку, кто повис совсем кверху брюшком. Звуков «цик, цик» уже больше не слышать, а с елки начинают падать одна за другой с небольшими промежутками времени шишки с изломанными или расщепленными чешуйками.

По прошествии некоторого времени одной из румяных птичек, видимо, надоело возиться с еловыми шишками: она перепорхнула на самую маковку соседней елки, и оттуда посыпались, словно горох, веселые звуки, хотя малозвучной и не особенно красивой, но чрезвычайно бойкой и задорной песни, причем румяный певец беспрестанно подергивает крылышками и вертит хвостиком в разные стороны.

Что это за птицы, которые так бесцеремонно нарушили торжественный декабрьский покой леса и в какие-нибудь четверть

часа, полчаса общипали и побросали на землю большую часть шишек с вершины елки? Что это за птица, которая на трескучем декабрьском морозе распевает свои песни, да еще с таким задором, словно насмехаясь над вселеденящим дедушкой-морозом, будто березы убраны не морозным инеем, а кудрями майской зелени?!

Птица эта – *Христова птица*, или *клест*^[65].

Много есть на свете разных удивительных птиц, но клест наш является одной из самых удивительных, отличаясь особенностями, не встречающимися не только у других птиц вообще, но даже и у ближайших его родственников из птичьего мира.

Первой, легко бросающейся в глаза, особенностью в наружности Христовой птицы является крестообразный клюв: верхняя часть клюва не покрывает у нее нижнюю, как у остальных наших птиц, а загибается острым крючком вниз и в сторону; нижняя же часть клюва таким же крючком загибается вверх и в противоположную сторону – у одних экземпляров в правую, у других – в левую (это чисто случайное различие).

В одной старинной легенде, очень распространенной у народов Западной Европы и часть которой приведена эпиграфом к этому очерку, следующим образом объясняется такое странное строение клюва у Христовой птицы: при страданиях Спасителя к кресту слетелось несколько клестов, которые стали вытаскивать из окровавленного чела Распятого тернии Его венца, а также усиленно старались вытащить из креста гвозди, которыми был пригвожден Божественный Страдалец, – старались до тех пор, пока концы их клювов не загнулись от чрезмерных усилий крестообразно...

Благодаря своему крестообразному клюву клест может отлично вылуцивать из шишек наших хвойных деревьев семена, которые и составляют главную его пищу. У меня перебивало в комнате немало клестов, и я много раз имел случай наблюдать, как расправляется эта птица, например, с еловой шишкой: захватив шишку крепко лапами, клест обыкновенно сначала расщепляет верхним концом клюва ту чешуйку, из-под которой желает достать семя, затем просовывает клюв между чешуйкой и шишкой и, раскрыв немного рот, поворотом головы в сторону отрывает чешуйку и вытаскивает языком из-под нее

семя, которое тотчас же шелушит клювом и проглатывает. Для того чтобы опорожнить всю шишку, клесту требуется 2–3 минуты. На воле он нередко перелетает с захваченной клювом шишкой шагов на 15–20 до какого-нибудь дерева, на ветках которого ему показалось особенно удобным расположиться для завтрака.

В сосновых и еловых семенах заключается довольно много смолистого вещества, а так как клест, живущий на свободе в лесу, поедает огромное количество этих семян, то все тело клеста, особенно старого, иногда до того просмаливается, что после смерти птицы оно долго противостоит загниванию, словно набальзамированное. Известны даже случаи, когда «мумии» старых клестов сохранялись в течение 15–20 лет без всяких признаков разложения. Отсюда слова легенды:

Тлен не коснется вас...

Впрочем, молодые клесты, а также те из старых, которые более или менее продолжительное время не получали (например, в клетке) смолистых семян, а питались какими-нибудь другими продуктами, начинают разлагаться почти так же скоро, как и всякая другая птица.

Кроме хвойных семян, клест охотно ест и другие маслянистые семена, как, например коноплю и репное семя, и не прочь при случае полакомиться ягодами (например, рябиной) и даже насекомыми. Известны случаи, когда стайки клестов тщательно очищали в садах фруктовые деревья от вредной тли. В южной России, где нет хвойных деревьев, клесты кормятся крылатыми семенами клена.

Самой удивительной особенностью Христовой птицы – особенностью, которую мы не встречаем ни у одной из прочих наших птиц, – является ее способность гнездиться и выводить детей в любое время года. Брем уверяет, что нет того месяца в году, в котором не случилось бы находить клестовые гнезда с крохотными птенцами^[66]. То в одном году клест гнездится в мае, то в другом – в январе, в третьем – в августе, в четвертом – в декабре и т. д. и, по-видимому, с одним удобством, как в то время,

Когда на дереве нагом –
И сочен и душист,
Согретый ласковым лучом,
Растет весенний лист...

так и в то, когда в лесу хозяйничает

Седой мороз в одежде снежной,
С блестящей, льдистой броней...

когда большая часть наших лесных певунов нежится на солнышке в далеких теплых краях, а остающиеся у нас на зиму – кое-как перебиваются, изо дня в день с трудом выскивая себе необходимое дневное пропитание.

Откуда же, однако, у клеста фантазия заниматься выводом детей среди нашей суровой северной зимы? А вот откуда.

Всякая птица старается вывести детей к тому времени года, когда легче всего можно добывать пищу, необходимую для выкармливания птенцов, которые, как известно, всегда обладают огромным аппетитом. Так как большинство наших птиц выкармливают своих детей насекомыми, то они (птицы) и выводят своих птенцов обыкновенно к лету, когда насекомых можно доставать в изобилии. Клест же может выкормить своих птенцов одними хвойными семенами, предварительно размягченными в зобу отца или матери. Семена же эти, вызревая к концу осени, остаются в шишках на дереве до марта, когда начинающие уже пригревать солнечные лучи раскроют (оттопырят) чешуйки шишек и позволят семенам высыпаться на землю. Таким образом, в течение всей зимы клестам накрыт в лесу обильный стол (в особенности в урожайные на шишки годы), и для выкармливания птенцов имеется корму вволю.

Далее: в то время, когда чешуйки шишек начинают понемногу растопыриваться и раскрываться, из-под них легче всего доставать семена. Если же принять во внимание, что молодые клесты появляются на свет с прямым, не крестообразным клювом (он принимает крестообразную форму лишь по вылете птенцов из гнезда) и что птенчикам в первое время по вылете приходится еще учиться раскрывать шишки, то станет ясно, что наиболее благоприятным временем для вылета из гнезда будет время начала раскрывания шишек, а именно – март. Для того чтобы вывести молодых из гнезда в начале марта, парочка клестов должна приступить к свиванию гнезда в декабре или январе, так как делание

гнезда – постройки весьма искусной – длится по крайней мере дней 10, если не больше, да и на высиживание надо ведь немало времени.

Но у читателя, вероятно, уже рождается вопрос: каким образом уберігаются положенные самочкой клеста яички, да и вылупившиеся из них голые птенчики от застуживания в декабрьские и январские морозы? А вот каким образом: во-первых, зимнее гнездо клеста (расположенное всегда высоко на дереве и прикрытое сверху обыкновенно какой-нибудь торчащей веткой, защищающей его от падающего снега) имеет довольно большую глубину и очень толстые (пальца в полтора) стенки. Стенки эти сплетены из тонких прутиков и былиночек, плотно затканы мхом и древесными лишаями и выложены внутри мягкими перышками; таким образом, гнездо это является очень теплым. (При летнем выводе детей гнeздышко делается попрохладнее.) Во-вторых, самочка клеста, положив в гнездо первое яйцо, больше с гнезда уже не слетает; корм же ей доставляет в течение всего периода высиживания самчик, выказывающий вообще очень большую нежность к своей подруге. В то же время он не упускает случая и усладить ее слух своими песнями, ретиво распеваемыми обыкновенно на макушке той самой елки, на которой находится гнездо.

Самочка несет три-четыре бледно-голубых или сероватых яичка, более или менее испещренных темными, красноватыми или бурыми пятнышками и жилками.

Клесты водятся по всей северной и умеренной Европе, повсюду, где только есть хвойные леса. Впрочем, слово «водятся» будет не совсем правильным: они не то что водятся, а вдруг появляются в значительном количестве в лесу, в котором многие годы не было ни одного клеста, поселяются в нем, строят гнезда, высиживают и потом вдруг исчезают, за исключением немногих отставших. Эти «птицы-цыгане» остаются на более или менее продолжительное время лишь там, где им хорошо, то есть где они находят изобилие пищи. В противном случае они кочуют, нигде не останавливаясь, странствуя и перелетая из одного хвойного леса в другой, из одной местности в другую.

У нас, в окрестностях Петрограда, клестов можно видеть почти каждый год, но весьма в различное время года и в различном количестве. Так, в парке Лесного института они появляются стайками

(штук по **10–15**) то в мае, то в августе, то в ноябре; с шумом перелетают из одной части парка в другую, выкрикивая на полете свое громкое, отрывистое «цък, цък»; усядутся на какое-нибудь изобилующее шишками хвойное дерево, замолкнут, и – только шишки сыплются на землю. В особенности жестоко хозяйничали в нашем парке клесты (*еловые*) в августе и сентябре **1881** и **1889** годов на елях и лиственницах, на которых в эти годы уродилось особенно много шишек. Дорожки парка были тогда местами буквально усыпаны шишками, изломанными этими птицами.

У нас, в России, водятся четыре вида клестов.

Сосновый клест^[67]

Это самый крупный из клестов^[68], с толстым и очень сильным клювом, благодаря которому этот клест может свободно ломать крепкие сосновые шишки, отчего и получил свое название. Крючок нижней части клюва у него не выдается над хребтом верхней. Призывное «цэк-цэк» (или, пожалуй, «чеп-чеп») этого клеста звучит чрезвычайно громко и далеко слышно по лесу. В песне его есть довольно красивые флейтовые звуки. Он значительно малочисленнее елового клеста, а потому и встречается реже.

2

3

4

5

Клесты и щур: 1 – сосновый; 2 – еловый; 3 – белопоясный; 4 – щур

Еловый клест^[69]

(рис. IV)

Значительно меньше соснового клеста^[70]; клюв у него также значительно слабее и более вытянут; крючок нижней части клюва выставлен над хребтом верхней. Его «цык, цык» звучит значительно слабее, чем «цэк, цэк» клеста-сосновика. Это самый многочисленный и обыкновенный из наших клестов. Питается преимущественно еловыми семенами (также и лиственничными), так как ему из-за слабого клюва трудно справиться с твердой сосновой шишкой.

Лиственничный клест^[71]

Меньше соснового и елового клестов^[72], от которых отличается главным образом двумя широкими белыми поперечными полосами на крыльях и несколькими белыми пятнами, идущими вдоль крыла. Водится преимущественно на северо-востоке России и в Сибири; к нам, в окрестности Петрограда, залетает лишь изредка зимой. Питается семенами лиственницы (также и ели). Это самый красивый из наших клестов и наилучший из них певец, почему и ценится у любителей очень дорого (до 8 рублей за штуку на петроградском птичьем рынке).

Краснокрылый клест^[73]

Немного крупнее елового клеста^[74]. Отличительным его признаком являются две нежно-розовые полосы поперек крыла у взрослых птиц (у годовалых эти полосы желтоваты). Это самый малочисленный и редкий из наших клестов.

Старые самцы всех клестов окрашены большей частью в красивый красный цвет различных оттенков – от желтоватого до превосходного

цвета ягод красной смородины. У самок преобладает серый цвет с желтоватым или зеленоватым оттенком, так же и у молодых.

К сожалению, столь красивый красный цвет самца-клеста скоро пропадает при содержании птицы в клетке; через год большей частью от него не останется уже никаких следов – он переходит в зеленовато-желтый цвет.

Характер у Христовой птицы чрезвычайно симпатичный: отличительные его черты – добродушие, доверчивость и общительность друг с дружкой и даже с другими птицами. Клесты становятся пугливыми лишь после неоднократных преследований. Нередко клест остается сидеть спокойно на дереве даже после того, как его сосед убит выстрелом из ружья. Пролетающих поблизости птиц своего вида или сродных клесты всегда подзывают звуками «цэк-цэк» и сами охотно следуют за ними. Они всегда держатся стайками, и члены стайки никогда не удаляются от нее далеко.

В неволе клест очень скоро привыкает к своему хозяину и благодаря своему милому характеру и приятному пению очень почитается любителями комнатных птиц. В клетке он находится в постоянном движении, беспрестанно лазая, подобно попугаю, цепляясь клювом и лапками за прутья клетки (отчего клеста иногда также называют *чухонским попугаем*). Он также, подобно попугаю, охотно дает чесать пальцем свою головку, выказывая при этом видимое удовольствие. На улицах Петрограда нередко можно встретить бедных людей, носящих в особо устроенных клетках совершенно ручных «ученых» клестов, вынимающих по приказанию хозяина билетки с «предсказаниями».

Клеста необходимо держать в металлической клетке; в деревянной он живо переломает своим клювом все прутья. При недостатке хвойных шишек ему необходимо даже в железной клетке подкладывать время от времени деревянные палочки, которые он всегда с удовольствием ломает. Если этого не делать, то клест будет ломать жердочки своей клетки.

Кормить клеста лучше всего сосновыми и еловыми семенами в шишках или чистым хвойным семенем, продающимся в семенных магазинах. Можно также давать в виде лакомства ягоды рябины. От конопки клесты, так же как и другие птицы, скоро жиреют.

В клетке клест довольно долговечен, при условии, впрочем, хорошего ухода.

В заключение несколько слов о том, считать ли клеста птицей вредной или полезной.

Некоторые считают клестов вредными птицами, ставя им в вину сильное уничтожение шишек или, вернее, семян хвойных деревьев. Другие же, наоборот, ставят клестам это даже в заслугу, совершенно справедливо указывая на то, что в урожайные на шишки годы, когда вершины деревьев бывают сильно отягчены шишками, клесты, обкусывая их с ветвей, тем самым предохраняют немало деревьев от поломки вершин, в особенности при навалах мокрого снега. При этом следует также принять во внимание, что клесты появляются в большом количестве лишь в урожайные на шишки годы, а в такие годы наши обширные хвойные леса до того изобилуют шишками, что, конечно, ни одному лесничему не придет в голову пожалеть о тех, которые будут обломаны клестами.

Итак, если клест и не является особенно полезной для леса птицей, то и вредной, конечно, его также нельзя считать, тем более что ведь стоят же чего-нибудь красота и милый нрав этой птицы и то обстоятельство, что клесты так мило украшают и оживляют лес именно в то время, когда он лишен почти всякого другого оживления.

Поэтому, читатель, смело примите прекрасную Христову птицу под ваше покровительство.

Снегирь^[75]

(рис. V)

*Зима. Все уснуло покоем могильным,
Все поле закрыто под снегом обильным,
И голые ветки осин и берез
Стоят неподвижно, без жизни, без шума,
Как будто томит их какая-то дума,
Как будто бы полны таинственных
грез...*

Дм. Чертков

Как синица появляется около человеческих жилищ вместе с первыми осенними туманами, так красногрудый *снегирь* является спутником бабушки-зимы и снега: недаром же он и назван снегирем^[76]. Как стала на Матрену (9 ноября) зима на ноги, запушила землю белым снегом – снегурки тут как тут – на рябине, под окошком. А как начала Евдокия (1 марта) весну снаряжать, да почернела дорога – только их и видели: запрыгали по двору *овсяночки-золотняночки*, зазвенела по поднебесью песня *жаворонка*, а красногрудых зимних гостей и след простыл! В детстве, бывало, сидишь у окошка за учебным столом, твердишь заданный урок да все поглядываешь на сиреневые кусты, запущенные выпавшим за ночь первым снегом – не покажутся ли красногрудые гости. Показались – так сердце и запрыгало!

Ждешь не дождешься конца урока, чтобы бежать на кухню – мастерить с кучером Иваном силки... А наутро уже красуется в клетке свежепойманный толстоносый красавец. Глаз с него не сводишь, не налюбуешься...

Нужно ли описывать наружность снегиря? Кто его не знает? Кто не видал этой пухленькой красногрудой птички, с белым как снег надхвостьем, голубовато-серой спинкой и черными с синим отливом головой, крыльями и хвостом? Если кому, может быть,

и не приводилось видеть снегиря на воле, то уж, вероятно, случилось любоваться этой красивой птичкой в клетке или, по крайней мере, на раскрашенной картинке.

Стайка снегирей-самцов на запушенном снегом или обиндевелом дереве, освещенная розоватыми лучами зимнего солнца, представляет собой поистине восхитительное зрелище. Самочки-снегурки далеко не так красивы, потому что снизу они не красные, а темно-серые. То же и у молодых снегирей до одного года; кроме того, у них и головка не черная, а буровато-серая.

Голос снегиря далеко не соответствует его прекрасной наружности. Чаще всего эта птица издает однообразный, довольно тихий свист мягкого флейтового звука – «фю, фю». Свист этот имеет какой-то особенный, грустный, но вместе с тем чрезвычайно приятный, ласкающий ухо оттенок. Этим свистом снегирь подманивает к себе своих детей или других товарищей-снегирей, предостерегает их о грозящей опасности, выражает жалобу о потерянном друге и тому подобное. То или другое значение этого свиста всегда бывает правильно понято другими снегирями, что указывает на замечательную приспособленность птичьего уха различать тончайшие звуковые оттенки, для человеческого уха почти неуловимые.

Очень негромкая и более чем скромная песня снегиря состоит из тех же грустных, иногда слегка картавых, свистов, перемежающихся с совсем немзыкальными скрипом, напоминающим скрип колеса немазаной телеги. Но, несмотря на свою неказистость, снегуркина песня имеет, однако, свою прелесть, особенно если она поется на свободе, среди природы, например, в один из тех прекрасных, полутеплых дней, какие бывают у нас иногда во второй половине февраля, – в те дни, когда в воздухе уже чувствуется нежное, хотя еще и очень слабое, дыхание приближающейся весны. Выйдешь на минутку на пригретое солнцем крыльцо – подышать свежим воздухом, и вдруг донесется до слуха тихое пение снегиря, неподвижно сидящего, нахохлившись, на ветке недалеко рябины, – так хорошо и приятно станет на душе...

У снегирей поют не только самцы, но и самочки. Здесь мы имеем довольно редкое исключение в птичьем мире: обыкновенно, как известно, у большинства певчих птиц способностью пения

одарены лишь самцы, самочки же, за немногими исключениями, лишены этой прекрасной способности; и вот самочка нашего снегиря составляет одно из таких счастливых исключений.

После всего сказанного о голосе и песне снегиря, может быть, странным покажется, что эта птичка является одной из самых переимчивых и способных к заучиванию и высвистыванию различных мотивов и песенок. Ни одна из прочих наших птиц ни даже знаменитый искусник в этом отношении – скворец не способны так чисто, аккуратно и красиво насвистывать заученную мелодию, а иногда даже два или три мотива, как это делает снегирь, и не только самец, но и самочка (последняя, впрочем, немножко похуже). Мне привелось однажды слышать ученого снегиря, свиставшего военную «зорю»: это была такая прелесть, что нельзя было досыта наслушаться. Для обучения берутся молодые снегيري, прямо из гнезда, прежде чем они еще выучатся летать. Главными условиями для достижения успеха в таком обучении являются, во-первых, огромное терпение, а во-вторых, умение чисто и хорошо свистать избранную для обучения мелодию, постоянно в одном и том же тоне, что очень нелегко и далеко не всякому дается. Большинство молодых снегирей довольно скоро и хорошо заучивают мотивы, но попадаются иногда и малоспособные, которые путают и скоро забывают выученное; с такими не стоит долго возиться: открыл окно, да и – с богом!

Снегирь водится почти по всей Европе. В Европейской России он встречается от Кольского полуострова до Кавказа. В южных наших губерниях эта птичка встречается только в виде зимнего гостя; в средней и северной России снегирь водится круглый год, проводя лето в тенистых лесах, а на зиму приближаясь к человеческим жилищам, от которых с наступлением весны снова откочевывает в леса, где и гнездится. Впрочем, изредка гнездящиеся парочки снегирей встречаются и в больших тенистых садах и парках^[77].

Возвратившись с наступлением весны в свои родные леса, снегيري вскоре приступают к постройке гнезда. Гнездо помещается на дереве обыкновенно невысоко над землей (от $\frac{1}{2}$ до 1 сажени^[78]) и состоит снаружи из искусно свитых, тонких сухих прутиков, а внутри выложено мягким древесным мхом, шерстью, волосками, нежными листиками лесных трав. В мае в гнезде уже можно найти четыре-

шесть сравнительно маленьких бледно-зеленоватых или зеленовато-голубых яичек, испещренных лиловатыми, черными и красно-бурыми крапинками, пятнышками и жилками. Выкармливаются снегирята преимущественно мягкими и недозрелыми семенами различных растений; более жесткие семена размягчаются предварительно в зобу родителей.

По вылете из гнезда молодые еще долгое время остаются под надзором старших.

Осенью снегيري сбиваются в небольшие стайки и с наступлением зимы, как было уже упомянуто, приближаются к человеческим жилищам. Здесь они кормятся ягодами рябины и другими древесными семенами, уцелевшими от клюва других птиц, не решающихся слишком приближаться к жилью человека. В начале зимы у нас можно видеть стайки преимущественно только красногрудых самцов; во второй же половине зимы к ним присоединяются также и самочки.

Отличительными чертами характера снегиря являются его большая доверчивость и добродушие. К поющему на дереве снегирю можно подойти довольно близко, не причиняя ему этим особенного беспокойства. Впрочем, нужно заметить, что в тех местностях, где снегирь подвергается гонению со стороны человека, он скоро начинает узнавать своего врага и вместо доверчивости выказывает уже осторожность, так что совершенно напрасно полагают, будто снегирь – глупая птица, как об этом, например, говорится в одной сказке:

Были тут чечетки – воробышкам тетки:

Были тут снегурочки – красненькие дурочки...

Совсем нет: добродушная доверчивость вовсе не служит непременно признаком глупости.

К весьма симпатичным чертам характера снегиря относится также большая его привязанность к другим снегирям – товарищам по стайке. Если один из членов стайки будет, например, убит из ружья, то остальные долго печалются о потерянном брате, выражая это своими грустными, тревожными свистами, и долго не покидают того места, на котором погиб их товарищ.

Полет у снегиря легкий и красивый, волнообразными линиями. По земле он скачет короткими прыжками, довольно неуклюже.

Спугнутого с земли снегиря легко узнать даже издали благодаря его белому как снег надхвостью, которое при полете «сверкает» на темном фоне земли или деревьев.

Пищу снегиря составляют главным образом семена различных трав, деревьев и кустарников, а также зернышки различных ягод, в особенности рябиновых. Самой мякоти ягод он не ест, а вылуцчивает только из нее зернышки. Зимой в тех местах, где растет рябина, всегда можно легко узнать о хозяйничании снегирей – по множеству разбросанных по снегу в растерзанном виде ягод рябины. Кроме того, говорят, что снегирь имеет также весьма непохвальную склонность лакомиться распускающимися древесными почками фруктовых деревьев, вследствие чего он может являться иногда неприятным гостем во фруктовых садах. Некоторые ученые-птицеводы ставят это нашей милой птичке в большую вину, равно как и поедание семян лесных деревьев, и потому причисляют снегиря к числу вредных птиц. Но вряд ли это справедливо; по крайней мере, я с этим никак не могу согласиться. Во-первых, снегيري никогда не являются в настолько значительном количестве, чтобы наносить большие уронь фруктовым садам, да и к тому же в большинстве случаев ко времени распускания фруктовых почек они удаляются в леса, на гнездовье, и лишь в исключительные годы попадают в садах запоздалые стайки снегирей в то время, когда распускаются фруктовые деревья. Во-вторых, неужели серьезно можно ставить в упрек нашим милым снегурочкам поедание ими лесных древесных семян, количество которых совершенно ничтожно в сравнении с тем невероятным количеством семян, которое урождается ежегодно в наших обширных лесах? Наконец, в-третьих, ведь чего-нибудь да стоят красота и милый нрав этой птички, украшающие нашу однообразную и осиротелую природу во время долгих зимних месяцев. Пускай нельзя назвать снегиря птицей полезной, но и причислять его к вредным будет также несправедливо.

В неволе снегирь очень легко и скоро приручается, выказывает необычайную привязанность к своему хозяину и вообще становится премою комнатной птичкой. Его без особенного труда можно скоро приучить вылетать и снова возвращаться в клетку, садиться на палец и т. д. Только, к сожалению, снегирь теряет в комнате свою главную

красу – красный цвет перьев. Впрочем, иногда при этом птица чернеет, что также выходит в своем роде красиво^[79].

Кормить комнатных снегирей следует смесью семян (льняных, канареечных, овсяных, торичных, маковых с небольшой примесью конопляного), добавляя, когда это возможно, можжевельные, рябиновые и другие ягоды.

Изредка встречаются *снегири белоголовые, белокрылые* и, наконец, как большая редкость, совсем *белые*.

О том, что снегирей ловят и стреляют для жаркого, не хочется даже и упоминать... На рынках в больших городах их продают иногда целыми вязанками...

Стыдно не тем, кто приносит их на рынок (это большей частью люди бедные и темные), а тем, кто их покупает и несет к себе на кухню для «паштета»!..

Щур^[80]

(рис. VI)

*Мраком задернуты небо и даль,
Ветер осенний наводит печаль,
По небу тучи угрюмые гонит,
По полю листья – и жалобно стонет...*

Н. Некрасов

В иные годы, поздней осенью или в начале зимы, налетает к нам стаями из далеких северных лесов близкий родственник снегиря – щур. Это довольно крупная^[81], величиной с дрозда, коренастая птица, вся окрашенная в малиново-красный цвет, с двумя белыми поперечными полосками на крыльях и загнутым в крючок кончиком верхней части клюва (см. рис. на с. 81). У самок и молодых щуров (до одного года) цвет оперения красновато-желтый.

Родиной этой красивой птицы служат хвойные леса крайнего севера Европы, Азии и Америки, из которых она спускается на зиму в южнее лежащие страны (в Европейской России приблизительно до 35° северной широты), но далеко не каждый год. Правда, отдельные экземпляры щуров попадают в северной половине России в зимние месяцы, если и не ежегодно, то уже в каждую более или менее суровую зиму; большими же стаями щуры спускаются к нам с севера весьма нерегулярно и иногда лишь через довольно большое количество лет.

Многочисленными стаями гостили у нас щуры в зиму 1879–1880 годов, очень суровую, изобиловавшую ягодами рябины, которой уродилось в лето 1879 года огромное количество и до которой щур большой охотник. В упомянутую зиму на десяток рябин небольшого садика перед окнами моей квартиры (в Лесном) усаживалось иногда позавтракать более полусотни щуров. И какое восхитительное зрелище представляли эти прелестные темно-красные птицы, красиво качавшиеся на тонких, покрытых инеем, ветках деревьев

и освещенные солнцем февральского утра! В еще большем количестве объявились у нас щуры в декабре 1892 года. В том же году урожай на ягоды рябины также совпал с чрезвычайно суровой зимой, и с 9 по 14 декабря в парке Лесного института гостила стая из тысячи этих птиц, которая совместно с многосотенными стаями свиристелей в несколько дней уничтожили весь громадный урожай рябиновых ягод нашего парка.

В характере щура есть много общих черт с родственными ему снегирем и клестом: он так же мил, доверчив, добродушен и общителен, как и эти две птицы. Доверчивость его даже еще гораздо больше, в особенности в первое время по прилете к нам, пока он не успел еще познакомиться с кознями человека. К щурам, сидящим невысоко на рябине и занятым поеданием ягод, можно не только подойти совсем близко, но, при некоторой небольшой ловкости, даже надеть той или другой птице на шею волосяную петлю, укрепленную на конце длинной палки, и снять ее таким образом с дерева. В то время, когда попавшийся щур трепещется в руках ловца, товарищи его спокойно смотрят с той же ветки на происходящее внизу и продолжают как ни в чем не бывало свой завтрак. Иногда удается таким нехитрым способом снять с одной и той же ветки три-четыре щура. Точно так же и после ружейного выстрела, сбившего с дерева несколько щуров, остальные их товарищи почти не выказывают испуга: если и слетят с дерева, то, дав над ним два – три круга, снова на него усаживаются и продолжают лакомиться рябиной. Однако, попав несколько раз в неприятную передрагу и хорошо познакомившись с человеком, щур становится осторожнее: в конце зимы к нему уже не так-то легко подойти с петлей, а ружейный выстрел прогоняет его на большое расстояние. Таким образом, здесь опять, как и в отношении снегиря, не следует принимать доверчивость и неопытность птицы за глупость: в неволе при ближайшем с ним знакомстве щур проявляет себя далеко не глупой птицей.

Голос у щура чрезвычайно красивый, громкий, флейтовый, чистый – как говорится, без зацепинки. Его призывный звук – громкий, переливчатый, чрезвычайно приятный свист, вроде «лиэ-лиэ», который он издает нередко во время полета. Песня этой птицы, чрезвычайно звучная и громкая, состоит из красивых флейтовых

переливов, соединенных в одну недлинную строфу; она не поддается выражению буквами. На воле мне ни разу не привелось слышать песню щура, но в комнате я много ею наслаждался, так как у меня перебивало в клетках немалое количество щуров, из которых некоторые были замечательные певцы. Обыкновенно уже с Рождества щур начинает насвистывать в клетке свою песню, но сначала так тихо, что кажется, что певец находится где-то очень далеко; затем, в январе и феврале, песня становится все громче и громче и наконец, к концу марта, звучит уже во всей своей силе и красоте.

Пойманный щур уже по прошествии нескольких часов вполне осваивается в клетке, скоро начинает брать предлагаемый ему корм, через непродолжительное время становится совершенно ручным и сильно привязывается к своему хозяину. Однажды мне стоило большого труда прогнать на волю щура, прожившего у меня около 3 лет; он долго не хотел улетать и несколько раз возвращался к окну, пока наконец я не отнес его в лес.

Относительно содержания щура в комнате нужно заметить, что он, как дите Крайнего Севера, сильно страдает от нашей комнатной теплоты, что можно заметить по часто раскрываемому им клюву, когда в комнате слишком сильно натоплено (подобно тому, как это делают в летнюю жару вороны). Поэтому клетку со щуром следует помещать там, где похолоднее, и давать птице почаще свежей воды для освежения купанием, до которого щур большой охотник. Чудный красный цвет щура, к сожалению, в неволе скоро заменяется красно-желтоватым.

Пищу щура, кроме ягод рябины, можжевельника и других древесных и кустарных лесных ягод, составляют также различные семена и зерна. Семена хвойных деревьев щур достает клювом из-под чешуек шишек, а также собирает их с земли. В клетке ему следует давать такой же корм, какой был указан для снегиря. К сожалению, эта птица очень часто не выдерживает неволи и через несколько дней погибает, несмотря на самый тщательный уход.

Относительно летнего образа жизни щура в глухих лесах его далекой родины известно пока еще весьма мало.

Чечевица^[82]

(рис. VI)

*Лес и поле зеленеют;
Звук рожка гудит над паствой;
Солнце светит, улыбаясь, –
Май, красавец юный, здравствуй!*

Г. Гейне

Ежегодно в то время, когда наступает

...Пора цветов и теплых ясных дней,
Пора блестящих зорь, черемух благовонных...

пора, когда в лесу

...Из травы душистой
Выглянет на солнце ландыш серебристый...

а в саду начнет распускаться душистая сирень, в это чудное время прилетает к нам из своего зимовья в теплых странах небольшая^[83] (немножко покрупнее щегла), прелестная, красненькая птичка, близкая родственница снегиря и щура. Она тотчас же возвещает о своем прибытии своей хотя и коротенькой, но чрезвычайно мелодичной и сладкозвучной одноколейной песенкой, звучащей вроде «чи-чви-чви-чиу» или «чеви-чви-чиу», почему эта птичка и получила звукоподражательное название *чечевицы*. На Камчатке народ переводит песенку чечевицы словами «чевичу видел». Чевичей там называют самый крупный и ценный сорт рыбы-лосося, а так как время, в которое прилетает туда чечевица, обыкновенно близко совпадает с тем временем, когда начинается ход рыбы-чевичи, то народ и говорит, что прилетевшая чечевица своей песней дает знать, что она «видела чевичу» и что, следовательно, скоро начнется улов этой, всегда с нетерпением ожидаемой, рыбы.

Основной цвет чечевицы – серый разных оттенков, но на голове, груди, надхвостье, а нередко и на других частях тела перья имеют

карминно-красную кайму, которой закрывается их серое основание, вследствие чего эти места являются сплошь окрашенными в превосходный красный цвет и вся птичка получает чрезвычайно нарядный вид, особенно при солнечном освещении.

Весной, по прилете, чечевицы нередко останавливаются в садах и парках, в непосредственной близости от жилья, и вот тут-то можно иногда подсмотреть с расстояния нескольких шагов далеко не боязливую красавца-самца, как он, беспрестанно повторяя свою прелестную песенку, красиво распутив хвостик и свесив крылышки, грациозно вертится во все стороны. Восхитительную картинку представляет тогда эта красненькая птичка, если еще в это время ее освещают яркие лучи солнца. Мне не раз случалось любоваться такой картиной.

В Европейской России чечевица водится от Кольского полуострова до Кавказа; также она встречается во всей Средней Азии, от Урала до Камчатки. Осенью улетает на юг – в Персию^[84], Индию и Китай.

Для летнего местопребывания чечевица выбирает мелкие леса, сады и кустарники, если только около них протекает какая-нибудь речка. В сухих лесах, удаленных от воды, чечевица редко когда встречается.

В западной части России чечевица довольно малочисленна и не принадлежит к числу очень обыкновенных птиц; чем далее к востоку, тем она встречается все чаще и чаще.

Пищу чечевицы составляют преимущественно различного рода зерна и семена; в клетке она охотно ест также и муравьиные яйца.

Гнездо чечевицы обыкновенно довольно рыхло свито из тоненьких гибких травянистых стебельков и корешков; оно помещается всегда невысоко над землей, поблизости от воды, в каком-нибудь густом и предпочтительно колючем кусте и содержит в себе к концу мая или началу июня пять-шесть хорошеньких голубовато-зеленых яичек с немногими темными крапинками, более густо собранными на толстом конце яичка.

В клетке чечевица является чрезвычайно милой птичкой, много и прекрасно поет и скоро ручнеет, но, к сожалению, после первого же линяния теряет свою красивую красную окраску. Водопойка должна

по размерам подходит и для купания, до которого чечевица большая охотница.

В высоких горах Кавказа водится другой вид – *чечевица кавказская*^[85] (*кавказский щур*) гораздо более крупный^[86], чем наша чечевица, и великолепной карминовой окраски (старый самец).

Зяблик^[87]

(рис. VII)

*На черешню зяблик сел,
Сел да и запел,
Раздался на весь лесок
Звонкий голосок.*

Ранняя весна. На полях местами еще белеет снег, в особенности в лощинах, куда его намело зимой выше роста человеческого. В лесу, под деревьями, снег лежит еще почти сплошь. Ручьи уже вскрылись и разлились по лугам; через речку же еще ходят, хоть и с большой опаской: лед порядочно уже посинел и у берегов выступила вода. Белоносые грачи уже недели две как прилетели – возвратились из своей зимней отлучки в теплые края – и, досыта нассорившись и на шумев в березовой роще из-за старых прошлогодних гнезд, преважно разгуливают теперь по задворкам около навозных куч, выискивая себе скудное пропитание. Уже дня три как появились первые жаворонки и все еще продолжают прилетать по утрам, рассыпая в воздухе над полями свои серебристые, веселящие душу трели.

В лесу же пока еще тихо. Правда, синицы да корольки попискивают иногда довольно оживленно в чаще сосновых и еловых ветвей; изредка побарабанивает дятел по сухому суку; пронесется временами над вершинами деревьев с гиком и шумом стайка клестов, да золотоголовая овсяночка прозвонит на лесной опушке свою незатейливую песенку. Звонких же, раскатистых песен, далеко разносящихся по лесу и оживляющих его по-особенному, по-весеннему, пока еще не слышно. Дни стоят, хотя и ясные и довольно теплые (на солнце), однако по ночам еще порядочно морозит.

Но вот небо нахмурилось; с юго-запада потянул теплый, влажный ветерок; заморосил, словно сквозь сито, мелкий дождичек, то оборачиваясь туманом, то снова накрапывая, – как днем, так и ночью – все одинаково. Будем теперь настороже: в это время – в такие тепло-пасмурные дни – весна приближается быстрыми

шагами, и спешат к нам ее пернатые быстрокрылые вестники с богатым запасом звонких и задорных песен в своей крошечной грудке.

Утро. Дождь перестал моросить. В сыром, слегка туманном воздухе полная тишина и тепло. Переберемся к опушке леса и присядем вон на том старом пне...

Теперь – слушать и слушать!

«Чи-чи, чиви-чиви, чим-чим», – доносится издали, с поля, оживленная болтовня нескольких десятков воробьев. Они обсыпали, словно мухи, большую кучу хвороста около гумна, одиноко стоящего на пригорке... «Тирлирлирлирюю, тирлирлирлирююю», – льется сверху серебристая песня жаворонка, неподвижной точкой чернеющего на сером фоне туманных облаков...

Несколько минут полной тишины... Только по вершинам сосен и елей пролетел таинственный шепот от набежавшего ветерка...

Но чу!.. «Пинь-пинь, пинь-пинь-пинь», – раздалось неподалеку в стороне. Сердце так и екнуло: неужто он, долгожданный?! Не синица ли. Ведь она, плутовка, иногда точь-в-точь так же «пинькает»...

Нет, не синица: вон на самой маковке высокой ели, стоящей на опушке, чернеется птичка. «Пиньканье» доносится, несомненно, оттуда, и птичка сидит неподвижно на одном месте; егюза же синица ни за что не усидела бы так долго на одном месте, да и на вершину она редко когда забирается, и то на секунду-другую, а больше держится по нижним веткам да по кустам... «Пинь-пинь, пинь-пинь...» Вот птичка снялась с вершины дерева и пролетает неподалеку от нас, описывая в воздухе широкие цуги и издавая время от времени нежное негромкое «йю-йю». Теперь нет уже никакого сомнения, что это – один из первых *зябликов*. «Здравствуй, милая птичка! Радуюсь твоему прилету!» Вот уж и пропала – юркнула в лес между вершинами... «Фить-фирлить-фить-фить-фють-фють-фють-фють-ляляляляви-чию!», – громко раздалось с той стороны, в которой скрылась птичка, и звонко раскатилась по лесу звучная, задорная и красивая песня зяблика-самца (жалкое подобие которой я попытался изобразить выше буквами). Не пройдет и 2–3 дней, как зазвучит эта песня повсюду – в садах, лесах и рощах – и оживит

их своими светлыми, как лучи весеннего солнца, звуками после томительно долгой осенней и зимней тишины...

Прилетели зяблики – лес ожил. В сонме трелей пернатых певунов, наполняющих весной и летом воздух наших лесов своими песнями, большинство голосов принадлежит именно зябликам, так как зяблик – одна из самых многочисленных и повсюду распространенных певчих птиц. Начиная с суровой Лапландии и кончая южным берегом Крыма и «пламенной Колхидой», почти везде, где только есть деревья, можно слышать этого прекрасного певуна, можно любоваться этой красивой птичкой. Ее в особенности можно хорошо разглядеть ранней весной в первое время после прилета. Тогда деревья не одеты еще листвой, и ничто не препятствует любоваться зябликом, сидящим подолгу на низком, еще голым суку дерева и несчетное число раз кряду повторяющим свою веселую коротенькую песенку. Ржаво-бурая головка с голубовато-пепельной шапочкой и черным лобиком; красновато-бурая спинка; желтовато-зеленое надхвостье; ржаво-бурое горлышко; лиловатые грудка и брюшко, задняя же часть брюшка, к хвосту, совсем белая; на зеленоватых с черным крыльях две белые широкие поперечные полосы – вот красивая пернатая одежда зяблика-самца. Госпожа «зяблица», хотя имеет сходную же окраску, но далеко не так красива, потому что все цвета ее оперения как бы полинялые и с сильной примесью серого цвета, в особенности на грудке и головке.

Спустя дней пять после того, как показались единичные передовые зяблики, эти птицы появляются уже массами – большими стаями, по несколько сот штук вместе. Вначале эти стаи состоят исключительно только из одних самцов; стаи самок прилетают днями пятью – семью позже.

Зная места, на которых обыкновенно любят останавливаться пролетные стаи зябликов-самцов, нередко можно наслаждаться таким грандиозным и единственным в своем роде концертом, подобного которому нельзя услышать ни в какое другое время года, кроме только этих немногих весенних дней, в течение которых длится пролет стай зябликов-самцов. Такими местами обыкновенно служат пригорки с обработанной землей (пашня, огород), обращенные скатом на юг и прилегающие к лесу, парку, аллее – вообще к какой-нибудь группе деревьев. На таких пригорках снег пропадает обыкновенно гораздо

раньше, чем на ровном поле, и здесь, на оттаявшей уже земле, птицы находят себе хотя и не особенно обильный, но все-таки кое-какой корм – из прошлогодних семян различных сорных растений; соседние же деревья служат удобным местом для отдыха после далекого перелета. Вот на таких-то местах, служащих как бы станциями на перелетном пути наших птиц, иногда можно наблюдать в дни прилета по утрам (часов до 11–12 дня) громадные стаи зябликов и слышать единственный в своем роде концерт.

Приближаясь в тихое утро к такой «станции», почти уже за версту можно различить необычайный шум, который трудно с чем-нибудь сравнить и который приводит в совершеннейшее недоумение неопытного человека. Приблизившись еще на некоторое расстояние, можно различить среди сплошного трескучего шума более громкие звуки, позволяющие догадаться, что имеешь дело с огромным количеством каких-то птиц, а вскоре, еще приблизившись, явственно уже слышать, что весь этот невероятный шум слагается из множества зябличьих голосов, «пинькающих» и распевающих свою звонкую песню. Когда подойдешь еще ближе, глазам представляется следующая картина: деревья лесной опушки, еще безлиственные, буквально осыпаны множеством зябликов, из которых каждый или «пинькает», или выкрикивает свою песенку, перелетая время от времени с одного дерева на другое либо гоняясь, играючи, друг за дружкой, при беспрестанном громком «пиньканье». На земле – на проталине – кишит такое же множество этих птиц, утоляющих свой голод; а между деревьями лесной опушки и проталиной в воздухе происходит необычайное движение – слетание и перелетание многих десятков птиц, из которых одни, подкрепив свои силы на проталине, перелетают попеть и отдохнуть на деревья к своим распевающим сотоварищам, другие же, наоборот, натешившись вволю песнями и играми, спускаются снова на ту же гостеприимную проталину покормиться. И это продолжается до тех пор, пока вся шумная пернатая ватага, отдохнув достаточно, перекусив чем бог послал и натешившись песнями, не спохватится, что пора, однако, и честь знать, да и трогаться в дальнейший путь. Тогда вдруг, точно по команде, смолкают «пиньки» и песни, прекращаются игры, и, словно вихрем, снимается вся стая с деревьев

и с земли кверху, на воздух и, взяв направление на северо-восток, скрывается в несколько секунд из глаз наблюдателя.

Когда мне впервые привелось быть свидетелем такого явления (до того времени никогда не слышав и не читав ни о чем подобном) – я был как очарованный! Кто знает громкую и звонкую песню зяблика и любовался ею вблизи летом у себя в саду, тот согласится со мной, что несколько сотен таких песен, одновременно звучащих на небольшом пространстве, ввиду покрытых еще местами снегом полей, должны составить действительно восхитительный и единственный в своем роде концерт!

«Зяблик принадлежит к таким птицам, которые очень привязываются к одному и тому же месту и из года в год свивают свое гнездо на одном и том же дереве и даже в одной и той же развилине, образованной каким-нибудь суком со стволом дерева. Так, я знал одного зяблика, который в течение 4 лет каждую весну, в конце марта, прилетал в один и тот же небольшой садик, расположенный между двумя жилыми домами, и свивал себе гнездо всегда в одной и той же развилине. На пятый год этот зяблик уже не явился – вероятно, погиб во время прилетного (а может быть, и отлетного) путешествия; вместо него в середине апреля появился другой зяблик с самочкой, и эта парочка свила себе гнездо уже на другой березе, в другом конце сада. Узнавал я своего зяблика по песне.

(Для неопытного уха песни всех зябликов звучат на один лад, привычное же ухо всегда легко может найти разницу в песне того или другого зяблика. То же можно сказать и относительно песен многих других птиц.) Что же касается самочки моего зяблика, то трудно сказать, была ли все эти 4 года у него одна и та же самочка или они менялись. Трудно это сказать потому, что у зябликов, как и вообще у большинства наших певчих птиц, поют песню только одни самцы, самочки же только, как говорится, чирикают, то есть издают короткие звуки: призывные, которыми самочка призывает своего самца или детей, предостережения или беспокойства, любви и ласки и т. п., собственно же песен самочки (за немногими редкими исключениями) не поют; природа лишила их этой прекрасной способности»^[88].

Гнездо зяблика, представляющее собой вполне мастерскую постройку, имеет почти шарообразную форму и только сверху

немного срезано. Его толстые мягкие стенки, сотканые из мелкого зеленого мха, нежных корешков и былиночек, снаружи покрыты лишаями, взятыми с того дерева, на котором помещается гнездо; так что, если глядеть на него снизу, с земли, гнездо это имеет поразительное сходство с небольшим наростом, выросшим на дереве. Если гнездо помещается на березе, то снаружи в него вплетаются и кусочки белых пленочек, снятых с поверхности коры березы. Внутренняя полость гнезда имеет очень мягкую постельку, состоящую из пуха, перышков и шерсти.

Помещается гнездо зяблика обыкновенно на высоте 2–3 сажен над поверхностью земли.

Пока делятся постройка гнезда и высиживание самочкой яиц, самец-зяблик поет почти беспрестанно целый день и ревниво охраняет ближайшую окрестность гнезда от посещений других зябликов. Лишь только он слышит вблизи песню своего собрата, как тотчас же с яростью бросается в ту сторону, откуда раздалась песня, и изгоняет непрошеного гостя. При этом сплошь да рядом дело оканчивается жестокой дракой между противниками. Нередко можно видеть, как они, разгорячившись, буквально схватывают друг друга за шиворот и, не будучи более в состоянии свободно владеть крыльями, кувыркком падают, сцепившись, на землю, после чего, вероятно, опомнившись от падения, обыкновенно разлетаются в разные стороны.

Самочка кладет пять-семь яиц, покрытых на бледно-голубовато-зеленом фоне темными пятнышками и точками. Высиживание продолжается около 14 дней, причем самчик сменяет временами самочку, когда она слетает с гнезда, чтобы покормиться.

Птенчики выкармливаются обоими родителями и получают в пищу исключительно насекомых – по преимуществу гусениц разных бабочек.

По вылете из гнезда молодые зяблики обыкновенно довольно скоро становятся вполне самостоятельными и тогда покидают своих родителей.

Зяблик – птица бойкая, ловкая, умная, но задорная и драчливая; в неволе, в клетке, она редко становится вполне ручной. Где зябликов не обижают, не отпугивают, а напротив, бросают им зерна или крошки хлеба, там они становятся очень доверчивыми

и безбоязненно приближаются к человеку. Так, обедая летом на балконе или в саду, можно настолько приручить этих милых птичек, бросая им крошки хлеба, что они будут вертеться около самого стола и даже вскакивать на спинку стула, что мне самому неоднократно случалось видеть.

На воле зяблик целый день в движении и несколько успокаивается лишь в самые жаркие полуденные часы. На сучке во время пения сидит спокойно, стройно вытянувшись кверху; охотно передвигается по сучку плавными движениями в боковом направлении. На земле держится почти горизонтально и двигается вперед весьма грациозно, короткими прыжками, почти не отделяясь от земли, причем нередко «пинькает» или «рюмит», то есть издает своеобразные и довольно громкие звуки, вроде «рю-рю». Впрочем, «рюмит» зяблик очень часто и сидя на дереве. «Рюмень» это раздается преимущественно перед ненастной погодой. Когда после ясной погоды солнце закроется тучами и петухи начнут кричать, возвещая дождь, начинают «рюмить» и зяблики.

Осенью и зимой пищу зяблика составляют главным образом масляничные, а часто и мучнистые семена различных растений, подбираемые исключительно с поверхности земли. С весны же и до конца лета, когда все прошлогодние семена проросли, а новые еще не созрели, зяблик кормится только насекомыми, которых собирает на земле, снимает клювом с ветвей и листьев деревьев и даже ловит иногда на лету.

Питаясь такой двоякого рода пищей, зяблик, с одной стороны, причиняет хозяйству человека некоторый вред, а с другой – приносит пользу. Вредит зяблик преимущественно посевам масляничных семян (льна, конопли и других), которые он подбирает как в полях, так и на грядках огородов и лесных питомников. Лесничему приходится много хлопотать над охранением в питомниках своих посевов хвойных семян (сосны, ели, лиственницы, пихты) от непрошенных гостей.

Пользу же приносят зяблики уничтожением на полях во время весенних и осенних перелетов множества семян сорных растений, а в весенние и летние месяцы – большого числа насекомых, среди которых есть и немало вредных для леса и в особенности для фруктовых садов.

Итак, с одной стороны – вред, с другой – польза. Но если к пользе прибавить еще значение этой птички как украшения и прелестного оживления наших садов, парков, рощ и лесов и, следовательно, как усладительницы подчас весьма несладкой жизни человеческой, то, конечно, чашка весов с пользой, приносимой зябликом, намного перетянет чашку с причиняемым им же вредом. Отсюда, очевидно, вытекает обязанность – беречь, любить и охранять эту милую птичку, простив ей ее невольные (хотя подчас, может быть, и весьма досадные и бьющие несколько по карману) грешки, а не преследовать и истреблять, как это, к сожалению, делают некоторые близорукие (и бессердечные!) лесные и сельские хозяева...

В конце лета зяблики начинают собираться в небольшие стайки, которые мало-помалу все разрастаются, так что к середине сентября встречаются уже стаи по несколько сот штук. Они странствуют по полям, лесам и рощам, посещают большие сады, парки и аллеи, повсюду находя себе обильную в это время года пищу и запасаясь силами к предстоящему далекому путешествию. В последней трети сентября стаи зябликов уже покидают северную Россию, отлетая на более гостеприимный юг.

Желтые листья хрустят по дороге,
Дождик наводит тоску;
Все перелетные птицы в тревоге.
Сидя на голем суку,
Зяблик запел свою песню прощальную,
Песню про сторону дальнюю:
«Как на чужой на сторонке тепло,
Солнышко светит светло.
Круглый годок оно светит и греет;
Много там ягод и зернышек зреет...
Эй, поскорей! От морозов и вьюг
Мы унесемся на юг
Через леса, через дебри болотные...
Эй, собирайтесь скорей, перелетные!»^[89]

Зимуют зяблики в южной Европе и северной Африке. Впрочем, единичные экземпляры нередко перезимовывают и в южных, юго-

западных и даже западных наших губерниях (например, в Прибалтийском крае).

Прибыв на места своих зимовий, зяблики продолжают держаться теми же многочисленными стаями, какими покинули свою родину, ясно этим показывая, что они себя там чувствуют не дома, а лишь временными зимними гостями. С наступлением на юге весны зяблики-самцы начинают потихоньку налаживать свои песни, как бы вновь им обучаясь, и затем, наладив их как следует, в полный голос, снимаются со своих зимних квартир и с радостным оживлением летят на свой хотя и далекий и не всегда приветливый, но все-таки милый и дорогой сердцу родной Север.

В комнате, в клетке, зяблик встречается не особенно часто. Впрочем, есть специальные любители комнатных зябликов, которые за хорошо поющего зяблика с песней, состоящей, говоря языком птичников, «из очень длинных и сильных россыпей, трелей и многих других подобных колен и штук богатейшей постановки и вообще исполнения»^[90], охотно платят по 25 рублей и дороже.

Кормить комнатного зяблика следует смесью семян с прибавкой муравьиных яиц и тертой морковки с толченым белым хлебом. На таком корме у меня зяблик жил 3 года (в большом садке с другими птицами) и чувствовал себя, по-видимому, прекрасно: легко линял, был красив и с марта начинал уже петь полным голосом. Впоследствии я выпустил его на свободу. Отнюдь не следует давать зяблику много конопляного семени, от которого он со временем слепнет.

В северной России (к северу от 56° с. ш.) гнездится и живет летом, в средней же и южной части нашей родины показывается только весной и осенью кратковременным гостем близкий родственник зяблика – *вьюрок*^[91] (рис. VII).

Характером и образом жизни во всем сходный с зябликом, вьюрок резко отличается от него своей очень пестрой окраской: черно-синие (цвета воронова крыла) головка и спинка, белое надхвостье, желто-красные горлышко и грудка, белое брюшко, белые и желто-красные продольные и поперечные полоски на черных крыльях – вот главные краски красивого весеннего оперения вьюрка-самца. В осеннем

оперении головка и спинка у него пестрые (черные с бурым). Самочка окрашена сходно с самцом, но только все цвета ее оперения значительно бледнее.

В средней и южной России, как было уже упомянуто выше, вьюрка можно видеть только поздней осенью, когда громадные стаи этих птичек – нередко тысячами в одной стае – перелетают с севера на зимовье в южные страны Европы (в Испанию, Италию, на Балканский полуостров, Кавказ), и ранней весной при обратном пролете на север. Их не трудно узнавать по призывному крику, звучащему вроде протяжного «квээк», который они издают во время полета. Шум от тысячеголовой болтовни громадной стаи вьюрков, остановившейся на кормежку в какой-нибудь роще или в перелеске, бывает слышен иногда за версту и даже больше.

Кормится вьюрок, так же как и зяблик, преимущественно масляничными семенами, весной же и летом – насекомыми. На полях эти птицы очень полезны как истребители множества семян сорных растений.

Вьюрка-самца держат иногда в клетке за его красоту. Кормить его следует так же, как и зяблика. Что же касается до его пения, то оно очень неказисто и состоит из бессвязного набора разных, вовсе не музыкальных, звуков.

На горных лугах Кавказа, выше древесной растительности (до 8000 футов^[92] высоты над уровнем моря), живет круглый год еще один близкий родственник зяблика, а также и вьюрка – *горный вьюрок*. Он значительно крупнее зяблика, сверху темно-бурый, снизу серый, с черным горлышком и очень широкой белой полосой на каждом крыле. Об образе жизни этой птички пока еще известно очень мало.

Щегол^[93]

(рис. VIII)

*Вслед за рядом дней дождливых,
Дней ненастных и унылых,
Дней тоски и тяжких грез,
Прикатит старик-мороз.
С неба серого снежинки
Полетели, как пушинки,
И поля, и лес густой
Скутан белой пеленой.
На деревьях вместо листа,
Иней повис пушисто,
А на речке тонкий лед
Заковал собою брод.*

Ставиский

А ночь выпал снег и подморозило.

Славно стало на улице: везде чистенько-беленько, ни грязи, ни слякоти. Пройдешь, где хочешь – везде твердо и крепко, только снег под ногами похрустывает. А уж как везде красиво! Про лес нечего и говорить: он теперь, что твой хрустальный дворец, сверкает на солнышке. Даже на поле и на выгоне, которые еще вчера своим однообразно бурым цветом сквозь осеннюю «моросю» наводили тоску на душу, сегодня каждая сухая былиночка, уцелевшая на меже или на краю канавы, каждый тоненький прутик, торчащий из земли, каждое корявое деревце, обглоданное скотинкой, стоят нарядные-пренарядные, разубранные, словно царская свита из волшебной сказки: кружевом и лебяжьим пухом, серебром да бриллиантами... На что уж глинистый, поросший кустами репейника, овраг, в который еще вчера чуть не на четвереньках приходилось спускаться, чтобы зачерпнуть студеной водицы из бегущего в нем родника, – и тот сегодня, словно сад с причудливыми красивыми кустами

и деревцами, – так разукрасила и изменила бабушка-зима неказистые кусты репейника.

Что это? Да никак на репейнике за ночь распустились новые цветы?! Уж не бабушка ли зима шутку подшутила? Да какие еще красивые цветы-то, куда красивее летних; пестренькие – на одном цветке и красный, и белый, и желтый, и даже черный цвета!..

«Иглик-иглик, пюи-пюи», – защебетали вдруг пестренькие «цветочки» и, вспорхнув стайкой в воздух, сделали круг над оврагом и снова спустились к репейнику, немножко подальше.

Так вот какие это цветочки!

«Пюи-пюи», – раздалось снова поблизости и совсем похоже на щебет канарейки. Это один щегленок отстал от своих товарищей и манит их к себе назад: уж очень, должно быть, по вкусу пришились ему семена большой пушистой репейниковой головки, на которой он так искусно примостился. Воспользуемся его близостью к нам и полюбуемся на пестренького красавчика.

Что за прелестная птичка! Ростом поменьше воробья^[94]; «лицо» (передняя часть головки) ярко-красное, щеки белые, темя и затылок черные, крылья желтоватые, с черными и белыми крапинками по заднему краю, хвостик черный и также с белыми крапинками на кончике, спинка желтовато-бурая, надхвостье белое, грудка и брюшко белые с красновато-бурым налетом, клювик красновато-белый с черным кончиком, ножки буренькие. Совсем картинка! Да и часто же малюют красавца-щегла на картинках: в редкой раскрашенной азбуке не найдется на букву *Щ* размалеванного (иногда совсем неправдоподобно) щегла.

Щегловка (самочка щегла) такая же нарядная, как и щегол, и только опытные птичники умеют отличать их друг от дружки по более развитым у самчика черным усикам, находящимся при основании клюва, также и красный цвет на «лице» щеглихи не так ярок, как у щегла. Молодые щеглята резко отличаются отсутствием красного и черного цветов на голове и наличием бурых крапинок на груди.

«Пюи-пюи-иглик», – защебетал снова наш сосед-щегол, покончив с вкусной репейниковой головкой и видя, что его товарищи, хотя и откликаются на его призывный крик, но, по-видимому, вовсе не расположены к нему вернуться, вспорхнул и полетел

по направлению к ним, издавая во время полета звуки «иглик, пюи, пикли-пикли». Словно большая пестрая бабочка, пропорхнул он мимо нас. Как славно мелькают на солнце его желтые полупрозрачные крылышки!..

За исключением Крайнего Севера, щегол распространен по всей России, включая Крым и Кавказ. У нас, под Петроградом, щеглов водится не особенно много; редко встречаются, осенью и зимой, стайки больше чем из шести-восьми штук. Весной и летом эти птички также не особенно часто попадают у нас на глаза; но чем дальше на юг, тем щегол становится многочисленнее.

Любимым местопребыванием щегла весной и летом служат местности, в которых группы деревьев, сады и рощи чередуются с открытыми местами. Большого, мрачного хвойного леса (краснолесья) щегол вовсе избегает и всегда предпочитает ему более светлое, уютное и разнообразное черное лесье. В особенности же любит он фруктовые сады, в которых охотно и гнездится, выбирая для своего гнездовья преимущественно грушевые деревья, особенно им любимые.

Щегол – птичка чрезвычайно подвижная, ловкая и изящная во всех своих движениях. Сидя на ветке дерева – всегда высоко и открыто, он держится, как говорится, подобравшись, всегда стройно, красиво и грациозно и вообще производит впечатление, как будто сознает свою красоту.

Характер у щегла чрезвычайно общительный и уживчивый, не только относительно своих братьев-щеглов, но и других птиц например в общей клетке, в комнате; только у кормушки он проявляет некоторую драчливость. Щегол умен, до некоторой степени даже хитер, чрезвычайно понятлив и легко выучивается различным трюкам и фокусам – в неволе, разумеется. Будучи пойман и посажен в клетку, скоро осваивается со своим новым положением, привыкает к хозяину и вообще становится милейшей комнатной птичкой. При надлежащем уходе он может прожить в клетке до 20 и более лет.

Щегол – большой мастер в лазании и лишь немного уступает в этом деле синицам. Он мастерски цепляется снизу к тончайшим древесным веткам, для того чтобы, например, добыть из раскрытой

ольховой шишечки лакомые семена или же снять с распутившейся почки какою-нибудь гусеницу или личинку.

Песня щегла довольно громкая, приятная, разнообразная и чрезвычайно веселая и задорная. За свое пение он состоит в большом почете у любителей комнатных птиц. Выразить словами песню щегла довольно трудно; она представляет собой пестрый набор совершенно своеобразных звуков, среди которых постоянно слышится характерное «иглит» или «игли-иглит». Поющий щегол все вертится то вправо, то влево, подобно тому, как это делает канарейка, ретиво поющая на жердочке своей клетки. В неволе щегол поет почти круглый год, на свободе он молчит лишь во время линяния (которое происходит обыкновенно в июле) да еще в очень уж дурную погоду. Морозов и снега наша птичка не боится: в ясные зимние дни его милая задорная песенка звучит почти так же весело, как и в теплые дни мая. Щегловка песен не поет.

Весной, с расцветанием фруктовых деревьев, щеглы приступают к выводам детей. Гнездо помещается обыкновенно довольно высоко на дереве (1½–4 сажени^[95]), имеет полушарообразную форму и чрезвычайно искусно соткано из мха, лишаяев, тонких корешков, сухих былиночек и паутины. Щегловка несет четыре-пять яиц, голубовато-зеленая или белая скорлупка которых испещрена, преимущественно на тупом конце, красноватыми крапинками и пятнышками. Высиживание продолжается 13–14 дней. Как постройкой гнезда, так и высиживанием занимается только щегловка; щегол же все время ретиво распевает свои песенки, сидя обыкновенно на том же дереве, на котором находится его гнездо.

Молодые щеглята выкармливаются вначале мелкими личинками насекомых, живущими на ветках деревьев, а под конец — размягченными в зобу родителей семенами различных растений.

По вылете из гнезда молодые держатся вместе, под руководством взрослых. Кормятся они личинками насекомых, которые собирают по деревьям, а также семенами мака, льна, конопли и других травянистых растений.

К осени выводки щеглов сбиваются в стаи и начинают вести кочевую жизнь, передвигаясь мало-помалу к югу, на их же место передвигаются с севера новые стаи; затем и эти подаются более к югу,

их заменяют еще более северные и так далее. Таким образом, в данной местности почти круглую зиму можно встретить щеглов, из чего, однако, вовсе не следует, что щегол – оседлая птица этой местности, то есть живет в ней безвылетно круглый год. Может быть, некоторые отдельные парочки и остаются то здесь, то там зимовать на своей родине – в особенности в благоприятные годы, когда эти птицы находят для себя достаточно пищи. Впрочем, проследить это довольно трудно.

По мере перекочевки к югу стайки щеглов все растут да растут и достигают иногда к концу осени численности до нескольких сот штук. С наступлением зимы большие стаи начинают понемногу разъединяться, разбиваясь на более мелкие; в конце зимы редко можно встретить стайки больше чем из 10–20 штук. Главными местами кочевки щеглов служат мелкие заросли в полях и садах, огороды и пустыри, заросшие репейником, чертополохом и подобными сорными растениями, которые торчат даже над довольно глубоким снегом и содержат в своих семенных головках обильный и столь любимый щеглами корм. «Зимой, где репейник, там и щегол», – говорят птичники. Когда же семена репейника частью обобьются птицами, частью же разнесутся ветром, щеглы перемещаются на березы и ольхи, где и кормятся семенами этих древесных пород.

С наступлением весны стайки щеглов возвращаются к местам своих гнездовий, разбиваются на парочки и в мае снова приступают к выводу птенцов.

Из приведенного описания жизни щегла легко можно сделать вывод относительно полезности этой птички: она, несомненно, приносит значительную пользу сельскому хозяину уничтожением огромного количества семян весьма злокачественных сорных трав, а также и немалого количества вредных насекомых во фруктовых садах. Сравнительно с этой пользой совершенно ничтожным является тот небольшой вред, который причиняет щегол семенам других хозяйственных растений в небольшой промежуток времени между созреванием этих семян и уборкой их с поля. К пользе же, конечно, нужно причислить и то, что эта милая красивая птичка так прелестно украшает собой нашу природу во все времена года, и в особенности зимой, когда наши поля и сады пустеют и сиротеют, будучи покинуты

почти всеми пернатыми певунами. Лесной же хозяин, конечно, также не станет жаловаться на красавца-щегла за некоторый урон, наносимый им ольховым и березовым семенам, тем более что, как мы видели, эта птичка держится больше вне леса.

О щегле как комнатной птице было уже кое-что сказано. Кормить его в клетке следует смешанным семенем и муравьиными яйцами, прибавляя к этому немного тертой моркови с толчеными сухарями (сухим белым хлебом).

Если вынуть из гнезда молодых щеглят, посадить их в клетку и повесить эту клетку на то дерево, на котором находится гнездо, то старики будут прилетать и кормить своих птенцов, пока они не вырастут настолько, что сами уже будут брать корм из кормушки.

Щегла легко выучить подтаскивать тележку с кормом, таскать ведерком воду из питейки, стоящей под клеткой, и разным другим трюкам.

Чиж^[96]

(рис. VIII)

Чижик, чижик, где ты был?

Песня

Кто не певал эту песенку? Кто не поминал в ней нашу милую, всеми любимую и всем известную (по крайней мере, по имени) птичку?

Из всех клеток, занятых комнатными певчими птицами, наверное, девять десятых, если не более, придется на долю чирика – маленькой^[97], зеленовато-желтенькой птички с черной шапочкой на головке, черным горлышком, черными поясками на крыльях, черным кончиком хвостика и темными продольными черточками на нижних частях брюшка и спинки. Таким красавчиком является самчик-чиж. *Чишовка* же (самочка) далеко не так красива: у нее нет на голове черной шапочки, а также и горлышко не черное, а желтоватое; зеленовато-желтый цвет значительно бледнее и грязноватее, чем у чирика, и вся она, начиная с головки, испещрена темными черточками. Молодые чижи окрашены почти так же, как и чишовка.

Чижик – птица весьма многочисленная и весьма распространенная; она водится по всей Европе и Азии, повсюду, где только есть лес. В Европейской России чирик встречается от Лапландии до Крыма и Кавказа. На юге и в Крыму он является только зимним гостем – во время своих кочевок, на Кавказе же водится круглый год: весной и летом на горах в хвойных лесах, на зиму же спускается в долины. Любимым местопребыванием чирика являются большие старые хвойные леса, в которых он гнездится и проводит большую часть лета. В чистом чернолесье (лиственном лесу) чирик не любит гнездиться.

Характер у чирика самый милый и привлекательный. Эта птичка всегда бодрая, веселая, смелая, вертлявая; очень ловко лазает и способна висеть вниз головой на самых тоненьких веточках.

Чиж в высшей степени общителен, миролюбив и доверчив. Будучи пойман и посажен в клетку, он через несколько уже часов начинает брать корм и дня через два-три ведет себя так, как будто в клетке и родился. Скоро начинает узнавать хозяина, садится к нему на руку, влетает и вылетает из клетки, легко выучивается разным трюкам и почти круглый день и круглый год поет без умолку свою веселую, бойкую и задорную песенку, подзадоривая ею и других птиц, находящихся с ним в одной комнате или в соседних. Он также легко перенимает песню канарейки, щегла и других своих товарищей по неволе. У меня был чижик, пойманный еще молодым, он так искусно перенял песню весьма недурно певшей самочки-канарейки, сидевшей с ним в одной клетке, что из другой комнаты почти невозможно было отличить, кто поет – канареечка или чижик.

Полет у чижика легкий, довольно быстрый, волнообразный (дугами вверх и вниз). Он не боится перелетать обширные открытые пространства и поднимается иногда при этом на воздух очень высоко. Характерный полет имеет чижик весной, во время гнездования. С песней, звучащей тогда особенно громко и задорно, порхает он и трепещется в воздухе, наподобие бабочки, описывая небольшие круги над вершинами деревьев. Высоко взмахивая при этом крылышками и распутив веером хвостик, он выглядит гораздо большим, чем при обыкновенном полете (подобный же, так называемый «токовой», полет имеют и некоторые другие из наших птиц; нам придется о нем еще не раз упоминать).

Во время полета чижик постоянно издает свой призывный крик, звучащий вроде «тю-ли» или «чи-лик», а пожалуй, даже и «чи-жик», откуда, вероятно, и произошло название нашей птички. Вслед за этим призывным криком следует обыкновенно стрекочущее «треттет» или «треттер-теттет». Из соединения этих же звуков состоит и незатейливая песенка чижика-самца, причем начинается она обыкновенно «тюликаньем» («титюлитюлей»), затем следует на разные лады «треттертет-триттит-трет-рет» и т. д., и все заканчивается особенным хриплым «эээээээ» («козленье» – на языке птичников), причем птичка уморительно широко раскрывает свой крошечный ротик.

Как только весной распустятся на деревьях почки, чижики приступают к выводу птенцов. Довольно глубокое и толстостенное

гнездышко чирика представляет собой чрезвычайно искусную постройку – из тонких прутиков, травы, мха, лишая и овечьей шерсти; внутри гнезда выстилается мягкая постелька из перышков. Гнездо помещается преимущественно на высокой старой ели, очень высоко над землей (5-12 саженей), и всегда так искусно запрятано между ветками и замаскировано древесными мхами и лишаями, что, даже проследив, на каком суку дерева вьет чижевая парочка гнездо, далеко не всегда и то лишь с большим трудом удается его найти, взобравшись, разумеется, на дерево. Такая трудность обнаружить чижиное гнездо послужила поводом к сочинению басни, будто чирик кладет в гнездо камушек-невидимку и делает таким образом это последнее невидимым; когда же чижата вырастут и вылетят из гнезда, тогда выбрасывается из него и камушек-невидимка, после чего гнездо становится видимым...

Постройкой гнезда занимаются и чиж, и чижевка; высидивает же только одна чижевка – в продолжение 13–14 дней. Нередко парочка чижики принимает вить гнездо в нескольких местах, пока наконец не остановится на одном каком-нибудь из них.

Чижевка кладет пять-шесть яиц, которые иногда очень разнятся друг от друга, как по величине, так и по окраске; большей частью они бывают окрашены в бледно-голубоватый или зеленовато-голубоватый цвет и испещрены буроватыми крапинками, пятнышками и жилками.

Чижата выкармливаются исключительно насекомыми, преимущественно гусеницами бабочек, которыми птенцы продолжают питаться и в первое время по вылете из гнезда. Пищу взрослых чижей составляют главным образом ольховые семена, а также березовые, еловые и сосновые. Как только созреют семена в ольховых шишечках, чижи тотчас же за них принимаются. Поэтому самые большие стаи этих птиц и встречаются обыкновенно в ольховых рощах (ольшняках), отчего нашего чижа называют также *ольховым чижом* (в отличие от *березового чижа*, как называют иногда *чечетку*, о которой речь будет впереди). Чиж не прочь иногда также полакомиться свежей нежной зеленью молоденьких древесных листочков. В клетке он очень охотно ест салат, мокрицу^[98] и другую нежную зелень.

В конце лета чижи появляются небольшими стайками в садах, близ человеческих жилищ. В это время их во множестве ловят

(в особенности молодых) во всевозможные ловушки, в которые чижата лезут, что называется, без всякой оглядки. Осенью чижи сбиваются, как и щеглы, в большие стаи (иногда численностью до тысячи и более штук); стаи эти кочуют по ольшнякам и березнякам и продвигаются постепенно на юг. (В окрестностях Петрограда чижи зимой составляют большую редкость.) К началу весны (у нас, на севере, в начале марта) стаи чижиков снова прикочевывают к своим родным лесам, в которых в это время года накрыт для них обильный стол: у еловых шишек, пригретых на деревьях солнечными лучами, начинают раскрываться чешуйки, под которыми скрыты семена, и чижам раздолье лакомиться теперь еловыми семенами, которые они с большим искусством достают из раскрывшихся шишек, прицепляясь к ним своими короткими острыми коготками.

Хотя кочующие стаи чижей и уничтожают огромное количество ольховых, березовых, а также и еловых семян, но, так как этих семян, в особенности ольховых и березовых, родится обыкновенно чрезвычайно большое количество и, несмотря на поедание их чижами (да и другими птицами), семян этих все-таки остается еще более чем достаточно, то вряд ли может идти речь о каком-либо серьезном вреде, причиняемом в этом отношении нашим милым чижиком. Пользу же он приносит несомненную (хотя, может быть, и не особенно большую) уничтожением во время выкармливания птенцов значительного количества вредных насекомых.

В неволе чижик при правильном за ним уходе может жить 10–12 лет. Если же случаи такой долговечности чижика в клетке встречаются довольно редко, то это происходит преимущественно оттого, что его кормят, обыкновенно по незнанию, коноплей. От конопли всякая птица, а также и чиж при неимении свободного движения скоро жиреет, приходит в болезненное состояние и преждевременно оканчивает свою жизнь. Чтобы чижик был здоров, весел и долго жил, нужно давать ему такой же корм, какой был указан выше для щегла (смесь семян, муравьиные яйца и тертая морковь с белым хлебом). Также нужно, чтобы водопойка у него была достаточно широкая, в которой птичка могла бы свободно купаться (что она чрезвычайно любит), и почаще сменять воду.

На крайнем юго-западе Европейской России – в Польше и Бессарабии^[99] – водится сходная с чижом по окраске и близко

родственная дикой канарейке *желтобрюшка*^[100] (*желтозобик, канареечный вьюрок*). Главными признаками, отличающими эту птичку (самца) от чижа, являются: отсутствие черного цвета на голове и горлышке и более ярко-желтая окраска всей нижней стороны. Вообще, вся эта птичка является более желтой, чем чирик. Желтобрюшка любит близость человека и охотно гнездится в садах. Песня ее сходна с песней чирика, но звучит громче и красивее.

Чечетка ^[101]

(рис. VII)

*В чужбине свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны.*

А. Пушкин

У нас, в Петрограде, такой птичкой, которую по обычаю выпускают на волю «при светлом празднике весны» (в Благовещение) ^[102], является преимущественно чечетка. То что именно на долю чечетки выпал жребий служить у нас предметом этого прекрасного обычая, объясняется, вероятно, тем, что в это время года легче всего добыть в большом количестве именно эту, а не какую-либо другую птичку, и притом за дешевую цену.

Еще задолго до праздника Благовещения петроградские птичники запасаются чечетками, которых ловят в окрестностях города в громадном количестве. С наступлением же праздника все эти птичники с самого раннего утра собираются на Щукин двор, на площадку Птичьего ряда, расставляют свои клетки с чечетками (и другими птицами) и распродают их здесь «блюстителем родной старины» (каковыми являются преимущественно лица из купечества). Здесь можно купить чечетку «на выпуск» за 3, 5, 8, 10 копеек и дороже – смотря по покупателю и по количеству вынесенных на рынок птиц. Чем больше добыто птичками чечеток, тем больше их вынесено для продажи и тем ниже на них цена. В это время года чечетки появляются у нас обыкновенно громадными стаями, и ловкий птичник кроет их иногда на точке сетью, по несколько десятков штук за один раз.

«У деревенской детворы есть целый ряд особых песенок – „веснянок“, приуроченных к благовещенскому выпусканию птичек на волю. Вот одна из них, записанная в симбирском Поволжье:

Синички-сестрички,
Тетки-чечетки,
Краснозобые снегирюшки,
Щеглята-молодцы,
Воры-воробьи!
Вы по воле полетайте,
Вы на вольной поживите,
К нам весну скорей ведите!
За нас Божью Мать молитесь!»^[103]

Самец-чечет в весеннем своем наряде принадлежит к числу красивейших наших птичек: при общей пестро-серой или буроватой окраске и двух светлых поясках на крыльях он имеет красивую малиново-красную шапочку на головке, такую же малиново-красную грудку, розовато-белое брюшко, черный поясок вокруг основания клюва и черные продольные полосы, идущие от клюва через оба глаза. Самочка-чечетка и молодые имеют только малиновую шапочку, грудка же у них лишь слегка розоватая. В неволе, в комнате, красная окраска нашей птички изменяется скоро в буровато-желтую (так же, как это мы видели и у снегиря, щура, клеста и прочих птиц, имеющих на воле красный цвет в своем оперении).

Своим складом и всей фигуркой чечетка очень похожа на чижику, которого, однако, несколько превосходит величиной^[104].

Область распространения чечетки чрезвычайно обширна: она захватывает собой холодный пояс обоих полушарий нашей планеты: северная полоса Европы, Азии и Северной Америки, то границы распространения древесной растительности – вот обширная родина нашей птички. Оттуда она спускается поздней осенью громадными стаями (до тысячи и более штук в стае) в южнее лежащие страны, доходя в Европейской России до Крыма и Кавказа.

Около норвежского города Вадзе (под 70° с. ш., на берегу Ледовитого океана, близ русской границы) и в самом этом городе чечетка составляет летом такое же обыкновенное явление, как у нас воробей, которого она там и заменяет; впрочем, в самом городе не гнездится.

Изредка случается, что отдельные парочки чечеток остаются на лето в некоторых местностях средней Европы (например, местами

в Германии и в наших прибалтийских губерниях), где и гнездится.

Чечетка – такой же хороший летун, как щегол и чижик. Также она не уступает им в искусстве лазать и цепляться по тончайшим веточкам деревьев. Красивое зрелище представляет собой покрытая инеем и слегка запушенная снегом плакучая береза, усыпанная несколькими десятками этих красногрудых и красноголовых птичек, хозяйничающих на дереве во всевозможных позах в поисках уцелевших на ветках семян, в особенности, если при этом еще солнце освещает своими лучами столь красивое в своем морозном наряде дерево и копошащихся на нем крошечных пернатых акробатов.

Во время полета и вообще при перепархивании с ветки на ветку чечетка постоянно издает свой призывный крик, звучащий как «чи-чи-чи» или «чет-чет», откуда, конечно, и произошло название этой птички. Эта постоянная болтливость чечетки послужила в народе к сравнению с ней болтливых женщин: «Ишь, растараторилась, словно чечетка!» Также и в песне поется: «Тетки, лебедки, чечетки мои». Когда летит большая стая чечеток, их неугомонное, иногда тысячеголосое «чиканье» и призывное «пиуликанье» (сходное с «чиликаньем» чижики, но более звучное) бывают слышны на очень большое расстояние.

Песня чечетки – такая же незатейливая и неказистая, как и у чижики, но далеко не такая веселая и задорная – состоит все из тех же «чи-чи-чи» да «че-че-че», вперемежку с довольно звучной трелькой, передать которую буквами очень трудно.

Чечетка далеко не такой ретивый и неугомонный певец, как чижик, но в остальном по характеру очень с ним сходна: такая же бодрая, живая, подвижная и ловкая и такая же доверчивая, общительная, миролюбивая и уживчивая с другими птицами. Она, так же как и чижик, восприимчива к обучению разным трюкам, так же легко идет в разные ловушки и почти так же скоро привыкает к клетке, становясь вполне ручной.

Главную пищу чечетки на воле составляют березовые семена, которые она не только обивает с дерева, но и подбирает с земли, когда они к концу зимы пообсыплются с дерева. Вот почему ранней весной чечеток легче всего найти на проталинах под березами (также под ольхами), куда эти птицы спускаются иногда большими стаями, так что на проталине иной раз, как говорится, из-за птиц живого

места не видно. От этой же преимущественной любви к березовым семенам произошло и название *березовый чиж*, которое иногда дают этой птичке.

Гнездо чечетки на ее далекой северной родине помещается обыкновенно на низкорослой березке, невысоко над землей; оно искусно свито из тоненьких прутиков, травок, мха, лишая и выложено внутри мягкими перышками. Птенцы выкармливаются исключительно различными насекомыми.

С наступлением осени чечетки сбиваются в стаи и начинают вести кочевую жизнь по березнякам, подвигаясь постепенно на юг. При этом нужно заметить, что стаи чечеток появляются у нас в разные годы далеко не в одинаковом количестве: иногда их прилетает великое множество, в другие же годы – лишь весьма немного. Вероятно, это зависит от большего или меньшего урожая березовых семян на родине этих птиц. Также весьма интересно, что в некоторых местностях (как, например, у нас, в окрестностях Петрограда) осенью обыкновенно встречается не особенно много чечеток, в конце же зимы и в начале весны – на обратном пролете на север – чечетки пролетают и временно останавливаются у нас погостить, большей частью в громадном количестве. В других же местностях – как раз наоборот: осенью много летит чечеток, а весной мало. Происходит это оттого, что птицы возвращаются осенью на север большей частью не теми же путями, по которым отлетают на юг.

В комнате чечетка может жить довольно долго – 7–8 лет. Корм ей нужно давать такой же, как и ее близким родственникам – щеглу и чижику. Необходимо только заметить, что чечетки прилежно поют лишь в одиночных клетках, в общем же садке с другими птицами они поют мало.

Среди обыкновенных чечеток, а иногда и отдельными стайками появляется у нас время от времени *белая чечетка*^[105]. Она вся гораздо светлее (белее) обыкновенной чечетки: нижняя ее сторона, начиная от горла, белая, с сильно выраженной карминно-розовой окраской зоба и груди и черноватыми черточками на боках. Надхвостье чисто-белое, с прекрасным розовым оттенком. Эта чечетка гнездится лишь на самом Крайнем Севере (по границе лесной растительности

и тундры); зимой не спускается южнее средней России. По образу жизни эта птичка не отличается от обыкновенной чечетки.

На горах Кавказа водится особый вид – *горная светлая чечетка*^[106] которая также отличается более светлой окраской.

Коноплянка^[107]

(рис. VI)

*Вот и лето. Жарко, сухо,
От жары нет мочи;
Зорька сходится с зарею,
Нет совсем и ночи.*

.....

*Солнце жарче все и жарче.
На небе ни тучи;
Только вьется над травой
Мошек рой летучий,
Да шмели, жужжжа, кружатся,
Над гнездом хлопочут;
Да кобылки, не смолкая,
На поле стрекочут.*

И. Суриков

О птичках наш поэт даже и не упоминает; да, и прав он: их сменили всевозможных сортов кобылки да кузнечики, которые летом день и ночь, «не смолкая, на поле стрекочут». Пернатые же певуны, с тех пор как повывели своих птенчиков, умолкли один за другим и только по ранним утрам да перед закатом солнца попискивают да тихонько посвистывают кое-где по кусточкам. Впрочем, есть одна птичка, которая среди этой всеобщей тишины, в самое жаркое полуденное время, распевает еще иногда целыми часами свою громкую и чрезвычайно красивую песню. Песня эта имеет – по крайней мере, для моего слуха – особенную прелесть из-за какого-то присущего ей грустного оттенка. Птичка, поющая эту песенку, и есть коноплянка (*илиреполов*, как ее большей частью называют птичники). Хотя я и часто, и подолгу слушал пение коноплянок на воле, да и в клетках у меня не мало их перебывало, тем не менее положительно затрудняюсь передать словами, хотя бы приблизительно, песню этой птички, состоящую из смешения

красивых флейтовых звуков с каким-то особенным, свойственным одной только коноплянке, щебетанием. Скорее всего вы услышите коноплянку где-нибудь неподалеку от селения, где возделанные поля перемежаются с кустарниками, мелкими полевыми лесочками и выгонами. Такие места составляют ее любимое местопребывание. Поющая птичка сидит большей частью на сухой ветке куста, или на жерди забора, или же на крыше какого-нибудь полевого строения – сарая, овина. Нередко рядом или поблизости друг от друга сидят два, три и более певца и как бы состязаются в искусстве пения. Коноплянка также нередко поет свою песню и во время перелета с одного поля на другое, подобно тому, как это делают жаворонки.

Весной и в первой половине лета коноплянка (самец) является очень хорошенькой птичкой: темя и грудка ее окрашены в превосходный малиново-красный цвет; головка серая; горлышко буровато-белое, с продольными темно-серыми крапинами; брюшко беловатое; спинка коричневая; надхвостье беловатое, с темными пятнышками; крылышки пестрые, с белыми, черными и коричневыми каемками и полосками; хвостик черноватый, с белыми продольными полосками. Малоопытные люди нередко путают при первом взгляде самцов коноплянки с самцами чечетки из-за красной окраски темени и грудки у обеих птичек. Но при внимательном осмотре чечетку тотчас же выдает черный пояс вокруг клюва; притом же клюв у коноплянки значительно толще и грубее, и вся она покрупнее^[108] чечетки. Самочки и молодые коноплянки не имеют красной окраски; в остальном же они окрашены довольно сходно с самчиком, который к концу лета после линяния также теряет свою красноту и снова получает ее лишь к следующей весне.

Коноплянка встречается по всей Европейской России, за исключением Крайнего Севера. Она водится также и на Кавказе, где летом поднимается для гнездования высоко в горы (до 10 000 футов^[109] над уровнем моря), с приближением же осени спускается в долины на зимовку^[110]. В Крыму коноплянок также можно встретить круглый год и преимущественно в степной части полуострова, вблизи хуторов.

Характер у коноплянки чрезвычайно симпатичный. Это милая, добрая, умная, доверчивая и чрезвычайно общительная птичка. Парочки коноплянок в противоположность большинству других птиц

остаются неразлучными круглый год. Также, во время гнездования, несколько парочек мирно уживаются поблизости одна от другой, что весьма редко можно встретить у других, даже родственных ей, птиц.

К выводу детей коноплянка приступает довольно рано – в конце апреля или в начале мая – и делает большей частью два вывода за лето. Гнездо помещает охотнее всего в каком-нибудь густом, отдельно стоящем неподалеку от лесной опушки, кусте, также в живых изгородях, кустах смородины и крыжовника – по садам. Внутри старых больших лесов коноплянка никогда не гнездится. Сбивает гнездо из весьма разнообразного материала, смотря по тому, что легче найти. Преимущественно же для этого служат тонкие прутики, корешки и стебельки трав, вереск и т. п., причем во внутренние стенки гнезда помещается более тонкий материал, снаружи же погрубее; сама же постелька выстилается животной шерстью, растительными волокнами, с небольшой примесью конских волос. Самочка кладет до пяти – шести яиц – при первом выводе и не более четырех – при втором. Яички эти окрашены в беловато-голубоватый или зеленоватый цвет и покрыты красными и бурыми крапинками и пятнышками. Самочка высиживает одна (в течение 13–14 дней); выкармливать же птенцов помогает самчик, причем птенцы получают в пищу различные семена, предварительно размягченные в зобу родителей.

Осенью – обыкновенно уже в августе, после линяния – коноплянки сбиваются в стаи, достигающие иногда численности до ста и более штук, и передвигаются к наступлению зимы в более южные широты, не забираясь, впрочем, слишком далеко. Так, много этих птиц перезимовывают уже в Киевской губернии. Даже в средней России то здесь, то там можно встретить иногда зимой коноплянок, в особенности в мягкие зимы. Возвращаются эти птички на родину, к местам своих гнездовий, ранней весной – к середине или в конце марта – и тотчас же дают знать о своем прибытии своей милой песней. Вообще, коноплянка поет почти круглый год, за исключением лишь конца июля или первой половины августа, когда происходит ее линяние.

Пищу коноплянки составляют семена разных сорных трав, а также капустные, репные, маковые, конопляные и другие семена различных

огородных растений. Если эта птичка таким образом и причиняет некоторый урон огородным и полевым растениям, то, с другой стороны, она с избытком покрывает этот урон – уничтожением множества семян вредных для полевого хозяйства сорных трав – и, конечно, не должна быть причисляема к числу вредных птиц.

У любителей комнатных птиц коноплянка состоит в большом почете. И действительно, по своему милому нраву и прилежному, прекрасному пению она вполне того заслуживает. Из всех наших вьюрковых птиц коноплянка, несомненно, наилучший певец. Хотя она и уступает несколько зяблику в звонкости своего голоса, но зато много превосходит его разнообразием и обширностью своей песни. Коноплянка может также перенимать песни других птиц: зяблика, щегла, канарейки, жаворонка и даже, отчасти, соловья. Беда только, что при этом перенимаются нередко также и дурные звуки, так что певца-коноплянку не следует помещать в одну комнату с плохими певунами.

Корм коноплянке следует давать такой же, как и щеглу. При хорошем уходе эта птичка может прожить в комнате до 10 и более лет. Она, в противоположность чечетке, охотно и много поет также и в общем садке – с другими птицами; нередко поет и вечером при огне.

Зеленушка^[111]

(рис. XVII)

*Еще весны душистой нега
К нам не успела снизойти,
Еще овраги полны снега,
Еще зарей гремит телега
На замороженном пути.*

А. Фет

Самой ранней весной (под Петроградом в последней трети марта), когда березы еще и не думали просыпаться от своего зимнего сна, когда местами лежит еще снег, а из лесных и садовых пернатых певцов в прилете находятся одни только зяблики, – в это время нередко обращает на себя внимание человека, прогуливающегося по дорожкам парка или большого сада, одна птичка. «Жжррррри...» – раздается вдруг над головой, как-то картаво и громко, так что невольно поднимешь кверху глаза: на одной из верхних веток дерева сидит неподвижно птичка, покрупнее воробья^[112], и если при этом случайно лучи солнца освещают вершину дерева, а вместе с тем и сидящего на нем странного музыканта, то можно рассмотреть, что птица, производящая такой немзыкальный звук, почти сплошь окрашена в желтовато-зеленый цвет. Имея же при себе бинокль, можно, отойдя несколько шагов от дерева, рассмотреть и более подробно оперение этого пернатого существа, называемого *зеленушкой* (и другими приведенными в сноске именами). Передний край крыльев у нее лимонно-желтого цвета; середина крыла, щеки и затылок пепельно-серые; задний край крыльев, их концы и кончик хвоста черные; нижняя часть брюшка белая; довольно толстый (как у воробья) клюв; лапки красновато-серые; все остальное окрашено в желтовато-зеленый цвет. Это окраска самца. Самочка окрашена сходно с самцом, только все цвета у нее менее чисты и вместо желтовато-зеленого общего цвета – оливково-зеленый. Молодые зеленушки при общем серовато-

оливковым оперении испещрены на спинке, и в особенности на грудке, продольными бурыми черточками.

За исключением Крайнего Севера, зеленушка водится во всей Европейской России, с Кавказом и Крымом включительно. Под Тифлисом^[113], зимой, она одна из самых обыкновенных птиц. Зеленушка далеко не так многочисленна, как, например, зяблик, чиж, щегол и другие родственные ей птицы; она везде встречается в умеренном количестве. В окрестностях Петрограда она попадает не часто, хотя и не составляет редкости.

Любимыми местами обитания зеленушки являются плодородные обработанные местности, где небольшие лесочки перемежаются с полями, лугами, садами или парками. Больших сплошных лесов, в особенности краснолесья, зеленушка избегает: ее лишь изредка можно встретить в лесу – в перелетное время, весной, и то обыкновенно близ опушки.

В большинстве местностей России зеленушка – птица перелетная, то есть отлетающая на зиму в более южные края, за исключением разве лишь южных губерний, где некоторые из этих птиц остаются и на зиму. Встречающиеся зимой в средних губерниях (также иногда и под Петроградом) немногие зеленушки – несомненно более северного происхождения, задержавшиеся у нас на зиму при своем осеннем пролете на юг. В особенности эти птицы часто задерживаются на зиму там, где по открытым местам растет много можжевельника. В густых кустистых деревцах этого вечнозеленого хвойного растения зеленушки находят для себя хороший приют на ночь и в зимнюю непогоду; ягоды же можжевельника составляют им хороший и весьма любимый ими корм.

Несмотря на свой несколько неуклюжий вид, зеленушка – весьма бодрая и шустрая птичка. Летает она довольно легко и быстро, волнообразными линиями (то вверх, то вниз); по земле скачет также довольно ловко. Правда, сидя на дереве, она держится обыкновенно не особенно грациозно и распухливает свои перышки, но иногда так подберется и вытянется, что ее сразу даже и не узнаешь.

Песня у зеленушки неважная, хотя слушать ее – ранней весной, когда, кроме зябликов, нет почти других певцов – все-таки весьма приятно. Поется эта песня очень неторопливо и звучит вроде «вид-вид-вид, вед-вед, вюд-вюд, гиррр» (трелька), опять «вид-вид, вюд-

вюд», а в промежутках время от времени вставляется то характерное картавое «жжрррриии», о котором упоминалось выше и по которому еще издали можно узнать зеленушку. Изредка между зеленушками встречаются *пересмешники*, весьма недурно подражающие голосам других птиц. Поющая зеленушка сидит обыкновенно высоко на дереве.

По характеру зеленушка – птица недоверчивая и осторожная, хотя там, где чувствует себя в безопасности, позволяет человеку подходить к себе довольно близко.

Пищей зеленушке служат по преимуществу масляничные семена, а также семена разнообразных сорных трав. Она подбирает их на манер зяблика с земли. Когда же снег покрывает землю – обивает семена с деревьев, а также идет за можжевельными и рябиновыми ягодами. В особенности же зеленушка любит конопляное семя, и в местностях, где возделывается конопля, эта птичка может причинять весьма чувствительный вред. Впрочем, этот вред, по всей вероятности, вполне покрывается той пользой, которую приносит зеленушка уничтожением большого количества семян сорных растений, так что, в конце концов, она также не должна быть причисляема к числу вредных птиц.

Зеленушка делает большей частью два вывода птенцов – в мае и июне. Гнездо помещается обыкновенно на высоте 8-10 футов^[114] над поверхностью земли, в развилине из двух толстых сучков или вплотную к стволу дерева. Материал для гнезда берется весьма разнообразный; преимущественно для этого служат тонкие прутики, корешки, сухие травки и былиночки, мох, лишай, клочки шерсти, конский волос и т. п. Самочка несет четыре-шесть яиц, испещренных по голубовато-белому или серебристому фону красными и бурыми пятнышками и точечками. Высиживает их она одна в течение около 14 дней; самчик же приносит ей в это время корм. Во все время кладки яиц и высиживания зеленушка-самец ретиво распевает свои немудреные песенки поблизости от гнезда и время от времени проделывает свой токовой полет (подобный тому, о котором упоминалось в очерке о чиже): взлетает с песней по косому направлению на воздух; поднимает кверху крылышки так высоко, что они почти касаются друг друга своими кончиками; колеблется таким образом в воздухе некоторое время то в ту, то в другую

сторону; делает несколько небольших кругов и затем снова медленно опускается большей частью на то самое дерево, с которого поднялся.

Птенчиков своих зеленушки выкармливают размягченными в зобу семенами, причем более крупные из семян и покрытые жесткой скорлупкой предварительно обшелушиваются.

По вылете из гнезда молодые первого вывода недолго остаются при родителях, которые вскоре все свои помыслы обращают на вторичный вывод птенцов. С наступлением же осени молодые зеленушки снова соединяются со взрослыми и начинают стайками вести кочевую жизнь – по полям, садам, огородам и конопляникам. При этом они нередко смешиваются со стайками зябликов, коноплянок, полевых воробьев и других родственных им птиц. С наступлением холодов стайки зеленушек отлетают на юг, откуда ранней весной снова возвращаются на родину – к местам своих гнездовий.

Зеленушку часто держат в комнате, в клетке, к которой эта птичка скоро привыкает и становится совершенно ручной. Она тоже легко выучивается, подобно чижу, щеглу и чечетке, различным трюкам. Кормить ее следует так же, как щегла и коноплянку. Изредка можно давать ей конопляное семя (но понемногу, иначе птица быстро зажиреет и пропадет). Также полезно давать время от времени молодую зелень – салат, мокрицу и другую.

Дубонос^[115]

(рис. IX)

Не потому ли получила эта птица название дубоноса, что своим здоровенным клювом она может с легкостью раскалывать не более и не менее, как вишневые косточки и затем лакомиться заключающимися в них зернышками? Зернышки эти составляют самую любимую пищу дубоноса. Щелканье этой птицей вишневых косточек бывает иногда слышно шагов за тридцать. Несмотря на свою неуклюжую коренастую фигуру, при довольно крупных размерах^[116], и на свой безобразно толстый клюв, дубонос-самец является все-таки красивой птицей благодаря своему разноцветному пестрому оперению: головка у него желтовато-бурая; шея пепельно-серая; горлышко, узкий поясок вокруг клюва, продольная полоска через глаз черные; грудка и брюшко светло-красно-бурые; спинка шоколадно-бурая; крылья блестяще-синевато-черные с широким белым зеркальцем на плече; хвост темно-бурый с белой каймой на конце; клюв голубоватый или буроватый с черным кончиком; лапки мясного цвета. Самочка окрашена сходно с самцом, но все цвета у нее менее чисты. В оперении молодых дубоносов преобладает желтовато-бурый цвет, и они испещрены – в особенности на грудке и брюшке – поперечными черточками, имеющими форму молодой луны.

Дубонос принадлежит только средней (умеренной) полосе Европы, из которой на зиму улетает в более южные широты. На севере он не водится. В Петроградской и Казанской губерниях дубонос принадлежит уже к числу редких гнездящихся птиц; в Киевской губернии он весьма обыкновенен; в Крыму гнездится в небольшом количестве в горах и зимует на Южном берегу. На Кавказе дубонос водится круглый год: лето проводит невысоко в горах, где и гнездится; на зиму же спускается в долины. Осенью и зимой, во время перелетов, дубоносы держатся обыкновенно небольшими стайками (штук около десяти в стайке).

Любимым местопребыванием дубоноса весной и летом – до созревания вишен и гороха – служит чернолесье с высокими деревьями, где он обыкновенно и гнездится.

Дубонос – птица чрезвычайно осторожная. При приближении к нему человека (в особенности с ружьем, которое он хорошо знает и которого очень боится) тотчас же искусно скрывается в густой листве дерева и сидит в ней совершенно смирно, так что увидеть его тогда на дереве чрезвычайно трудно.

Песня этой птицы весьма неказиста и состоит из повторения и варьирования на разные лады призывных, протяжных звуков «ци» и «цит» и звучит очень жестко и резко. Такую свою песню самец поет иногда целыми часами, причем сильно вертится своим неуклюжим телом во все стороны.

Любимую пищу дубоноса составляют, как было уже упомянуто выше, зерна вишневых косточек, причем самая мякоть вишни отбрасывается в сторону. Кроме того, он лузит также весьма охотно зеленый горох на огородных грядках. Поздней осенью эта птица охотно лакомится ягодами рябины, то есть собственно не самими ягодами, а заключающимися в них зернышками, мякоть же бросается на землю (точно так же, как это делают снегири и щуры). Кроме того, дубонос нередко ощипывает у деревьев цветочные почки за неимением лакомой пищи. Летом он иногда также охотится за насекомыми; довольно искусно ловит на лету майских жуков, которых затем поедает по частям на ветке дерева, предварительно отщипнув и бросив неудобоваримые лапки и жесткие крылья жука.

Дубонос гнездится большей частью один раз в лето. Довольно большое гнездо его помещается то низко, то высоко на дереве, внешняя поверхность состоит из прутьев, далее следуют тонкие корешки, стебельки и листья трав, также древесный мох и лишай. Внутренние стенки выкладываются самыми тонкими корешками, иногда также щетиной и овечьей шерстью и, немного, конскими волосами. Гнездо имеет полушарообразную форму, хотя снизу и выглядит довольно плоским. Самочка кладет в него три-пять яиц бледно-зеленоватого цвета, с большим или меньшим голубоватым, а иногда и желтоватым, оттенком; толстый конец яйца слегка покрыт серыми пятнышками и жилками. Высиживанию помогает также и самец, который в полуденные часы сменяет на гнезде самку, слетающую в это время покормиться. Птенцы выкармливаются сначала насекомыми, а затем, когда подрастут, – различными мягкими семенами, особенно молодым зеленым горохом, если

таковой можно добывать поблизости. По вылете из гнезда молодые дубоносы еще долго держатся при родителях, которые их охраняют и продолжают кормить, пока у птенцов не окрепнет достаточно клюв.

На огороде и во фруктовом саду дубонос может проявлять иногда весьма нежелательную для человека деятельность. Фруктовые деревья, с которых эта птица ощипывает весной цветочные почки, и в особенности вишневые деревья, с которых небольшая стайка дубоносов в короткое время очищает все ягоды, сильно страдают от этой птицы. Дубонос является тем более нежелательной в садах птицей, что он чрезвычайно прожорлив и имеет привычку возвращаться на одно и то же вишневое дерево или на одну и ту же гряду гороха, пока на первом не останется уже ни одной вишенки, а на последней – ни одного стручка, разве только выведенный из терпения хозяин сада подстрелит его раньше из ружья. И это, к сожалению, единственное верное средство избавиться от посещения непрошеного и столь убыточного гостя, потому что дубонос не боится никаких пугал и даже скоро привыкает к холостым ружейным выстрелам. Вред, причиняемый дубоносом плодоводству, значительно превышает ту пользу, которую приносит эта птица уничтожением известного количества насекомых во время выкармливания птенцов.

В клетке дубоноса держат редко. Хотя он скоро привыкает к неволе и становится вполне ручным, но весьма опасен тем, что, рассердившись, наносит жестокие удары во все стороны своим сильным клювом. Маленьким птичкам, посаженным с ним в одну клетку, нередко причиняет смертельные раны и даже человеку весьма чувствительно может поранить мягкую часть руки (что я однажды испытал и на самом себе).

При надлежащем уходе и соответствующем корме (репейное, льняное, подсолнечное семя, овес и т. п., а также тертая морковь с сухарями) дубонос может прожить в клетке много лет.

Воробей

*Воробышек «чи-чи-чи»,
По камушкам поскачи.*

Детская прибаутка

*Повадился вор-воробей
Летати,
Мою конопельку, мою зеленую,
Клевати.*

Народная песня

По всей России, от Архангельская до Крыма и Кавказа включительно, водятся два вида воробьев: *домашний*^[117] и *полевой*^[118]. Оба этих вида довольно существенно отличаются друг от друга и почти одинаково многочисленны и обыкновенны. Домашний воробей особенно многочислен и обыкновенен в городах, полевой же – в деревнях, селах и пригородах. Я уверен, что многие из моих читателей, прочтя эти строки, подумают: «Вот тебе и раз! Уж какую другую птицу, а воробья-то, казалось, я твердо знал, и вдруг, извольте видеть – полевой и домашний!»

Да-с, многоуважаемый читатель, хоть мне и очень жаль, что я смутил вашу твердую уверенность в знании воробья, но тем не менее – «лучше поздно, чем никогда». Мы так мало всматриваемся в окружающие нас предметы и явления, что ходим как слепые и глухие среди того богатства, разнообразия и красоты, которыми окружил нас Создатель мира. Не подумайте, однако, что я намерен воспевать здесь красоту воробья: нет, это только так, к слову...

Уметь различать обоих наших воробьев следует не потому только, что это интересно и что как-то совестно образованному человеку не уметь различать самых близких к нему птиц, но и потому, что это умение имеет также и некоторое практическое значение. Достаточно будет, например, сказать, что один из наших воробьев, а именно

домашний, большой лакомка до ягодных плодов и семянных всходов, другой же – полевой – почти не трогает ни тех ни других.

Для того чтобы научить отличать домашнего воробья от полевого и наоборот, я не стану вдаваться в тонкости описания пернатой одежды того и другого, укажу лишь на те, самые характерные, приметы, по которым я при самом беглом взгляде тотчас же узнаю, какой воробей находится предо мной: если у моего воробья имеются две белые полосы на крыльях, а также по черному пятну на белых щеках и вокруг шеи белый ошейник, то, значит, это воробей полевой. Будет ли это самчик или самочка – трудно сказать, так как у полевого воробья самец и самка окрашены почти одинаково (у последней только черное пятно на щеке несколько меньшей величины). Затем, полевой воробей немного поменьше ростом и поскладнее домашнего^[119]. Вообще, он представляет собой несколько уменьшенное и более изящное, так сказать, издание домашнего воробья-самца, с которым окрашен очень сходно: у обоих те же цвета в оперении (белый, серый, черный и коричневый), распределенные почти одинаково, и только, как было уже сказано, у полевого имеются черные пятна скобочкой на щеках, у домашнего же их не имеется. Что же касается самочки домашнего воробья, то она, в общем, вся серая, с некоторой пестриной и светлой полоской через глаз (вроде брови). Итак, если вы видите перед собой воробья в общем серого – это будет самочка домашнего воробья; если перед вами пестрый воробей с черными пятнами на белых щеках, белым ошейником и двумя белыми полосками на крыльях, это будет полевой воробей (самчик или самочка), если же пестрый с гладкими щеками, без белого ошейника и с одной белой полоской на крыле, то это – самец домашнего воробья.

При первом же удобном случае присмотритесь и увидите, как просто и нетрудно научиться различать наших воробьев и как вам будет приятно этого достигнуть. Со временем вы найдете и другие, более мелкие, отличительные признаки домашнего и полевого воробьев (как, например, буровато-серую шапочку на голове у первого и красно-бурю у второго, отчего полевого воробья называют также *красноголовым*). Но я не стану более утомлять вас перечислением этих мелких признаков, а перейду к описанию характера и образа жизни этих неразлучных пернатых спутников

человека. При этом речь поведется об обоих воробьях, так как они имеют слишком много общего между собой; местами же, где это будет нужно, будем их различать и делать сравнения.

Сопутствуя всюду человеку и живя с ним, может быть, уже многие тысячелетия, что называется, бок о бок, воробей естественно отразил в своем характере влияние столь близких отношений с умным, но в то же время и весьма коварным «царем природы». Это птица необычайно тонкого ума, в высшей степени наблюдательная и сообразительная. Почти ручная и домашняя – с одной стороны, с другой – строгая и дикая в такой степени, что редко какую птицу так трудно изловить в какие бы то ни было ловушки, как воробья. Недаром и в пословице говорится, что «старого воробья на мякине не проведешь». Если же как-нибудь и удастся его поймать, то очень трудно приучить к клетке и заставить примириться с ней. Впрочем, молодой воробышек, взятый из гнезда в то время, когда у него над ушами торчит еще пушок, приручается очень легко и сильно привязывается к своему хозяину.

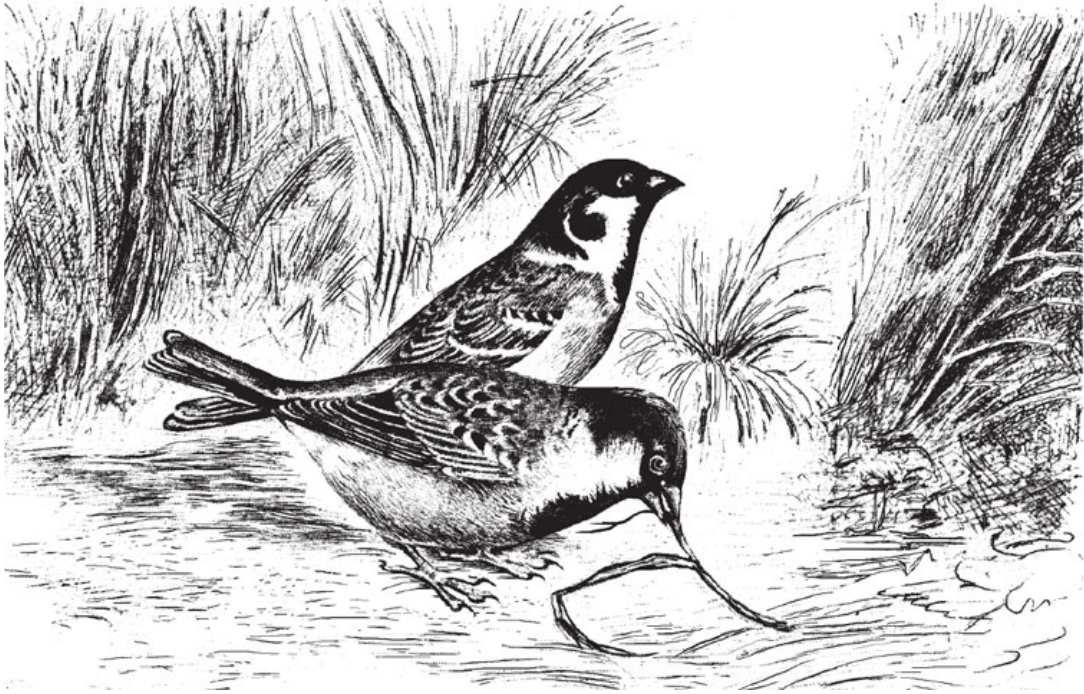
Также весьма характерной чертой воробья является его нахальство, соединенное в то же время с необычайной осторожностью и осмотрительностью. Нужно видеть, например, домашнюю воробыху, когда она скачет по накрытому на балконе обеденному столу с целью набить себе зоб кусочками булки, хлеба, сыра и прочей снедью, чтобы снести все это своим птенчикам: скачет, а сама глаз не сводит с человека, смиренно сидящего на том же балконе и следящего за ней глазами. Какой лукавый, проницательный у нее взгляд! Кажется, в глазах у тебя читает, какие твои намерения...

Весьма характерна также для воробья его чрезвычайная болтливость. Нет другой птицы, которая столько бы шумела, как воробей. Кричать, ссориться, горланить из-за всякой безделицы – без этого воробью никак невозможно. Даже молодые птенцы в гнезде – и те почти целый день пищат в противоположность птенцам других птиц, которые в гнезде обыкновенно держатся весьма молчаливо. Ссоры у воробьев особенно часты и шумны ранней весной, когда начинаются разбивка зимних стай на парочки и оспаривание мест для гнездовья. Господи, что тут только творится! Шум, гам, крик, гонки друг за дружкой, драка, хватание друг друга «за шиворот». Иногда вся ссорящаяся на дереве компания летит

с невероятным гамом на землю, где ссора обыкновенно и оканчивается жестокой взаимной потасовкой, после которой буяны разлетаются в разные стороны с тем, чтобы через некоторое время снова затеять ссору на другом месте.

За исключением самого крайнего севера Европейской и Азиатской России, воробей повсюду является птицей оседлой, то есть круглый год держится на одном и том же месте, предпринимая только ежедневные вылеты в окрестные поля, гумна, огороды, конопляники и т. п., на ночь же всегда возвращается домой, во двор, на котором гнездится.

Полевой воробей большей частью откочевывает весной в речные долины, поля, рощи, где гнездится в дуплистых деревьях или под крышами полевых построек и проводит все лето и осень; с наступлением же зимы прикочевывает с прибылыми молодыми к человеческим жилищам – в селения, деревни, к окраинам городов, где и держится всю зиму, прокармливаясь около человека. В больших городах полевой воробей почти не встречается, за исключением только обширных садов, где его можно иногда встретить рядом с домашним воробьем. В Петрограде полевой воробей иногда попадает на улицах, во время суровых и снежных зим. Итак, сельские и пригородные жители могут часто – в особенности зимой – наблюдать совместно оба вида воробьев, городским же жителям приходится большей частью иметь дело с одним лишь домашним воробьем.

Воробьи: 1 – домашний; 2 – полевой

Насчет воробьиного голоса вряд ли нужно особенно распространяться. Кто не знает этих неугомонных «чив-чив», «чим-чим», «тере-ре-ре» и тому подобных воробьиных звуков. Впрочем, и к этим мало музыкальным звукам ухо прислушивается даже с некоторым удовольствием в ясные февральские дни, когда начинающее уже пригревать солнышко распускает в капли залежавшийся снег на крышах и в то же время будит в маленьких воробьиных головках смутные грезы о будущем празднике весны. В марте же и в апреле – в самый разгар гнездования – от господина воробья можно услышать даже нечто вроде небольшой трельки, звучащей довольно недурно и имеющей некоторое, правда весьма отдаленное, сходство с отрывком трели жаворонка, собственно же пения – настоящего, заправского пения – у воробья не имеется, а есть только торопливое, несуразное «чирканье» да «чимканье». У полевого воробья соответственно его более изящной внешности и голос звучит нежнее – не так жесток и груб, как у домашнего; а призывный его звук – когда, например, полевой воробей, отставший от своей стаи, призывает ее, сидя на вершине высокого дерева, – так этот звук даже совсем почти не имеет воробьиного характера, а скорее похож на призывный крик щегла.

Оба воробья, как полевой, так и домашний, начинают весной очень рано вить гнезда, когда не только еще березка не начинала зеленеть, но и травка-то еще на припечных местах не показывалась (под Петроградом в начале апреля и даже в конце марта). Гнездо домашний воробей устраивает обыкновенно в укрытиях: под крышей, за карнизами окон и домов, под отставшей обшивкой домовых стен и т. п., а также в дуплах деревьев, ласточкиных гнездах, скворечницах и разных других укромных уголках, безопасных от посещения домашней кошки – злейшего врага домашнего воробья. Воробьиное гнездо обыкновенно представляет собой грубую, неискusstную постройку – кучку разного натасканного отовсюду хлама: соломинок, мочалочек, сухих травинок, перышков, тряпочек и т. п. Среди этой кучки обмято и выкруглено небольшое углубление, слегка выстланное перышками и конскими волосами. Изредка случается, что воробей, не найдя подходящего закрытого помещения, устраивает свое гнездо и открыто, например, между стволом и суком какого-нибудь дерева; в исключительных же случаях даже подвешивает его к концам древесных ветвей, и тогда, конечно, гнездо представляет собой уже не кучку хлама, а более или менее искусную постройку, прикрытую сверху и имеющую сбоку летное отверстие.

Полевой воробей также помещает свое гнездо всегда в укрытиях, по преимуществу в древесных дуплах. (В парке Лесного института полевые воробьи охотно гнездятся в домиках, поставленных на деревьях, – для синиц, скворцов, мухоловок и других дуплогнездовиков.)

Самочка воробья несет на каждый вывод по пять-шесть, а иногда и до восьми яиц, среди которых нередко встречаются весьма разнообразной окраски и рисунка, преимущественно же красновато-белые, испещренные бурыми и пепельно-серыми пятнышками, крапинками и точечками. Яйца полевого воробья имеют несколько меньшую величину, чем домашнего. При благоприятной погоде к середине апреля (а на юге в конце марта) на воробьином гнезде можно найти уже полную кладку. Высиживанием занимаются попеременно как самочка, так и самчик, и через 13–14 дней уже вылупляются молодые воробышки.

Выкармливание птенцов производится почти исключительно насекомыми – преимущественно гусеницами бабочек и личинками

мух и жуков. Той же самой пищей кормятся в это время и взрослые.

Когда молодые воробьи вылетают из гнезда, взрослые в течение 8-10 дней держатся при них, продолжая их прилежно выкармливать, а затем приступают ко второму выводу. За вторым выводом почти обыкновенно следует еще и третий, иногда же, на юге, даже и четвертый. Таким образом, пара воробьев производит в течение лета весьма многочисленное потомство.

Молоденькие воробышки-подлетки являются чрезвычайно милыми и симпатичными созданиями; можно подолгу любоваться на них в саду или на дворе, особенно когда их кормят родители. Вот скачет большими прыжками по усыпанной песком садовой дорожке старая воробиха с озабоченным видом, стройно вытянувшись и высоко неся свою голову. Вокруг нее – справа, слева и сзади – то прыжочками, то припархивая, поспешает с беспрестанным «чивканьем» ее пухлая желторотая детвора. Едва успела почтенная мамаша ловким движением поймать пролетавшего мимо мотылька, как уже она атакована своими неотступными детками, которые с распушенными трясущимися крылышками и широко раскрытыми желтыми ротиками с криком осаждают ее со всех сторон, пока злосчастный мотылек не исчезнет безвозвратно в горлышке какого-нибудь счастливца.

Где много гнездится воробьев, там обыкновенно молодые из разных гнезд соединяются в общие стайки. Рассядется такая стайка по кустам, вдоль садовой дорожки под присмотром какого-нибудь старого воробья и чирикает себе беззаботно и весело. Остальные же взрослые воробьи промышляют для своей детворы корм. То и дело подлетает то один, то другой из них, неся в клюве что-нибудь съестное для своих деток. Старый же воробей-гувернер находится безотлучно на своем дежурстве и, сидя на какой-нибудь выдающейся ветке, внимательным глазом следит по сторонам, чтобы вовремя предупредить вверенных его охране воробьят об угрожающей опасности. Завидев, например, приближающегося ястреба, он тотчас издает тревожное «чрррр...», и все воробьята, беззаботно чирикавшие на ветках и прыгавшие по дорожкам, стремглав бросаются в чащу кустов, где и остаются, пока не минует опасность.

К началу осени, когда уже закончатся все хлопоты по выводу детей, воробьи сбиваются в общие, иногда весьма большие, стаи,

в которых и держатся всю зиму, вблизи человеческих жилищ, до наступления весны.

В заключение нам остается еще рассмотреть весьма существенный и практически важный вопрос: вредная птица воробей или полезная?

Если бы мне пришлось на этот вопрос дать ответ, что воробей птица вредная, то больше и нечего было бы особенно распространяться, так как большинство читателей, вероятно, легко согласилось бы с таким приговором и не потребовало бы от меня особых доказательств. Сказано – «вор-воробей». Все и всегда его так называют и называли; даже в песнях, пословицах и поговорках его величают вором, значит, верно, что вор, а уж какой пользы ожидать от заведомого вора. Но так как я хочу утверждать как раз противоположное, а именно, что воробьи, как домашние, так и полевые, хотя в известном смысле и воры, тем не менее птицы полезные, то я не могу здесь ограничиться парой слов, а должен несколько распространиться.

Никто не разобрал так ясно и определенно вопроса о вредности или полезности воробья, как это сделал покойный М. Н. Богданов в своей превосходной книжке «Мирские захребетники», а так как мне пришлось бы почти буквально повторить те же доводы, которые привел в пользу воробья вполне авторитетный автор упомянутой книги, то я считаю наиболее целесообразным привести здесь в выдержках его собственные слова.

«Как хотите, но я с этим не согласен (то есть что воробей – вор и туеядец). Воробей честный работник; он исправно трудится на своего хозяина; он приносит ему много пользы, и за это-то его гонят везде, бранят вором и не любят. Виноват ли он, что его труды не хотят ценить и что его вынуждают воровать? Да он и не ворует, а берет только свое».

Рассказав далее, что воробей делает за лето три вывода птенцов и выкармливает их насекомыми, которыми и сам в это время питается, М. Н. Богданов говорит, что «с апреля по конец июля или даже до начала августа воробьи волей-неволей питаются не зернами, а гусеницами, личинками насекомых, жучками, бабочками, мушками, улитками. Сколько они съедят их сами, сколько перетаскают своим воробьятам, не мог перечесть того и аккуратный немец. Судите же, как велико количество съедаемых воробьем насекомых».

...Чтоб оценить пользу, которую в течение весны и лета принесет нам воробей, нам надо посмотреть на наши огороды, сады, луга, цветники и узнать, что там делается... Он (воробей) каждый день внимательно осматривает грядки и с утра до вечера истребляет всех тех воров, которые едят овощи. Я знаю, вы тотчас вспомните обиды, причиненные вам воробьем. Вы скажете, что ваш огородник жаловался вам на воробьев. „Что ни посеешь, – говорил старик, – все испортит. Как только выйдет росточек из земли, налетят, объедят, повыдергают и сажай снова». Это правда, молодым росткам сильно достается от воробья (и их надо прилежно оберегать от этого лакомки, прибавлю от себя), но, когда растение укоренится, распустит листья, тут воробей уж не тронет его.

...Приходит садовник: „Надо, – говорит, – сетки надеть на вишни; воробьи одолели, все ягоды испортят“. Ну, а это что такое? Спросите-ка его: вот вишенка, не испорченная воробьем. Отчего на ней пятнышко? Откуда взялась гусеница внутри вишневой косточки? В том-то и дело. Воробей тут не вор, а охранитель вашего добра. Он поедает молодые росточки главным образом потому, что находит на них насекомых, а если он соблазнится вкусной ягодкой вишни, то и мы с вами не утерпели бы, чтобы не съесть ее. Зато он на том же вишневом дереве переловит не одну сотню жучков и бабочек, мух, ос и других насекомых, которые прокалывают вишневые ягоды, чтобы положить туда яички. Из каждого такого яичка выйдет гусеница; она проточит вишневую косточку и начнет есть горькое зернышко, лежащее в ней. Ягодка захиреет, не вырастет как следует и не будет вкусна. Достаточно одной-двух бабочек или других насекомых, чтобы испортить ягоды на всем дереве. Вот полюбуйтесь: садовник покрыл вишневое дерево сеткой. Не достать теперь воробью сладких вишен. Но разве сетка защитит от бабочек, мух и жучков? Нет. И береженные вишни вышли хуже небереженных: столько между ними кривобоких, маленьких, невкусных, что хоть и не собирать их... Видите ли, как бы вы ни старались обвинять воробья в воровстве, учиненном им в течение весны и лета, а все-таки выйдет, что воровство это вам же полезно. И окажется на поверку, что, не будь воробья, не пришлось бы вам есть многих вкусных овощей и фруктов.

...Началась осень, воробей полетел на конопляники, и тогда он становится неузнаваем. Он вошел во вкус грабежа. Нет конопли –

он летит на поля, где сложен хлеб, летит на гумно, на молотильные тока, порхает по дорогам, где возят снопы. Хлебное зерно стало его исключительной пищей. В течение всей осени воробей – сущий вор; но ведь он служил нам всю весну и лето верой и правдой; не жалейте же нескольких горстей зерен, которые вы все равно потеряли бы при сборке хлеба: по полям, при перевозке снопов по дорогам, при сушке в овинах, при молотье, при пересыпке зерен из мешка в мешок. Воробей и тут берет только то, что уже брошено, чего вы не можете поднять, что съедят другие птицы и звери... Воробей не только не вор, но птичка полезная и умная, которую *всякий благоразумный человек должен оберегать*».

Вот что говорит наш известный знаток и тонкий наблюдатель птичьего мира, и я на основании собственных многолетних наблюдений за жизнью воробьев всецело к нему присоединяюсь. Главное, необходимо твердо помнить, что полезная насекомоядная деятельность воробья проходит обыкновенно мало замеченной. Ее знают и замечают только те, кто привык постоянно следить за птицами – их жизнью и времяпрепровождением. Когда же воробей клюет вишню или треплет колос на снопе, это легко бросается в глаза, это видят все и начинают кричать: «Вор, вор, вишню объедает, хлеб таскает! Бейте его, стреляйте!..»

Наконец, относительно полевого воробья следует также помнить, что он, как уже было упомянуто выше, не трогает ни плодов, ни ростков, а потому должен быть всегда желанным гостем во фруктовых садах и на огородах. Если он занимает иногда домики, расставленные по деревьям для скворцов и других дуплогнездовиков, то его не следует оттуда выгонять.

Итак, в конце концов, оба наших воробья – а в особенности полевой – приносят больше пользы, чем вреда, и потому их должно охранять, а не преследовать.

Клест, снегирь, щур, чечевица, зяблик, вьюрок, щегол, чиж, чечетка, коноплянка, зеленушка, дубонос и полевой и домашний воробьи – все эти птицы родственны друг другу и относятся к группе *вьюрковых* птиц – одной из обширнейших групп пернатого царства, имеющей еще много других представителей среди птиц жарких стран (тропических и экваториальных).

Внимательный читатель, конечно, заметил общие, сходные черты в характере и образе жизни вышепоименованных птиц. Все без исключения вьюрковые птицы принадлежат к числу *зерноядных*, то есть питающихся главным образом зернами и семенами различных растений; к такой пище приспособлен и их клюв – большей частью толстый, крепкий и более или менее конический.

Группа вьюрковых птиц принадлежит к числу наиболее важных и интересных для нас групп пернатого царства. Большинство представителей этой группы стоит довольно близко к человеку, не чуждается его, гнездится поблизости его жилищ, населяет его сады и рощи и, будучи в большей или меньшей степени одарено способностью пения, весьма приятно оживляет окружающую человека природу – оживляет не только летом, но даже и зимой, так как многие птицы из этой группы живут у нас круглый год. Наконец, вьюрковые птицы играют также весьма немаловажную роль в хозяйстве человека: они оказывают ему большие услуги уничтожением громадных количеств семян сорных растений, а также и немалого количества насекомых, которыми большинство этих птиц выкармливает своих птенцов и в числе которых (то есть насекомых) находится немалое количество врагов наших полей, лесов, садов и огородов.

Большинство птиц вьюрковой группы принадлежит к числу любимых комнатных птиц. Они легко становятся ручными и при хорошем уходе подолгу живут в клетках.

Всем известная *канарейка* – родом с Канарских островов – также принадлежит к числу вьюрковых птиц.

Овсянка^[120]

(рис. VII)

*Над землею воздух дышит,
День от дня теплее;
Стали утром зорьки ярче,
На небе светлее,
Всходит солнце над землею
С каждым днем все выше,
И весь день, кружась, воркуют
Голуби на крыше.*

И. Суриков

Кто знаком с *желтоголовой овсянкой* (а незнакомы с ней разве только постоянные жители больших городов), тот, почти наверное можно сказать, познакомился с ней еще в детстве и в то именно время года, когда

Над землею воздух дышит,
День от дня теплее

и когда на дворе каждый день образуются от быстро тающего снега все новые и новые лужи, из которых так весело спускать воду и подгонять ее метлой в ближайшую канаву, когда из навозной кучи, набросанной около конюшни, пар «валом валит», а воробьи, обсыпавшие, словно мухи, раскидистый куст бузины, оглушительно чирикают на всякие лады от восторга, что наконец-то кончается несносная зима с ее голодовками и раскрывается долгожданная «скатерть самобранная»...

Вот в такие-то дни любознательный и наблюдательный глаз ребенка часто и с любовью останавливается на желтоголовых и желтогрудых птичках немного покрупнее воробья^[121], которые то копошатся вместе с воробьями на навозной куче, то, прыгая короткими прыжками и держа почти горизонтально свое тело, подбирают овесинки, оброненные во дворе кучером, то, рассевшись

по верхушкам берез и сиреневых кустов прилегающего ко двору сада, напевают оттуда серебристым голоском свою коротенькую песенку: «Зинь-зинь-зинь-зинь-зинь-ссии». Эта беспрестанно повторяемая и звучащая иногда, словно крошечный колокольчик, немудреная песенка с ее несколько грустным оттенком, глубоко западает в душу ребенка, потому что это первая весенняя птичья песенка^[122], ласкающая его слух после продолжительного зимнего затишья и скучного сидения в душных комнатах. Эта песенка как бы говорит ему, что теперь кончилось это скучное сидение и наступает другая, лучшая пора – целый заманчивый ряд чудных дней и недель, когда распустятся на деревьях почки, зацветет сад, зазеленеет поле, зашумит лес, когда отовсюду зазвучат светлые песни тысячи пернатых певцов и наполнят восторгом его маленькое детское сердечко...

Когда ребенок вырастет, станет взрослым человеком и когда

Забот немолчных скучная тревога

окрасит в розовый цвет и сделает столь дорогими сердцу воспоминания далекого золотого детства, тогда с каким неизъяснимо приятным чувством прислушивается он в тихое мартовское утро к монотонной, не совсем еще налаженной песенке желтоголовой овсяночки... Звуки этой песенки бессознательно запали в его душу еще в далекие времена детства. Теперь они поднимаются из глубоких тайников душевных и извлекают с собой таившиеся там дорогие и милые-милые воспоминания...

На свете все относительно. Один считает себя богачом, в то время когда другой, обладая таким же «богатством», считал бы себя совсем бедным человеком. Один, создав в своей голове совершенно недостижимый идеал счастья, жалуется на свою судьбу при тех же самых обстоятельствах, при которых другой, более скромный в своих требованиях, почитает себя вполне счастливым человеком... Так же и с нашей овсяночкой: появляйся она со своей скромной песенкой в апреле или мае, песенка эта легко затерялась бы среди богатых и разнообразных песен более одаренных певцов, населяющих тогда наши сады и рощи; но, запевая в марте, а иногда даже и в конце февраля, эта птичка тем самым становится нам дорога. По крайней

мере, меня первая песня овсянки в феврале радует не менее, чем первая песня соловья в мае...

Лишь только сойдет снег, овсянки разбиваются на парочки и собираются к местам своих гнездовых. Любимыми местами, где гнездятся летом эти птицы, служат лесные опушки, небольшие перелески, пригородные сады и парки, словом, такие места, где есть деревья и кустарники попеременно с полями и открытыми местами. Глухого, сплошного леса овсянка не любит.

Гнездышко овсянки, довольно грубо свитое из сухих стебельков и листиков разных трав и выложенное внутри конскими волосами, помещается большей частью непосредственно на земле, среди травы. Самочка кладет в него четыре-пять яичек, испещренных по беловатому, зеленоватому или красноватому фону темными пятнышками и жилками. Высиживанию, продолжающемуся 13 дней, помогает также и самчик, сменяющий самочку на то время, когда она слетает кормиться. В остальное время самчик усердно распевает свою однообразную песенку, повторяя ее с небольшими промежутками несчетное число раз кряду. Во время пения он всегда сидит неподвижно на самой маковке дерева или куста, находящегося поблизости от гнезда. В это время овсянка подпускает к себе человека очень близко и беспрепятственно позволяет себя наблюдать на расстоянии нескольких шагов. Здесь кстати будет заметить, что между овсянками, как и между прочими певчими птицами, встречаются хорошие и плохие певцы. Иногда встречаются овсянки, песня которых, как было уже упомянуто выше, звучит почти как колокольчик. Такая песня чрезвычайно мила и много привносит прелести в лесной пернатый хор в тихий весенний вечер, напоенный ароматом распускающихся березовых почек.

Птенцов своих овсянки выкармливают исключительно одними насекомыми, каковыми и сами преимущественно питаются в это время. Спустя недели три молодые овсяночки могут уже летать и становятся вполне самостоятельными, взрослые же вскоре принимаются за второй вывод, за которым в благоприятные годы нередко следует еще и третий (на юге).

По окончании вывода детей, к концу лета, овсянки, взрослые и молодые, соединяются в стаи, которые по мере приближения зимы

становятся все более и более многочисленными. Осенью эти стаи кочуют по пашням, полям и огородам, кормясь различными мучнистыми семенами и зёрнами, из которых особенно предпочитают овес, откуда и произошло, вероятно, название этой птицы. С наступлением зимы, когда поля и огороды покроются снегом, стаи овсянок приближаются к человеческим жилищам и с трудом отыскивают себе здесь пропитание – по дворам, около конюшен и навозных куч, нередко в обществе с воробьями, воронами и другими «мирскими захребетниками». Зимой стаи овсянок охотно держатся также по большим, обсаженным деревьями, дорогам, где кормятся, выбирая непереваренные зёрна овса из конского навоза. Из северных краёв стаи овсянок передвигаются во время зимы к югу – чем суровее зима, тем дальше, но с первым же дыханием весны спешат обратно на свою родину.

Красивую лимонно-желтую окраску головки и грудки имеет только самчик овсянки и то не круглый год, а лишь с конца зимы и до конца лета, то есть до того времени, когда происходит у этой птички линяние – так сказать, переодевание в более скромную осеннюю одежду. Осенью и зимой овсянка выглядит, в общем, буровато-серой птичкой, с приближением же весны серые и темные края перышков постепенно стираются, изнашиваются, из-под них мало-помалу начинает выступать наружу более ярко окрашенная середина перышков: у самчика – на головке, грудке и вообще на всей нижней стороне – все более и более выступает лимонно-желтый цвет, на спине же – красновато-бурые и черные полосы. У самочки к этому времени также выступает немного желтой окраски на головке и горлышке; общая же ее одежда гораздо скромнее – в ней преобладает буровато-серый цвет.

У нас, в России, овсянка водится повсюду: от Лапландии до Кавказа и Крыма включительно. На Кавказе она многочисленнее по эту сторону гор, чем в Закавказье, где встречается довольно редко. В Крыму встречается преимущественно зимой.

Несмотря на свою большую общительность, овсянка – птица далеко не миролюбивая: в стае овсянок происходят постоянные ссоры и драки, в особенности под весну, когда эти желтогрудые птички уже выходят из-под гнета суровой зимы и жизни впроголодь.

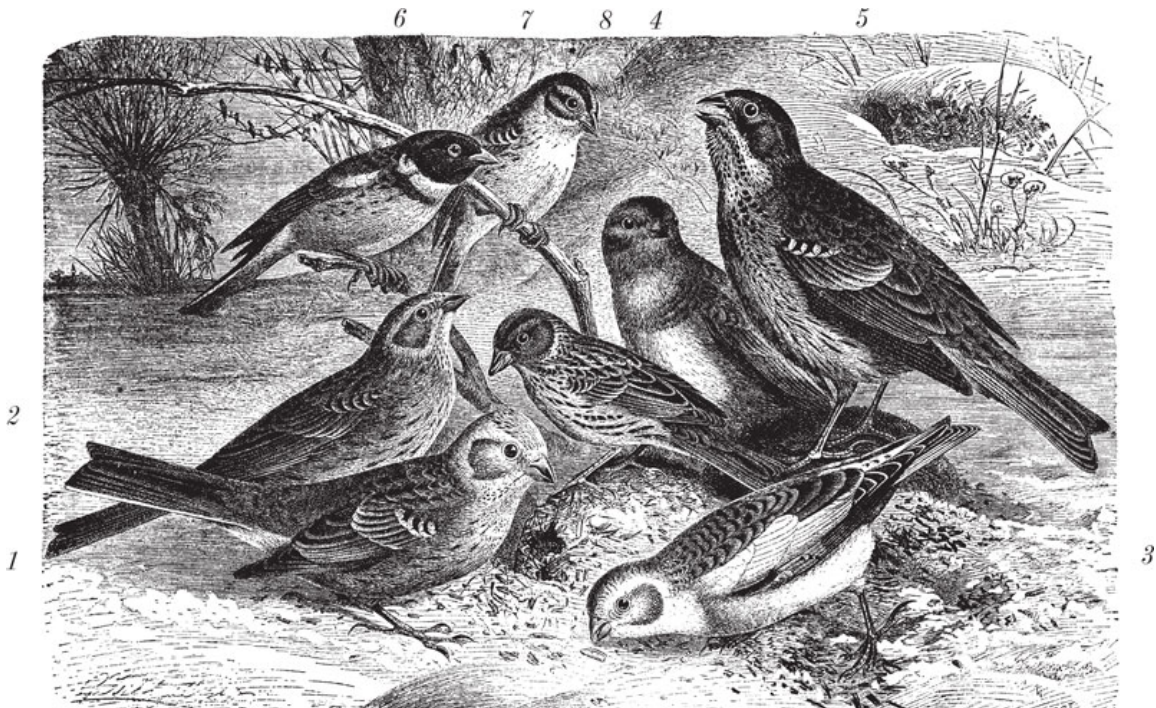
В клетке овсянку хотя и держат, но довольно редко, вероятно, потому, что она долго не может привыкнуть к неволе и дичится, что весьма неприятно. Кормить ее следует канареечным, овсяным и маковым (немного) семенем и муравьиными яйцами с добавлением тертой моркови и толченого сухого белого хлеба.

Относительно полезности или вредности овсянки трудно сказать что-нибудь определенное. В этом отношении ее можно считать почти безразличной, то есть ни особенно полезной, ни вредной. Хотя, конечно, следует зачесть ей как немалую заслугу то, что она оживляет зимой нашу скудную природу и радуется своей ранней весенней песенкой.

Наша желтоголовая овсяночка является представительницей довольно многочисленного семейства *подорожников*^[123]. Так как остальные наши подорожники весьма сходны характером и образом жизни с только что описанной овсянкой, то я и ограничусь здесь лишь краткой характеристикой некоторых из них, тем более что эти птицы встречаются далеко не везде.

Снежный подорожник^[124]

Родина этой птицы – северные тундры, откуда она на зиму спускается большими стаями на юг, причем в особенно суровые и снежные зимы добирается даже до крымских степей и северных склонов Кавказа. Поздней осенью многочисленные стаи этих птичек часто можно встретить на полях, преимущественно по пожням и озимям. (Под Петроградом в конце зимы их нередко можно встретить на дороге между Ораниенбаумом и Кронштадтом.) Это та беленькая с черной спинкой птичка, которую петроградские птичники продают под названием *морского голубка*, или просто *подорожника*; нередко ее помещают в клетку с колесом, в котором эта птичка иногда подолгу бегаёт. Летом старый самец окрашен в снежно-белый цвет, кроме только черной спинки.

Подорожники: 1 – овсянка-самец; 2 – овсянка-самка; 3 – снежный подорожник-самец; 4 – снежный подорожник-самка; 5 – просянка; 6 – луговой подорожник-самец; 7 – луговой подорожник-самка; 8 – подорожник карлик

Лапландский подорожник^[125]

Также обитатель наших необозримых северных тундр, откуда к зиме улетает в более южные широты. Встречается гораздо реже снежного подорожника. Оперение в общем пестрое, красновато-бурое; у взрослого самца (летом) голова, горло и зоб совершенно черные, брюшко белое.

И снежный, и лапландский отличаются от остальных подорожников очень длинным и острым ногтем заднего пальца – шпорой.

Садовый подорожник, или ортолан^[126]

Пестрая, красновато-бурая, с желтым горлышком, птичка, водящаяся в Средней и Южной России, с Крымом включительно.

На Кавказе она весьма обыкновенна на равнинах и в долинах рек. На зиму улетает в Африку.

Песня ортолана по характеру очень схожа с песней овсянки, но покороче (вроде «тси-тси-тси-тьюр»). Ортолан легко откармливается искусственно в короткое время и становится тогда очень жирным и вкусным. Еще в древние времена у римлян существовали особенные птичники для откармливания ортоланов; да и в настоящее время гастрономы (в особенности в Италии и южной Франции, где этих птиц водится очень много) нередко лакомятся жареными и маринованными ортоланами.

Просьянка^[127]

Один из самых крупных подорожников (величиной с *полевого жаворонка*). Эта серая птичка, вся испещренная черно-бурыми черточками и пятнышками, также принадлежит преимущественно югу России, где местами весьма обыкновенна. Держится преимущественно по полям и лугам, на которых находятся отдельные группы деревьев и кустов. Очень любит садиться на телеграфную проволоку, с которой и распевает свою коротенькую неказистую песенку.

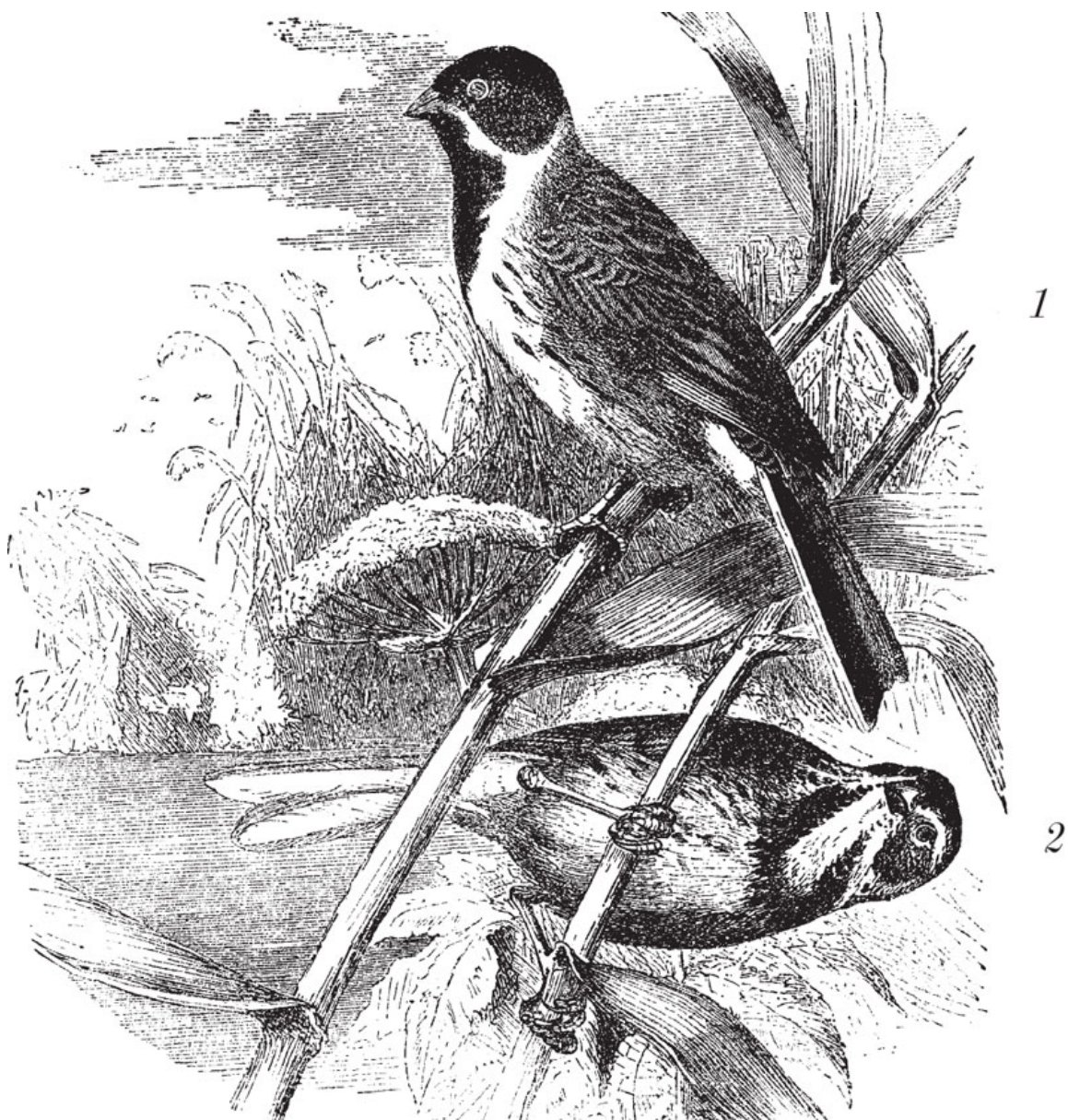
Луговой подорожник^[128]

Очень красивая птичка с черными щеками, ярко-желтым низом, каштаново-красным верхом и широкой белой полоской на крыльях (самец). Водится исключительно в средней России по лугам речных долин. На зиму отлетает в южные края. Лучший певец из всех подорожников и нередко встречается в клетках у любителей комнатных птиц.

Тростниковый подорожник^[129]

Распространен по всей России – от Лапландии до Крыма и Кавказа. Любимыми местами его пребывания являются низменности, где есть вода и высокие водяные растения – тростник, камыш, а также ивовые и другие прибрежные кусты. Самец в весенней и летней одежде легко бросается в глаза своей черной

головкой, окаймленной белым ошейником, и черным горлышком; грудка и брюшко белые с черными продольными черточками по бокам; верхняя сторона пестро-бурая. Издали эта птичка на первый взгляд имеет некоторое сходство с полевым воробьем, откуда, конечно, и произошло название *болотный воробей*. На зиму отлетает в теплые края. В окрестностях Петрограда чаще всего попадает на глаза ранней весной во время пролета (в начале апреля).

Тростниковый подорожник (болотный воробей): 1 – самец; 2 – самка

Лесной подорожник^[130], подорожник-карлик^[131]

Обе эти птички очень сходны между собой по окраске: полосатая головка (у лесного белые и черные полосы, у карлика – бурые и черные), белое брюшко с темными крапинами по бокам и пестро-бурая спинка. Как тот, так и другой подорожник гнездятся на Крайнем Севере и северо-востоке России (от Лапландии до Камчатки), отлетая на зиму на юг. Лесной подорожник встречается ежегодно в небольшом числе на весеннем пролете в окрестностях Петрограда. Летним местопребыванием этих двух подорожников служат леса и преимущественно ивовые заросли по берегам и островам больших северных рек.

Черноголовый подорожник^[132]

Этот очень красивый подорожник – снизу желтый, сверху буровато-красный и с черной шапочкой на голове – водится у нас преимущественно на крайнем юго-востоке. На Кавказе очень обыкновенен повсюду, в мелколесье и кустарниках степей, полей и речных долин.

Горный подорожник^[133]

Красновато-бурая птичка с голубовато-серым горлышком и зобом и полосатой (белое с черным) головкой. Водится в горах Кавказа и южного берега Крыма, в области горных лугов, придерживаясь лесных опушек и кустарников. Название *дурачка* получил за то, что очень неосторожен и легко попадает в сети и другие ловушки.

Подорожники находятся в близком родстве с вьюрковыми птицами, от которых отличаются главным образом своим клювом, а именно: их клюв – толстый, короткий и конический, как и у вьюрков, – имеет те особенности, что верхняя его половина уже и тоньше нижней и края обеих половинок дугообразно изогнуты, а на нёбе находится небольшая костяная шишечка, помогающая птице раздроблять зерна. Кроме того, все подорожники имеют довольно

длинный хвост. По этим признакам нетрудно узнать птицу из рода подорожников.

Полевой жаворонок[\[134\]](#)

*На солнце темный лес зардел,
В долине пар белеет тонкий,
И песню раннюю запел
В лазури жаворонок звонкий.
Он голосисто с вышины
Поет на солнышке сверкая:
«Весна идет к нам молодая!
Я здесь пою приход весны.
Здесь так легко мне, так радушно,
Так беспредельно, так воздушно,
Весь Божий мир здесь вижу я,
И славит Бога песнь моя!»*

В. Жуковский

Как переводит поэт на понятную для нас речь серебристо-переливчатую песню воздушного певца полей.

Я здесь пою приход весны...

Как это прекрасно и верно сказано! Действительно, это она – «могущественная волшебница» – вложила в крошечную душу пернатого певца светлые звуки очаровательной песни и выслала его вперед – возвестить о своем приближении... Всем эта песня радостна; всем мила песня жаворонка, все любят этого пернатого вестника – любят, нередко даже не зная его, а лишь понаслышке... А между тем с ним так нетрудно познакомиться.

Стоит только выйти в весеннее утро или в тихий весенний вечер на поле и немножко прислушаться: со всех сторон станут цолетать до слуха переливчатые песни воздушных певцов – жаворонков. Одни кончают, другие начинают. Иногда кажется, словно весь воздух поет – так наполняют его своими песнями десятки одновременно поющих жаворонков. Всмотритесь попристальнее в вышину, по направлению к ближайшей песне, и вы, наверное, вскоре откроете как бы висящую в воздухе и слегка колеблющуюся темную точку. Имейте немного терпения и последите за этой точкой: через несколько минут она

начнет медленно опускаться. Песня слышится все явственнее и громче – единственная в своем роде песня: светлая, серебристая, непрерывно переливающаяся на всевозможные лады, исполняемая без остановки, в течение многих и многих минут кряду. Видимо, певец сам безгранично наслаждается своей песней и словно не может с ней расстаться...

Но, наконец, нужно же маленькому существу перевести дух и дать некоторый отдых крылышкам; и вот песня сразу обрывается, крылышки складываются, и птичка словно камень падает слегка в косом направлении на землю. В последний момент падения крылышки снова раскрываются, делают несколько взмахов, и, пропорхнув некоторое расстояние над самой поверхностью земли, жаворонок садится на землю, нередко всего в нескольких шагах от вас или от того места, с которого он незадолго перед тем поднялся с песней в воздух. Таким образом, и рассмотреть вблизи жаворонка также нетрудно. Это небольшая, но и не очень маленькая^[135] птичка с весьма скромной окраской. В общем, с некоторого расстояния, она представляется буровато-серой, с небольшой пестриной; при рассмотрении же ее вблизи она является при общем желтовато-сером тоне сверху окрашенной в бледный красновато-бурый цвет, снизу же – в беловатый, с темными пятнышками и черточками. На лапках у жаворонка на заднем пальце ноготь вытянут в длинный острый почти прямой шкворень, а не изогнут крючком, как у большинства птиц. На передних пальцах ногти очень короткие и слабо изогнутые. Благодаря такому устройству ногтей жаворонку очень удобно бегать по земле, но зато неудобно садиться на деревья, так как трудно держаться на ветке. Вот почему вы никогда не увидите жаворонка на дереве. Изредка его можно увидеть сидящим на полевом заборе, а также на плоском зонтике какого-нибудь крупного зонтичного растения. Обыкновенно же он сидит на земле или, еще охотнее, на кочке, с которой нередко распевает свои утренние и вечерние песни.

От самого Крайнего Севера до Крыма и Кавказа, везде, где только есть равнины с обработанными полями, водится полевой жаворонок.

Едва природа начнет пробуждаться из своего зимнего оцепенения, едва зачернеют на полях первые проталины – начинается и прилет жаворонков, проводивших зиму в более гостеприимных южных

странах. С песнями возвращаются птички на свою родину и спускаются на проталины, где находят для себя корм – зерна и семена разных прошлогодних трав.

Весело встречать весной первых жаворонков. Выйдешь утром на поле, остановишься и превратишься весь в слух – не донесется ли откуда-нибудь трель долгожданного дорогого гостя... Вдали, над многолюдным городом, стоит гул от тысяч экипажных колес. Время от времени слышатся далекие свистки железной дороги... На ближнем огороде галдит немилосердно стая воробьев... «Крук, крук», – медленно протянула над лесом пара воронов, слегка свистя крыльями. На вершине молодой березки при дороге потихоньку налаживает свою короткую песенку желтоголовая овсяночка... На несколько секунд водворяется тишина, и только ветерок шумит в ушах. Поворачиваешься к нему боком – так меньше шумит... Чу! Никак там, вдали... с того края поля донесся отрывок трели... Так сердце и екнуло! Устремляешь в ту сторону весь свой слух... «Гал-ка, гал-ка, карр, карр...», – целая стая воронья с шумом проносится над головой... Слава богу, пролетела... и в наступившей снова тишине теперь уже ясно слышится приближающаяся песня: «тирлирлирлирлирлююю-тирлир-лирлирлюююю», – разливается по влажному весеннему воздуху широкая песня, и в то же самое время вдруг над самой головой зазвучала другая такая же песня – громкая, свежая, серебряная... И рука невольно поднимается к шляпе, глаза любовно следят за плавно пролетающим вверху певцом, а губы сами собой нашептывают приветствие: «Здравствуй, милая, хорошая, долгожданная птичка!»

Жаворонки: 1 – полевой; 2 – хохлатый; 3 – лесной (юла)

И как вдруг все переменялось вокруг! Словно стали это и не те поля, и не те деревья, и не тот воздух: словно все это было несколько минут тому назад мертво, безжизненно, а теперь вдруг ожило, одухотворилось... Был будень, и вдруг стал праздник. На душе просветлело, на сердце повеселело, и бодро спешишь домой – легко несут ноги – спешишь поделиться с близкими радостной вестью: «Жаворонки прилетели!»

Да, много чудесных минут дарит природа тому, кто подходит к ней с открытым сердцем и раскрытыми глазами и ушами... А как мало еще между нами (людьми образованными) способных воспринимать эти дорогие дары...

Прилетают к нам жаворонки, как уже было сказано, самой ранней весной, когда на полях начинают появляться проталинки.

В средней России это обыкновенно бывает около весеннего равноденствия (9 марта – день памяти Сорока Мучеников, или, но народному, Сороки). С давних времен на Руси существует обычай печения к этому дню жаворонков из теста. «Деревенская детвора с нетерпением ждет прихода Сороков... Помнятся ребятам сдобные да еще обмазанные медом (или патокой) жаворонки.

Ты запой, запой, жаворончек,
Ты запой свою песню звонкую!
Ты пропой-ка, пропой, пташка малая,
Пташка ль малая, голосистая,
Про тоё ли про теплую сторонушку,
Что про те ли про земли про заморские,
Заморские земли чужедальние,
Где заря со зоренькой сходится,
Где красно солнышко не закатается,
Где тепла вовек не отбавится!..
Ты запой-ка, запой, жаворончек,
Жаворончек ты весенний гость,
Про житье-бытье про нездешнее!..

Так величают пташку, несущую с собой тепло, красные девушки словами старинной песни, которую еще и сейчас можно услышать в средневожских губерниях...»^[136].

Прилет жаворонков длится 1–2 недели, смотря по весне: в холодную погоду – долее, в теплую же заканчивается скорее. Летят они преимущественно по утрам, часов до 11–12 дня, и в это время повсюду можно услышать песни прилетающих жаворонков – даже над лесом и над городом, где в прочее время года никогда не услышишь эту птицу.

Вскоре по прилете, соединившись в парочки, жаворонки приступают к гнездовым делам. Гнездо устраивается обыкновенно на земле (в бороздах, между кочками, в траве) из соломинок, тонких корешков, сухой травы и выстилается внутри конскими волосами. В гнездо кладется четыре-пять грязновато-белых, испещренных серовато-коричневыми пятнышками и точечками, яичек, которые

высиживаются в течение 14 дней. Вышедшие по истечении этого срока птенчики выкармливаются насекомыми; они скоро подрастают и оставляют гнездо раньше, чем выучатся летать, – как только окрепнут на ногах. Когда птенцы первого вывода научатся сами доставать себе корм, тогда родители оставляют их и принимаются за второй вывод, за которым иногда (на юге) следует еще и третий. Во все время вывода птенцов жаворонок-самец прилежно поет, причем весной и в начале лета песни его раздаются почти все сутки, от зари и до зари, впоследствии же он поет преимущественно по утрам и вечерам. С Петрова дня пение жаворонок начинает заметно ослабевать, а в середине июля и вовсе прекращается. Впрочем, в тихие, ясные и теплые дни первых чисел сентября – в так называемое «бабье лето», когда наступает пора отлета на юг, нередко снова можно услышать поющего над полем жаворонка. Но эти осенние прощальные песни уже далеко не то, что весенние!

Отлет жаворонок идет весьма медленно. Он длится обыкновенно почти весь сентябрь и значительную часть октября. Эти птицы не забираются слишком далеко на юг: конечными пунктами зимнего странствования наших жаворонок служат южные окраины Европы. За море они не улетают.

Жаворонок преимущественно птица зерноядная, на что уже указывает его крепкий короткий клюв. Весной, осенью и зимой эта птичка кормится различными мучнистыми семенами, преимущественно от разных сорных трав (масляничные семена, как, например, конопляное и льняное, берет неохотно); летом же пищу его составляют различные насекомые (преимущественно гусеницы и личинки), так как семян в это время года не достать: прошлогодние закончились, а свежие еще не созрели.

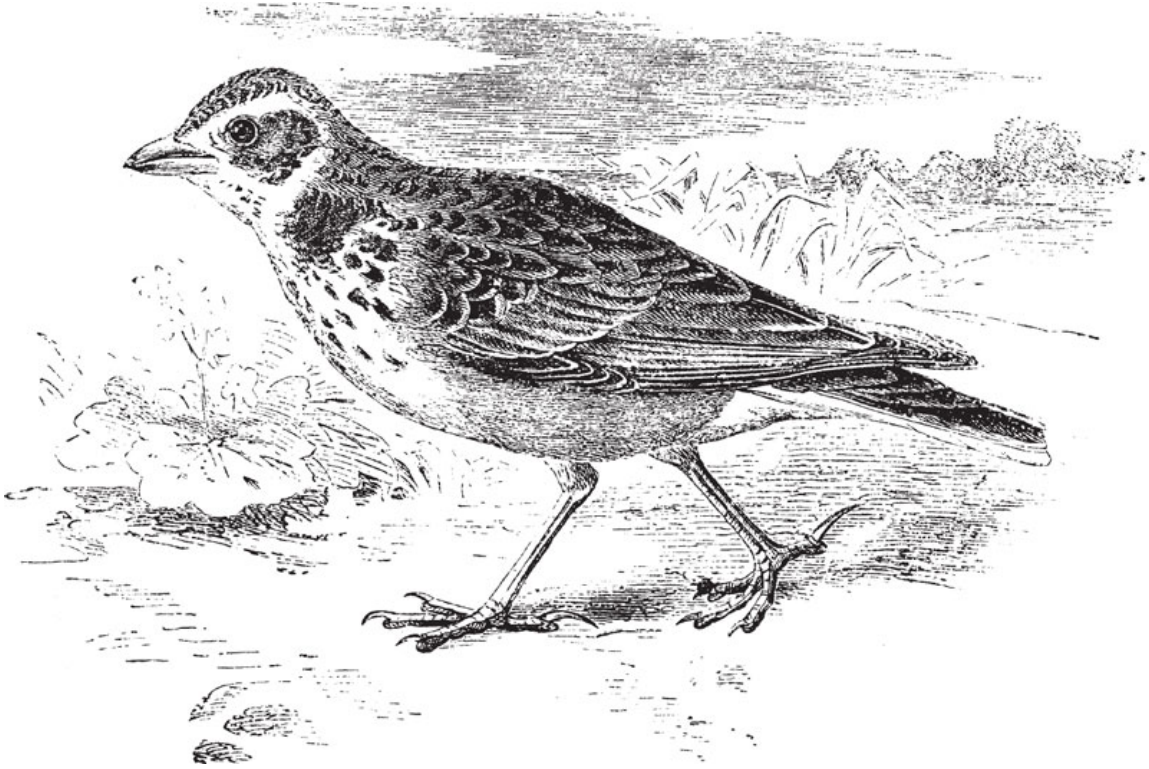
Несмотря на многочисленных врагов (кошки, лисицы, ласки, хищные птицы и др.), число жаворонок, в противоположность многим другим птицам, с годами не уменьшается, а увеличивается, так как с каждым годом увеличивается площадь возделываемых полей, составляющих место обитания этих птиц. И этому, конечно, можно только радоваться, так как помимо доставляемого нам удовольствия от пения жаворонок является еще и весьма полезной для сельского хозяина птицей, уничтожающей множество семян сорных трав и обирающей с полей немалое количество насекомых.

Как прекрасный певец жаворонок очень часто содержится в клетках. Клетка для этой птицы должна быть с мягким верхом и лучше не круглая (или, вернее, шестиугольная, какие обыкновенно продаются в птичьих лавках), а четырехугольная, с выдвижным дном, чтобы каждое утро его удобно было чистить и посыпать песком, который в летнее время нужно spryskивать водой. Кормушки и водопойки должны быть снаружи (жаворонок в воде не купается, а только в песке). Жердочек никаких не надо, так как жаворонок по ним не скачет, а бегаёт по полу. Взамен жердочек на середину клетки кладут свитую из травы тумбочку, в вершок примерно высотой, или же маленький кусочек свежего дерева с травой и время от времени его меняют. На такую тумбочку жаворонок любит вскакивать во время пения. Кормить его надо смесью семян с добавлением муравьиных яиц и тертой моркови с толчеными сухарями. При хорошем уходе жаворонок может прожить в клетке лет до десяти. Запевать он начинает уже нередко около Рождества и поет ретиво почти до конца июля. Приручить жаворонка довольно трудно; в клетке он всегда остается пугливым (такowymi были, по крайней мере, жившие у меня жаворонки).

Степной жаворонок^[137]

В степях южной России рядом с полевым жаворонком, но только не на обработанных полях, а напротив, на покрытых травой целинах, водится *степной жаворонок*.

Он покрупнее полевого и при общей «жаворонковой» окраске имеет по бокам зоба два больших черных пятна, издали бросающихся в глаза.

Степной жаворонок

В особенно больших количествах встречал я этого жаворонка в приморских степях Крымского полуострова, близ Сак и Евпатории, а также в каменистой степи окрестностей Севастополя, где он вполне заменяет нашего полевого жаворонка, с которым ведет также и одинаковый образ жизни. И по характеру песни степной жаворонок схож с полевым; но что касается силы и красоты пения, то он в этом отношении много превосходит полевого. Степной жаворонок – такой великолепный певец, каких мало в пернатом царстве. Говорят, будто бы он мастерски умеет вплетать в свою песню голоса других птиц; мне этого не приходилось слышать. Те степные жаворонки, которых я слышал, пели песню, по складу совсем схожую с песнями наших жаворонков, но только несравненно более сильную и полнзвучную. Один поющий на заре в воздухе степной жаворонок покрывает своей великолепной песней большое пространство степи. В комнате, я думаю, его слушать даже невозможно – оглушит!

Хохлатый жаворонок^[138]

(рис. XVII)

Забавная птичка, с постоянно торчащим кверху хохлом, в общем очень сходная по окраске с полевым жаворонком, которого несколько превосходит величиной.

Посметюшка – одна из самых обыкновенных и общеизвестных птиц на юге России. Нет, кажется, такого хутора, на котором не водилась бы эта милая птичка. Расхаживая смело по двору или разгуливая по крышам надворных строений (в особенности зимой), она невольно привлекает к себе общее внимание своим оригинальным хохлатым видом.

Кроме южных губерний, хохлатый жаворонок водится также и в средней полосе России, но только там он не так многочислен и обыкновенен, как на юге. Изредка попадает даже под Петроградом.

Этот жаворонок почти повсюду, где только водится, принадлежит к числу оседлых птиц (на зиму не улетает). Держится он исключительно поблизости человеческих жилищ, близ которых и гнездится – где-нибудь на краю огорода, непосредственно на поверхности земли.

Пение посметюшки, сходное в общем характере с пением полевого жаворонка, уступает ему, однако, весьма значительно по своему достоинству: оно беднее, не так связно и менее разнообразно, чем пение его полевого братца. Тем не менее пение хохлатого жаворонка слушается с большим удовольствием, в особенности самой ранней весной, в дни первого пробуждения природы, пока еще не возвратились из зимней отлучки его более богато одаренные братцы – полевые и степные жаворонки.

Лесной жаворонок, или юла^[139]

(рис. XIV)

«Полночь. Лишь издали кричит ушастая сова или козодой мурлычет свою ночную песню; только какие-то жуки жужжат

и со свистом пролетают мимо. Как вдруг поднимается с земли неутомимый лесной жаворонок, точно во сне, и поет громко и чисто среди тихой лесной ночи, переливается трелями и, побуждаемый наплывом любви и песен, взвивается к сверкающим звездам, как будто днем к солнцу, и сердце странника следует за ним туда, куда уже за ним не может следовать взор. Нужно самому проходить в тихую полночь через такие пустынные места, нужно самому испытать на себе почти наводящее ужас спокойствие лесной глуши, чтобы понять силу, с которой эта милая птица овладевает человеческим сердцем. Надолго остановишься, слушая его, и невольно подумаешь, что он нарочно поднялся, чтобы порадовать своей близостью одинокого покинутого человека, чтобы приветствовать его дружескими устами, чтобы подкрепить и ободрить его».

Такими словами передает А. Е. Брем^[140] впечатление, производимое ночным пением лесного жаворонка. Мне самому не приводилось слышать песню этой птицы в ночное время, но по зарям и днем случалось наслаждаться ею неоднократно, и каждый раз она приводила меня положительно в восторг. Что-то необыкновенно чарующее есть в этих мягких, нежных флейтовых звуках – «юли-юли-юли-юли... юля-юля-юля-юля... юлю-юлю-юлю-юлю...» и т. д., в разных тонах и переливах, то быстрее, то медленнее. При этом певец трепещется обыкновенно высоко в воздухе, совершенно так же, как это делает и обыкновенный полевой жаворонок.

По наружному виду юла^[141] очень похожа на полевого жаворонка – такая же пестрая, буровато-серая; отличается же от него широкой светлой полосой, проходящей над обоими глазами и огибающей кругом верхнюю часть головки. Также и ростом юла немножко поменьше своего полевого брата^[142].

Водится лесной жаворонок во всей России, за исключением лишь Крайнего Севера. На Кавказе встречается изредка – осенью и зимой. В горной части Крыма живет в небольшом числе оседло. Он нигде не встречается в большом количестве, так как вообще малочислен. Любимое местопребывание этой птицы составляют сосновые боры, с гарями и вырубками, поросшими вереском. Там можно любоваться лесным жаворонком, бегающим маленькими шажками, с выставленной вперед грудкой и слегка приподнятым кверху

хохолком. Заметив врага, он тотчас же забирается в какое-нибудь маленькое углубление на поверхности земли; тогда его очень трудно отыскать глазами. Нередко он садится на крупные сучья или на вершины деревьев, чтобы исполнить свой концертный номер. На тонкие ветки юла не может садиться, потому что и у нее ноготь заднего пальца вытянут в прямой почти шкворень.

Лесной жаворонок – чрезвычайно милая птичка, быстрая и ловкая во всех своих движениях, но очень пугливая и осторожная; впрочем, она делается пугливой, лишь испытав многократные преследования.

Кормится юла преимущественно насекомыми, а также и семенами. То и другое она собирает с поверхности земли.

Весной лесной жаворонок прилетает к нам из южных стран, в которых проводит зиму, очень рано – почти одновременно с полевыми жаворонками (под Петроградом – во второй половине марта). Ко времени распускания почек на березе у него уже готово гнездышко, помещаемое обыкновенно в каком-нибудь кустике травы или вереска. Самочка кладет четыре-пять яичек, испещренных по беловатому фону серыми или бурыми точечками и пятнышками. Она высидивает их одна, самчик же в это время ее кормит.

Птенцы выкармливаются исключительно насекомыми и вскоре после вылета из гнезда предоставляют самим себе, взрослые же обыкновенно приступают затем ко второму выводу.

Осенью лесные жаворонки соединяются в небольшие стайки (по 10–12 птиц) и покидают нас довольно поздно (в сентябре-октябре), отлетая на зиму на юг.

Хозяйственного значения в смысле приносимой пользы эта птичка почти не имеет вследствие своей малочисленности. Украшает же она лес своим прекрасным пением чрезвычайно, тем более что в тех участках леса, где обитает лесной жаворонок, водятся вообще мало птиц, хороших же пернатых певцов в таких местах и вовсе почти не встречается.

Юлу часто держат в клетках из-за ее пения. Все, что было сказано относительно содержания в клетке полевого жаворонка, одинаково относится и к юле. Следует только заметить, что эта птичка не так вынослива в клетке, как полевой жаворонок, и редко выдерживает «заклечение» долее 3–4 лет.

Белая трясогузка^[143]

(рис. XI)

*Еще в полях белеет снег,
А воды уж весной шумят,
Бегут и будят сонный брег,
Бегут и блещут и гласят...
Они гласят во все концы:
«Весна идет, весна идет,
Мы молодой весны гонцы;
Она нас выслала вперед».*

Ф. Тютчев

Как «гласят» шумно бегущие вешние воды, а им радостно вторит своим серебристым голоском маленькая милая птичка – белая трясогузка. Она всего лишь несколько дней как прилетела из теплых стран, где проводила нашу зиму, и теперь весело «цизикает», сидя на пригретой солнцем поленнице, стоящей в ожидании сплава на берегу вздутой вешними водами речки. (Большие реки еще не вскрылись, но прилетевшие трясогузки скоро «перебьют лед своими трясучими длинными хвостиками» – как говорит народ, шутя, про трясогузку.) Вот наша птичка вспорхнула, сделала искусный крутой поворот в воздухе и снова села на прежнее место, неистово замахав при этом вверх и вниз своим хвостиком. «Ци-зи, ци-зю», – раздалось опять весело с поленницы: должно быть, очень вкусной оказалась только что пойманная большая блестящая муха из тех, которые всегда появляются ранней весной на солнечной стороне деревянных домов, заборов и поленниц. А вон там, на узкой песчаной полоске берега, у самой воды, бегают другая трясогузочка: она гоняется за мелкой мошкой, танцующей в воздухе над мокрым песком. Какие быстрые, порывистые и вместе с тем грациозные движения! С какой невероятной быстротой перебирает она на бегу своими лапками, вытянув горизонтально свой хвостик и головку; но, чуть остановилась – тотчас же подобралась и усиленно замахала

хвостиком. Она изредка отвечает отрывистым громким «ци-зи» или «ци-зю» своему супругу, охотящемуся за мухами на поленнице.

Наружность трясогузки, конечно, известна всякому. Найдя ее на рис. XI, вы тотчас же, конечно, скажете, что много раз видели эту хорошенькую птичку и преимущественно встречали ее близ воды, по берегам ручьев и рек, которые и составляют любимое ее местопребывание. Госпожа трясогузочка мало отличается по наружному виду от своего супруга, с которым окрашена почти одинаково – в пестрый бело-черно-серый наряд; только черный нагрудничек у нее несколько меньшей величины, чем у самчика.

Белая трясогузка – одна из самых распространенных и многочисленных наших птиц. Она гнездится по всей России, от Лапландии до Кавказа и Крыма, и повсюду является одной из самых обыкновенных и общеизвестных птичек. На зиму улетает стайками на юг до внутренних стран Африки и южной Азии, хотя, впрочем, некоторые единичные экземпляры перезимовывают нередко и в южной Европе.

Характер у трясогузки необыкновенно живой и подвижный. Эта птичка сидит спокойно и не машет хвостиком только в то время, когда поет свою, хотя и весьма простенькую и малозвучную, но чрезвычайно оживленную и веселую песенку. Впрочем, песенка эта поется также нередко и во время полета или беготни в погоне за насекомыми, составляющими единственную пищу трясогузки.

Одной из отличительных черт поведения трясогузки является стойкая враждебность к хищным птицам, которых она преследует с необыкновенным ожесточением и смелостью. Завидя пролетающего не遠далеке *ястреба* или *кобчика*, трясогузка тотчас же бросается вслед за ним и начинает отчаянно «цизикать». На ее крик быстро слетаются трясогузки со всей окрестности, и все с шумом и гамом гоняются за ненавистным хищником, пока не прогонят его достаточно далеко от той области, которую считают своей.

Очень часто в такой погоне к трясогузкам присоединяются ласточки и другие птицы.

Гнездятся трясогузки преимущественно в речных долинах, в трещинах берегов, на перекладинах под мостами, в мельничных плотинах, в поленницах, в дуплах береговых ив и т. п., а также иногда и около лесных болот, на сухих пнях. Самочка кладет шесть – восемь

яичек, густо испещренных по светлому беловатому фону множеством маленьких сероватых пятнышек. Высиживает птенцов одна самочка, выкармливание помогает же и самчик; обе птички выказывают при этом горячую и поистине трогательную любовь к своим деткам. Известны случаи, когда парочка белых трясогузок, свив гнездо в стоящей у берега барке или в другом каком-нибудь речном судне, не покидала своих птенцов даже тогда, когда судно отправлялось в плавание по реке.

Трясогузки делают обыкновенно два и даже три вывода в лето. Под осень молодые всех выводов соединяются вместе в одну стайку и начинают вести кочевую жизнь по полям, заливным лугам, огородам, забираясь на ночь в древесную чашу или в береговые камыши рек и озер. К одним стайкам постепенно пристают и другие, и наконец с наступлением осенних заморозков эти милые, столь оживляющие нашу северную природу, птички покидают нас до наступления того времени, когда снова зашумят вешние воды...

Так как трясогузка питается только насекомыми и их личинками, она является безусловно полезной птицей.

В большом садке в обществе других птиц белая трясогузка живет очень хорошо. Кормить ее надо муравьиными яйцами с прибавкой мучных червей.

Желтая трясогузка^[144]

(рис. XI)

Кому случалось бродить по сырým низменным лугам и выгонам, тот не мог не познакомиться с *желтой трясогузкой*, в которой всякий тотчас же узнает близкую родственницу обыкновенной белой трясогузки. Водится желтая трясогузка по всей России, от Лапландии до Крыма и Кавказа. Весной она возвращается из теплых стран значительно позже своей белой сестрицы (под Петроградом – в конце апреля) и отлетает осенью раньше. Сверху она пепельно-серая, с белой бровкой над глазами, снизу светло-желтая, с черным, сравнительно коротким хвостиком. По характеру, голосу и манерам она весьма сходна с белой трясогузкой.

Кое-где на юго-западе и юге России, а также на южном берегу Крыма и повсюду на бережках горных речек и ручьев Кавказа водится

еще одна трясогузка – *горная*^[145]. По окраске сходная с желтой трясогузкой, она отличается от нее черным горлышком и более длинным хвостом.

Лесной конек^[146]

(рис. XVIII)

*Сияет солнце, воды блещут,
На всем улыбка, жизнь во всем,
Деревья радостно трепещут,
Купаясь в небе голубом.
Поют деревья, блещут воды,
Любовью воздух растворен,
И мир, цветущий мир природы,
Избытком жизни упоен.*

Ф. Тютчев

Если вы, гуляя в лесу весной, станете внимательно прислушиваться к отдельным голосам многочисленного пернатого хора, то ваш слух не замедлит выделить из этого хора одного певца, который складом и звучностью своей песни легко может заставить вас подумать, что вы слышите ни кого иного, как канарейку (песня которой, конечно, известна большинству моих читателей). Прислушиваясь к этой песне, вы скоро заметите, что она всегда является как бы незаконченной: словно невидимая канарейка все распевается, да никак не может распеться. Песня эта раздается всегда высоко вверху, с вершин деревьев, а иногда кажется, что она звучит даже над вершинами, в воздухе. И действительно, если вы постараетесь увидеть этого певца и выйдете на поляну или лесную опушку – около каковых мест по преимуществу и держится эта птичка, то вы скоро увидите заинтересовавшего вас певуна (величиной немножко побольше воробья)^[147], поднимающегося на манер поющего жаворонка почти отвесно с вершины дерева в воздух и вскоре затем спускающегося с распластанными крылышками на вершину того же самого или ближайшего соседнего дерева. С подъемом птицы кверху песня начинается, оканчивается же она обыкновенно почти вслед за тем, как певец снова опустится

на дерево (это так называемый «токовой полет», о котором у нас уже была речь в предыдущих очерках).

Птичка, о которой идет речь, называется *лесной конек*^[148] (у птичников же она больше известна под названием *лесной жаворонка*, которое дано ей, вероятно, вследствие жаворонкообразного подъема на воздух во время пения, а также отчасти, быть может, и вследствие некоторого наружного сходства с полевым жаворонком). Лесной конек находится в близком родстве с трясогузками, что сказывается в привычке этой птички постоянно махать вверх и вниз своим довольно коротким хвостиком, который у нее остается спокойным при сидячем положении только во время пения (например, в клетке, на жердочке) да еще во время бегания, в котором эта птичка так же ловка, как и трясогузка.

Наружность лесного конька довольно скромная: это буровато-серенькая птичка, с зеленоватым оттенком сверху и беловатая снизу, испещренная крупными черноватыми крапинами, в особенности на груди, со светлой полоской над глазами и двумя светлыми полосками на крыльях. Это чисто лесная птица, хотя и избегающая темных сплошных лесов. Любимыми местами ее пребывания являются, как уже было упомянуто раньше, лесные опушки, края полян, а также редколесье, в особенности сосновое, песчаные места, где лесной конек нередко является почти единственным певцом; прочие певчие птицы – кроме разве лесного жаворонка (юлы) да, пожалуй, зяблика – не любят таких мест.

Корм свой, состоящий только из насекомых, конек подбирает с поверхности земли, на которой он и проводит почти все свое время, за исключением лишь времени, уделяемого пению.

По веткам скачет он очень неуклюже; также и в клетке неохотно и неловко прыгает с жердочки на жердочку, а больше все бегаёт быстрыми шажками по ее дну.

Неискусно свитое гнездо лесного конька помещается на земле, тщательно скрыто где-нибудь под кустиком травы или вереска. Самочка кладет в него четыре-пять пестреньких, очень изменчивых по окраске, яиц.

На зиму лесные коньки отлетают в теплые страны, причем совершают свои перелеты ночью.

Гнездится эта птица по всей России, от Лапландии до Крыма и Кавказа включительно, и повсюду довольно обыкновенна.

Как исключительно насекомоядный лесной конек должен быть отнесен к числу безусловно полезных лесных птиц.

Пойманный и посаженный в просторную клетку, он скоро начинает брать корм (муравьиные яйца с тертой морковью, перемешанной с толчеными сухарями) и дня через два-три уже напевает, сначала вполголоса, свою песенку, которую со временем поет так же звучно и превосходно, как и в лесу.

Луговой конек^[149]

Охотящиеся осенью с ружьем за дупелями беспрестанно спугивают из травы маленькую серенькую птичку, которая с частыми тревожными «пи-пи-пи» круто поднимается на воздух, как бы отрывистыми скачками, и скоро исчезает из виду. Это и есть *луговой конек*. Он немного меньше своего лесного брата^[150], сверху зеленовато-оливково-бурый, снизу желтовато-белый и почти весь испещрен черными пятнышками. Он прилетает весной очень рано (под Петроградом большей частью в конце марта, вскоре после жаворонков) и гнездится по болотистым лугам и торфяным болотам. В сентябре отлетает на юг.

Степной, или полевой, конек^[151]

В степях южной и восточной России водится *степной*, или *полевой конек*. Особенно он многочислен в каменистой степи Трахейского полуострова (в окрестностях Севастополя). Проезжая или проходя по степи летом, даже в самые жаркие полуценные часы середины июля, можно беспрестанно слышать однообразные звуки «цирли-цирли-цирли», повторяемые много раз кряду, причем нетрудно увидеть и выкрикивающую эти звуки птичку, делающую в воздухе свой жаворонкообразный «токовой полет». В жаркие июльские дни это – почти единственная поющая птица, которую можно услышать в степи. Величиной одинаковый с лесным коньком, степной конек является сверху желтовато-серым, снизу желтовато-белым с немногими темными пятнышками на груди и голове. На зиму отлетает на юг.

Иволга^[152]

(рис. I)

*Я пришел к тебе с приветом –
Рассказать, что солнце встало,
Что оно горячим светом
По листьям затрепетало;
Рассказать, что лес проснулся,
Весь проснулся, веткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся
И весенней полон жаждой.*

А. Фет

*Чу! В роще голос заунывный
Весенней иволги звучит!*

А. Майков

Из сонма ярко раскрашенных пернатых обитателей тропических лесов, из круга своих близких родственников, проводящих круглый год среди пальм и бананов, выделилась одна птица, которая ежегодно прилетает к нам весной, свивает у нас свое гнездо, выводит птенцов и снова улетает на далекий юг в глубь Африки.

Сама золотая, как луч майского солнца, *иволга* – так зовут эту птицу – приносит нам самое золотое наше время года, когда –

Небо смеется и ласково

Ветер целует цветы...^[153]

и когда лес «весенней полон жаждой...».

Прилет иволги обыкновенно совпадает с наступлением периода самого пышного расцвета весенней природы, начинающегося цветением черемухи и заканчивающегося отцветанием сирени и ландыша.

Иволга пользуется сравнительно большой известностью. Мало кому не известно хотя бы ее имя. Собственно говоря, одной уже красоты этой птицы (по форме и величине близко подходящей к дроздам^[154]) было бы вполне достаточно, чтобы сделать ее знаменитой: сочетание превосходного оранжево-золотисто-желтого цвета головы и туловища с бархатно-черным цветом крыльев и хвоста делает самца иволги поистине великолепной птицей (самочка и молодые имеют более скромное желтовато-зеленое оперение). Но не этой своей красотой обязана иволга своей известности: красотой ее нечасто удается полюбоваться, потому что птица эта чрезвычайно строга и осторожна и держится обыкновенно в густолиственных вершинах высоких деревьев, где ее весьма нелегко отыскать глазами, а рассмотреть получше можно разве только при помощи бинокля. Итак, не красота иволги доставила ей известность, а удивительный голос этой птицы, с одной стороны, великолепный, с другой же – очень скверный.

Великолепна песня иволги, состоящая, правда, всего из одного короткого колена, вроде «фиу-лию-у» (или, пожалуй, «и-вол-га-а»), но звучащая необыкновенно громко, полно, кругло и красиво, с легким унылым оттенком. Это чисто флейтовые звуки, но только несравненно более громкие, чем те, которые можно воспроизводить на нашей обыкновенной флейте. Особенной силы и красоты достигают эти звуки, когда вскоре после весеннего прилета два или три самца ссорятся и гоняются друг за дружкой, выживая один другого из облюбованного и ранее уже занятого одним из них района местности. В это время ссорящиеся соперники высвистывают свою короткую песню по несколько раз кряду, вставляя в нее в азарте еще и другие свисты. Можно подумать, что при этом птицы состязаются также и в искусстве пения. Во время таких ссор, нередко происходящих на нижних сучьях деревьев, легче подойти близко и рассмотреть ссорящихся красавцев, в пылу своего задора почти забывающих обыкновенную свою осторожность.

Ссорящиеся иволги

Рядом с великолепными звуками своей песни иволга, к сожалению, издает также довольно часто весьма скверные резкие звуки, благодаря которым эта птица получила также в народе название *дикой*, или *лесной*, *кошки*. Действительно, эти неприятные звуки очень напоминают крик кошки, которой наступили на хвост...

Поет золотая иволга очень ретиво – с восхода и до заката солнца, с небольшими перерывами. Песню ее у нас (под Петроградом) нередко можно слышать еще во второй половине июля, когда почти все остальные лесные и садовые певуны уже умолкли.

Иволга гнездится почти по всей Европейской России, с Крымом и Кавказом включительно, избегает лишь Крайний Север. Любимыми местами гнездовой и летнего пребывания этой птицы служат лиственные и смешанные (хвойно-лиственные) леса, причем она придерживается преимущественно лесных опушек. Большие сады и парки также весьма охотно избираются ею для гнездования. В чистом хвойном лесу иволгу можно встретить лишь во второй

половине лета, когда она кочует со своими птенцами по округе своего гнездовья.

Гнездо свое иволга вьет большей частью весьма высоко на дереве и помещает его обыкновенно в развилине бокового, горизонтально отстоящего от дерева, сука; при этом верхний край гнезда, имеющего форму продолговатой корзиночки, прививается к обеим веткам, составляющим развилину сука, сама же чашечка гнезда висит свободно между ветками. Материалом для гнезда, чрезвычайно искусно свитого, служат сухие травки и былинки, тонкие ленточки бересты (верхнего слоя березовой коры), паутина, перышки, шерсть и т. п.; в гнездах же, свитых поблизости от человеческих жилищ, нередко попадаются также пакля, тряпочки и нитки (иногда даже с иглой).

Самочка кладет четыре-пять белых, иногда слегка розоватых, глянцевого цвета яиц, покрытых серыми и темно-коричневыми пятнышками и точками. Высиживание, производимое попеременно самцом и самочкой, продолжается 14–16 дней.

Выводит иволга детей только один раз в лето. Вылетевшие из гнезда птенцы остаются при своих родителях до самой осени, когда совместно с ними отлетают до будущей весны в теплые края.

Пищу иволги составляют разные насекомые, преимущественно из крупных, каковы, например, майские и другие жуки, гусеницы ночных бабочек и пр. Она берет также и косматых гусениц, которых остальные птицы, кроме кукушки, обыкновенно избегают. Кроме того, иволга – большая охотница до ягод, которые в конце лета и осенью составляют ее главную пищу. Особенно она любит вишни, а потому посещает весьма усердно, целыми семьями, вишневые и фруктовые сады и является очень нежеланным гостем для хозяина сада.

С лесохозяйственной точки зрения иволга, безусловно, полезная птица. Владельцы же фруктовых садов могут со значительным правом считать ее вредной, хотя им не следует упускать из виду тех услуг, которые оказывает иволга тем же садам обильным поеданием весной и в начале лета майских жуков, вредных волосатых гусениц и многих других врагов фруктовых деревьев. Не в малую же заслугу следует зачесть иволге и то обстоятельство, что она является благодаря своей

красоте и великолепному пению истинным украшением наших лесов, садов и парков.

В клетке иволгу держат редко, потому что она лишь с большим трудом выдерживает жизнь в неволе и большей частью погибает при первом линянии. В корм ей следует давать летом свежие муравьиные яйца, зимой же – сухие (обваренные) с тертой морковью и толченым белым хлебом, а также рябину, виноград, ломтики яблок и других фруктов в виде лакомства.

Одна иволга, взятая из лесу еще птенчиком и вполне прирученная, жила в моем доме более года. Это была преинтересная птица^[155].

Оляпка^[156]

(рис. XXIII)

*Зыблется тихо волна голубая,
Негой ее переливы полны;
Ветер целует ее и, лаская,
Шепчет волшебные, чудные сны.*

*Слушает сказку волна и мечтает:
Утро далеко и в тучах восток...
Тихо на берег она набегаем,
Приподнимает разбитый челнок...*

В. Юрьев

То бы вы сказали, читатель, если бы вас стали уверять, что есть на Божьем свете такая птица, которая бегаем под водой по дну быстро текущей речки так же хорошо, как *перепел* по поверхности земли, птица, которая, пролетая в морозный зимний день над поверхностью речки, имеющей местами незамерзающие полыньи или «окошки», с полета бросается в одно из таких окошек, исчезает подо льдом, ныряет, как самый лучший нырец, через несколько секунд вновь появляется из другого такого же окошка, продолжает свой полет и как ни в чем не бывало распевает еще при этом веселую песенку; птица, которая свободно пронизывает на полете водяную стену водопада, под защитой которого нередко свивает свое гнездо?..

Не правда ли, как все это похоже на сказку или на рассказ из книжки «Не любо – не слушай!». И ведь это вовсе не сказка и не извращение истины: такая удивительная птица действительно существует, водится почти по всей России, изображение ее вы можете видеть на рис. XXIII. Зовут ее *оляпкой* (а также и другими приведенными в сноске именами). Встречается она, правда, не особенно часто, потому что вообще не многочисленна, но в некоторых местностях представляет собой довольно обыкновенное явление. Главными местами ее гнездований служат

быстро текущие горные ручьи и речки. Осенью же и зимой оляпок можно встретить также и на таких речках, которые, хотя и текут не в гористых местностях, но имеют характер горных речек: каменистое дно, быстрое течение и холодная светлая вода. В таких речках обыкновенно водятся форели, и, таким образом, оляпка является характерной птицей форельных речек. Так, в окрестностях Гатчины, где почти все речки имеют горный характер и еще издавна славятся своими форелями, оляпка зимой представляет собой довольно обыкновенное явление. Дело в том, что подобные форелевые речки даже в самые суровые зимы никогда сплошь не замерзают: в местах с особенно быстрым течением или где бьют из земли ключи, всегда остаются незамерзающие полыньи и «окошки». Вот присутствие этих-то не покрытых льдом пространств и необходимо для оляпки, потому что только через них она может иметь свободный доступ на дно речки, где эта птица исключительно и добывает в это время года свой насущный корм.

Почему же это оляпка именно только в воде может добывать зимой свой корм? А вот почему: пищу ее составляют насекомые в разных стадиях своего развития, а также и мелкая рыбешка; в воде же и преимущественно на дне – под камнями и между ними – живет множество личинок разных насекомых, а также нет недостатка и в рыбешке. Другие насекомоядные птицы вынуждены улетать от нас на зиму на юг, в теплые страны, потому что иначе им пришлось бы умереть у нас с голоду; оляпка же, будучи одарена, не в пример прочим птицам, вышеупомянутыми удивительными способностями, может спокойно проводить у нас зиму, если только к ее услугам имеется незамерзающая речка.

По наружному виду и величине^[157] оляпка несколько напоминает собой дроздов. Общая окраска ее буровато-серая, со снежно-белыми горлышком и грудкой^[158]. Такая окраска как нельзя более гармонирует с той обстановкой, в которой проводит свою жизнь эта красивая грациозная птичка: когда она сидит на камне среди быстрого, местами пенящегося потока, то буро-серый цвет ее почти сливается с цветом камня, а снежно-белая грудь легко может быть принята за приставший к камню клочок белой пены. Благодаря такой окраске сидящую на камне оляпку не так-то легко открыть глазами; большей частью ее замечаешь только тогда, когда она, завидев

приближение человека, спархивает со своего места и летит низко над поверхностью реки, причем следует обыкновенно за всеми ее изгибами.

Будучи спугнута с берега, оляпка иногда кидается с места в воду, подобно тому, как это делают лягушки; нырнув на значительное расстояние или пробежав по дну, она вновь появляется из воды и продолжает дальнейшее бегство уже по воздуху – полетом.

Бегая проворно по берегу, подобно трясогузке, и, подобно этой птичке, беспрестанно помахивая своим хвостиком, оляпка нередко забегает в воду все глубже и глубже – до шеи, до глаз и еще глубже – совсем под воду – и продолжает там свою прогулку, бегая по дну или ныряя и пользуясь своими крыльями, как веслами или плавниками. Под водой оляпка может оставаться в течение 10–15 секунд и даже более.

Вечно бодрая, живая и веселая – за исключением только продолжительных ненастных дней, когда в помутневшей и вздувшейся от дождей речке охота становится затруднительной, – оляпка в то же время и очень умная, осторожная и внимательная птица, отлично умеющая распознавать своих друзей и врагов. Вместе с тем она весьма хорошая и в высшей степени ретивая певунья. Ее довольно звучная и продолжительная песня напоминает своим болтливым характером журчание бегущего по камням горного ручейка. Поется эта песня беспрестанно: во время купания, во время беготни по берегу, в промежутках между подводной охотой, во время ссор с другими оляпками – непрошеными посетителями, во время чистки и перебирания перышек, даже, наконец, в последние, предсмертные минуты жизни. Песня эта звучит в зимние морозные дни так же весело, как и в теплые летние – было бы лишь над певцом голубое небо.

Гнездо оляпки помещается обыкновенно близ воды: в углублении берега, скалы, стены; нередко его можно найти в ковше долго стоявшего без дела колеса водяной мельницы. Форма гнезда большей частью шарообразная, с боковой леткой, но иногда гнездо бывает и открыто сверху. В наружные стенки его обычно вплетено много мха. Самочка кладет четыре-пять совершенно белых, без всяких крапинок, яиц и сидит на них так крепко, что ее можно в это время

взять с гнезда руками. Выводит птенцов оляпка только один раз в лето.

Что касается полезности или вредности оляпки, то в этом отношении ее можно считать птицей безразличной. Хотя она и причиняет некоторый ущерб рыбьему населению обитаемых ею вод, но такой урон, конечно, может и должен быть прощен этому прекрасному и удивительному маленькому созданию, составляющему истинное украшение обитаемой им местности и являющемуся одним из поразительных примеров неисчерпаемой премудрости Творца Вселенной...

Крапивник^[159]

(рис. XVII)

*Сбирались птицы, собирались, певчи,
Стадами;
Садилась птицы, садилась певчи,
Рядами.
А кто у вас, птицы, а кто у вас, певчи,
Большие?
А кто у вас, птицы, а кто у вас, певчи,
Меньшие?*

(Из оперы «Снегурочка»)

Эта крошечная, коренастая, со вздернутым кверху коротким хвостиком, красновато-буренькая птичка, вся испещренная темными, поперечными черточками и крапинками – вторая (после короля) из самых маленьких наших птиц. Крапивник водится по всей России, за исключением только самого Крайнего Севера. Эта птичка исключительно лесная, или, по крайней мере, она водится лишь там, где есть деревья и кусты. Открытого поля крапивник боится и избегает, потому что летает довольно плохо. Он повсюду встречается лишь единичными экземплярами, и хотя нельзя сказать, что он очень малочислен или избегает приближаться к человеческим жилищам, однако довольно редко попадает на глаза и потому не пользуется особенной известностью. Происходит это от того, что нет другой птицы, которая бы так искусно умела прятаться, как крапивник. Кучи хвороста, плетеные заборы, старые полуразвалившиеся строения, запутанно переплетенные корни деревьев на обрыве или подмытом водой берегу вперемежку с кустами и деревьями – вот настоящая сфера, в которой живет и действует крапивник и в которой он шмыгает, шныряет и пролезает с ловкостью и быстротой мышонка. Вот он только что сидел и распевал песенку на выступившем с одной стороны хворостяной кучи прутике, но подошел человек, пробежала мимо собака –

крошечный певец исчез в хворосте и через две-три секунды выглядывает уже с противоположной стороны кучи. По поводу того, что крапивник постоянно держится в таких местах, где можно скоро и хорошо спрятаться, сложилась следующая легенда.

Когда птицы выбирали себе из своей среды царя, то после продолжительных споров и ссор решено было быть царем тому, кто выше всех поднимается к облакам. Началось состязание. Стрелой бросались птицы кверху, на воздух, но по прошествии большего или меньшего времени – смотря по силе крыльев – начали утомляться и спускаться одна за другой обратно на землю. Только один орел, медленно паря широкими кругами, все выше да выше поднимался к облакам. Наконец и он остановился в то время, когда все остальные птицы уже опустили на землю. Видя свое полное торжество, орел крикнул из-под облаков свой победный царственный клич. Лишь только начал он спускаться на землю, как над ним, сверху, раздался тоненький, пискливый, вызывающий голосок: «А я еще выше поднялся!» То был не кто иной, как крошечный крапивник, притаившийся под шумок между перьями на спине орла, а теперь выпорхнувший из своей засады и круживший над орлом. Догадавшись в чем дело и бросив на своего ничтожного соперника гордый, презрительный взгляд, орел плавными кругами спустился на землю и тотчас же был провозглашен почтительно ожидавшими его птицами царем всего пернатого царства. Но тут крапивник начал протестовать и доказывать, что царская корона должна принадлежать по праву не орлу, а ему – крапивнику, так как он поднялся еще выше орла. Тогда орел уличил его в плутовской уловке, и, когда крапивник стал было возражать, что ведь не сказано было, что надо непременно подняться на своих крыльях, а просто – кто выше всех поднимется, тогда раздались со всех сторон такие шиканье, свистки и крики в адрес маленького нахала, что он счел за благоразумное поспешно ретироваться. Преследуемый наиболее задорными и горячими из своих пернатых собратьев, крапивник еле успел шмыгнуть под находившуюся, по счастью, невдалеке кучу хвороста, а то бы ему, пожалуй, и совсем не сдобровать... Вот с тех пор он все и прячется...

Будучи чем-нибудь возбужден, крапивник производит особенные, порывистые поклоны: быстро опускает и тотчас же поднимает кверху свою головку и закидывает чуть не на спину свой, и без того уж

сильно торчащий кверху, хвостик. Такие поклоны сопровождаются обыкновенно особенными, короткими, отрывистыми звуками – вроде «тик-тик», которые при очень сильном возбуждении повторяются по несколько раз сразу и, следуя быстро один за другим, получают характер стрекотания.

Песня у крапивника весьма громкая и звучная для такой крошечной птички. Услышав в первый раз такую песню, как-то не верится, что такие громкие звуки могли выходить из столь маленькой грудки. Состоит эта песня из ряда быстро сменяющихся колен, трелей и переливов и звучит чрезвычайно светло, весело и красиво. По общему характеру она ближе всего подходит к песне канарейки, уступая ей только в звучности и продолжительности. Крапивник – такой же ретивый певец, как и родственная ему оляпка; подобно ей, и он нередко распевает свои песни среди зимы – в ясные морозные дни. В окрестностях Петрограда мне нередко случалось слышать в лесу поющего крапивника в первых числах марта, когда под деревьями лежал еще глубокий снег. В такое, так сказать, неурочное время, когда в лесу не слышно еще почти никаких других песен, светлая, веселая песенка этой милой птички имеет особенную, очаровательную прелесть.

Как видно из только что сказанного, крапивник встречается у нас и среди зимы, но все-таки нельзя сказать, чтобы он был птицей совсем оседлой, то есть жил бы круглый год на одном и том же месте: большинство крапивников ведет зимой жизнь кочевую, разыскивая во всевозможных потаенных уголках запрятавшихся на зиму пауков, личинок и куколок насекомых, придерживаясь преимущественно таких местностей, в которых находятся незамерзающие ключи. Морозов эта крошечная птичка не боится, поскольку снабжена природой прекрасной пуховой шубкой.

Любимыми местами гнездовой крапивника являются канавы, ручьи и речки с подмытыми и заваленными всяким хламом берегами и свесившимися над водой деревьями и кустарниками. Нередко также свивает эта птичка себе гнездо вблизи человеческих жилищ: под крышей садовых построек, в трещинах старых каменных стен, в кучах хвороста, сложенных в углу сада, и т. п. Довольно большое, сравнительно с величиной птицы, гнездо имеет округлую, закрытую со всех сторон форму, с боковой леткой в верхней части. Самочка

несет два раза в лето шесть-восемь белых с немногими красными точечками яичек, которые высиживает попеременно с самчиком в течение 2 недель.

Интересно, что крапивник-самчик, услаждая нас зимой своими песнями, вьет также иногда зимой для себя гнездо. То же делают обыкновенно и оставшиеся на лето холостыми, то есть не нашедшие себе подруги, самчики. Такие гнезда служат крапивнику для ночлега, а также и убежищем во время непогоды. Вообще, крапивники охотно проводят ночь в гнезде, хотя бы и чужом, незанятом, собираясь при этом по несколько штук вместе. Однажды в корзинке, употребляемой для ловли угрей, было найдено 12 мертвых крапивников. С ними произошло то же, что происходит и с рыбой: влезть-то они влезли, а вылезти и не сумели!

Полезьа, приносимая крапивником вследствие поедания насекомых, несколько ослабляется тем, что он уничтожает большое количество пауков, весьма полезных истребителей множества несносных и нередко вредных мух.

В неволе держать крапивника нелегко: он птица нежная и требует тщательного ухода. Корм для него тот же, что и для оляпки, с прибавкой таракашек, мух, пауков, мелких ягод – в виде лакомства. Он чрезвычайно любит купаться, после чего нередко копается в песке; поэтому воду ему нужно менять два-три раза в день и насыпать на дно клетки побольше песку. Клетка должна быть частая, проволочная.

Дрозд

Посланник весны, милый певец – дружеский, искренний привет тебе! Сколько чудных песен ты уже спел для меня! Как ты ободрил и порадовал меня! Сколькими хорошими часами я тебе обязан. Великолепный певец, великий артист, привет тебе!

А. Е. Брем

С такими словами обращается Брем к *черному дрозду*^[160].

Я уверен, что многие из моих читателей, мало знакомых с птичьим миром, значительно удивятся: такая «возвышенная речь» и к такой простой, «прозаической» птице – дрозду!

И действительно, большинство публики знакомо с дроздом только как с птицей, которая большими стаями летает осенью по садам и паркам, поедая рябину и другие ягоды, и в которую в это время стреляет почти всякий, кто только умеет ружье в руках держать, прельщаясь лакомым кусочком дроздиного мяса... А то, что у нас водится несколько разных пород дроздов, что между ними есть первоклассные мастера пения, вполне заслуживающие «возвышенных речей», что дрозды наши имеют еще и иное значение, более важное, чем значимость кусочка вкусного мяса для паштета или какого-нибудь фрикасе, – это знают, к сожалению, лишь весьма немногие. Надеюсь, что по прочтении нижеследующих строк многие из моих читателей переменят свое мнение о «прозаическом» дрозде...

В пределах Европейской России водится несколько видов дроздов. Все они, как близко родственные между собой птицы, имеют много общих черт как в характере, так и в образе жизни.

Все наши дрозды – птицы богато одаренные, чрезвычайно подвижные, бодрые, ловкие, смысленные, любящие сообщество себе подобных, хотя и не особенно миролюбивые – часто друг с другом ссорятся. С самого раннего утра и до позднего вечера находятся они в непрерывном движении и только в знойные полуденные часы

немного успокаиваются, скрываясь в тени древесных ветвей. По земле дрозды скачут очень ловко, большими прыжками, на манер сороки. Заметив что-нибудь особенное или подозрительное, они тотчас вздергивают кверху свой довольно длинный хвост и судорожно подергивают книзу крылья, слегка их при этом распуская. В то же время они обыкновенно издают особенные предостерегающие звуки, на которые реагируют не только другие дрозды, но и многие из прочих, вовсе не родственных им, птиц. Завидя приближение заведомого врага – в особенности во время вывода птенцов, дрозды храбро нападают на него с ожесточенным стрекотанием и стараются изгнать нарушителя покоя за пределы занимаемой ими области; если же храбрость не помогает, то стараются отманить неприятеля подальше от гнезда, притворяясь слабыми, едва летающими.

Благодаря прекрасно устроенным крыльям почти все дрозды – отличные летуны. Они с легкостью и большой быстротой преодолевают высоко в воздухе обширные пространства.

Все дрозды одарены, в большей или меньшей степени, способностью пения, и хотя рядом с великолепными певцами есть и очень неважные музыканты, но все они, без исключения, чрезвычайно ретивые певуны. В весенние месяцы дрозды в высшей степени оживляют лесной ландшафт своими голосами. При этом следует заметить, что манера пения дроздов противоречит характеру этих птиц. Многие птицы сопровождают свои песни различными телодвижениями, дрозды же, столь подвижные в другое время, при пении сидят совершенно тихо, большей частью на макушке высокого дерева, и самая песня их льется оттуда спокойно и торжественно, далеко разносясь по окрестностям. К сожалению, большинство из них рано прекращает свои песни: когда в саду зацветет сирень, а в лесу ландыш, пение дроздов можно услышать в лесу лишь весьма ранним утром и поздним вечером, после заката солнца, к Петрову же дню они и вовсе умолкают.

В большей части Европейской России дрозды являются птицами перелетными, то есть на зиму улетают в теплые южные страны (на южные оконечности Европы и не далее северной Африки), весной же снова возвращаются к местам своих гнездовий. Во время этих перелетов некоторые виды собираются в огромные стаи, достигающие численностью до тысячи и более птиц. Возвращаются

дрозды весной на родину довольно рано: в средней России – в конце марта или в начале апреля. Вскоре по прилете они приступают к свиванию гнезд.

Гнездо дрозда довольно большое – соответственно величине птицы – и весьма тщательно свивается из тоненьких прутиков, стебельков, трав, мха, лишая и т. п.; у некоторых видов оно, кроме того, еще особым образом оштукатуривается изнутри.

Яйца всех наших дроздов окрашены довольно сходно: на голубовато-зеленом фоне множество бурых пятнышек и точек. Высиживание продолжается 14–16 дней. Через 3 недели после вылупления из яйца молодые дрозды обыкновенно уже вылетают из гнезда. Так как выпорхнувшие из гнезда дрозды в первое время еще плохо летают и сидят большей частью на земле, то, бродя в это время по лесу, в особенности с собакой, очень часто можно наткнуться на пухленького и почти круглого как шар дрозденка. Заметив приближение человека, птенчик сначала делает попытку улететь, но, пролетев низко над землей на небольшое расстояние, скоро утомляется и, уткнувшись в землю, как-то добродушно-растерянно смотрит в глаза наклонившегося над ним человека, не оказывая почти никакого сопротивления, когда протянутая рука берет его с земли. Боже мой, какой шум и стрекотание поднимаются обыкновенно при этом вокруг похитителя, если в лесу гнездится целая колония дроздов (например, рябинников)! Все жители колонии принимают участие в общей тревоге и с ожесточенным стрекотанием кружатся вокруг врага, перелетая с дерева на дерево.

Дрозденка, в особенности взятого из гнезда в то время, когда у птенчика на голове между перьями кое-где торчит еще пушок, очень легко выкормить и приручить, что мне неоднократно случалось делать. Поступал я при этом обыкновенно так: сажал пойманную птичку в небольшую корзиночку с крышкой; кормил попеременно то черствой булкой, намоченной в свежем молоке и затем отжатой, то свежими муравьиными яйцами, затем понемногу начинал прикармливать птицу дождевыми червями, каковые впоследствии и составляли главный его корм. При каждом кормлении следует причмокивать губами и называть птицу по имени, впоследствии она так привыкнет к своему имени и чмоканию, что, когда подрастет и станет летать на воле – в саду или в лесу, всегда будет откликаться

и прилетать на эти знакомые ей звуки. (Впрочем, это следует делать и при выкармливании всяких других птенцов.) Первые 2–3 дня пойманную птичку надо держать в закрытой корзиночке, потому что в темноте она скорее ручнеет и, не отвлекаясь видом посторонних предметов и людей, лучше привыкает к хозяину, часто открывающему крышку корзинки для того, чтобы покормить своего питомца.

Все наши дрозды – чисто лесные птицы; где нет леса или деревьев, там нет и дроздов.

Пищу составляют всевозможные насекомые, улитки, слизняки и черви. Все это они подбирают непосредственно с поверхности земли или же достают из-под опавшей листвы, переворачивая и вороша ее своим клювом. Осенью же и зимой пищу дроздов составляют, кроме того, и ягоды, до которых эти птицы чрезвычайно лакомы, причем разные виды дроздов имеют и свои любимые сорта ягод.

Такой образ питания дроздов делает их в высшей степени полезными для леса, а именно в двояком отношении: осенью, как было уже упомянуто, большинство дроздов собираются в стаи; стаи эти облетают наши леса и набрасываются массами на поспевающие к тому времени ягоды различных лесных деревьев и кустарников. Так как дрозды при этом всегда выбрасывают обратно через клюв в виде сухих шариков (*погадка*) непереваренные косточки и семечки съеденных ими ягод, то более чем какие-либо другие птицы содействуют распространению лесных ягодных деревьев и кустарников, например рябины, черемухи, можжевельника, крушины, бузины, терновника, шиповника, боярышника, кизила и многих других. Таким путем дрозды содействуют образованию в наших лесах полезного подлеска, а в то же время способствуют и украшению леса, в особенности по краям полей и лесных опушек. Во-вторых, эти птицы уничтожают множество вредных лесных насекомых, в особенности во время осенних странствований стаями по лесам и паркам, когда большинство насекомых зарывается на зимний покой под опавшую листву и хвою. Спустившаяся для кормежки на землю стая дроздов переворошит и перековыряет всю листву и хвою, и мало кто из запрятавшихся туда личинок, гусениц и куколок бабочек уцелеет после такого дроздиного нашествия.

Хотя *черные*, а отчасти также и *певчие дрозды* и причиняют некоторый урон вишневым садам и виноградникам, но этот вред, конечно, с избытком оплачен ими уже заранее, а именно уничтожением массы вредных тварей в тех же садах и теми чудными песнями, которыми они в изобилии одаривали нас в весенние месяцы.

Некоторых дроздов (как, например, певчего и черного) нередко держат за их прекрасное пение в клетках. Лучший для них корм составляет смесь из муравьиных яиц с тертой морковью, перемешанной с толченым сухим белым хлебом, и разных ягод, когда это возможно, а также и мучных червей. Водопойка в клетке должна быть большая, чтобы дрозд мог свободно в ней купаться.

Сделав этот общий обзор образа жизни и характера наших дроздов, познакомимся теперь вкратце с отличительными чертами, присущими каждому из них в отдельности.

У большинства видов наших дроздов нижняя сторона испещрена характерными «дроздовыми» (треугольными или кругловатыми) крапинками или пятнышками – черно-бурыми, на светлом фоне; другие же виды этих птиц (у взрослых экземпляров) не имеют таких крапин; поэтому для удобства ознакомления с обитающими у нас дроздами их всех можно разделить на две группы.

Дрозды с крапинами

К этой группе принадлежат четыре вида, у которых нижняя сторона испещрена по белому фону черно-бурыми крапинками. Самцы и самочки этой группы окрашены почти одинаково. Общий вид окраски пестрый – бело-серо-бурый.

Дрозд-деряба^[161]

(рис. V)

Самый крупный из всех наших дроздов^[162]. Кроме своей величины отличается от других дроздов этой группы продолговато-округлой (почковидной) формой крапин на брюшке и на боках (на голове и груди крапины имеют треугольную форму – как и у других дроздов).

Водится дрозд-деряба по всей России. Он гнездится от Лапландии до Крыма и Кавказа, но распространен весьма неравномерно: в одних местностях является весьма обыкновенной птицей, в других же не встречается вовсе, несмотря на существование, по-видимому, всех подходящих для него условий. Так, в Гдовском уезде^[163] Петроградской губернии этот дрозд принадлежит к обыкновенным гнездящимся птицам, в окрестностях же Лесного (близ Петрограда) является лишь редким, кратковременным ранневесенним гостем.

Любимыми местами гнездовий этого дрозда является старое, высокое красное лесье; лиственные леса посещаются им только во время весенних и осенних перелетов.

С наступлением осени дерябы сбиваются в стаи (редко в очень большие) и странствуют по лесам, разыскивая свои любимые ягоды и продвигаясь постепенно на юг. С другими дроздами они при этом не любят смешиваться.

Из ягод деряба особенно любит рябину и шиповник. В южных же лесах, где водится много омелы^[164], ягоды этого растения составляют любимое лакомство нашего дрозда, и местные лесничьи имеют полное основание сердиться на дерябу – за разноску по деревьям вредной омелы^[165]. Клейкие, непереваренные семечки ягод этого растения, выбрасываемые дроздом, прилипают к стволу и сучьям деревьев, на которых затем и прорастают; развившееся же из семени растение омелы вбуравливает свои корешки в древесину дерева и таким образом портит его, целая непригодным для многих поделок.

Деряба – прекрасный певец. Хотя песня его состоит из очень немногих (не более пяти-шести) строф, при этом весьма коротких и сходных между собой, но все они составлены из чистых, в высшей степени сладкозвучных флейтовых переливов, звучащих необычайно кругло, мягко, с меланхолическим, грустным оттенком и далеко разносящихся вечерними и утренними зорями по окрестностям. Песня эта сродна по характеру звуков пению черного дрозда.

В окрестных лесах Петрограда пение дерябы можно слышать лишь ранней весной.

Призывный крик, издаваемый дерябой (преимущественно в прилетное время), звучит вроде короткого, сухого храпа.

Дрозд-рябинник^[166]

(рис. V)

Второй по величине^[167] из числа дроздов этой группы и самый многочисленный и обыкновенный – по крайней мере, в северной и средней России, где он гнездится. Южную Россию рябинник посещает только во время своих осенних и весенних перелетов, а иногда останавливается там и зимовать.

По окраске рябинник отличается от прочих дроздов этой группы преимущественно пепельно-серой головой и надхвостьем, а также почти полным отсутствием крапин на средней белой части брюшка и, напротив, скоплением их по бокам шеи, вследствие чего издали кажется, будто у него в этих местах находится по большому темному пятну.

Рябинник – птица в высшей степени общительная. Он не только странствует громадными стаями (до тысячи и более птиц вместе), но даже и гнездится колониями, причем иногда на одном дереве помещается несколько гнезд этой птицы.

Нередко у нас, на севере, можно встретить рябинников и зимой. Это бывает обыкновенно в особенно урожайные для рябины годы. В такие годы нередко можно встретить в декабре и январе тысячные стаи этих птиц. Когда в зимний морозный день такая стая хозяйничает в изобилующем рябиной уголке леса или парка, то издали можно подумать, что слышишь скрип полозьев целого обоза на морозном снегу – такой шум производит множество этих птиц своей неумолкаемой болтовней.

Призывный крик рябинника, звучащий вроде «чак-чак», издается им беспрестанно, как во время полета, так и при сидении на месте. Крик беспокойства звучит вроде «трррр-трррр».

Песня у этого дрозда довольно неказистая. Она состоит из малозвучного и немзыкального, хотя очень оживленного скрипа, производимого на всевозможные лады, будто на скверной беззвучной скрипке и в очень быстром темпе.

Певчий дрозд^[168]

(рис. X)

Третий по величине из этой группы^[169]. Помимо величины отличается от дерябы и рябинника главным образом ржаво-желтой окраской нижней поверхности крыльев (у обоих предыдущих видов крылья снизу белые).

Певчий дрозд гнездится во всей России – от южной части Кольского полуострова до Крыма и Кавказа, повсюду многочислен и распространен весьма равномерно. Где только есть лес, хвойный или лиственный – безразлично, там почти всегда можно найти и певчего дрозда. Только в старых сосновых борах, растущих на сыпучем песке, эта птица редко гнездится – вероятно, вследствие того, что в таких борах, если только там нет можжевельника, очень часто не бывает никакого подлеска, который так любят и требуют все дрозды.

Вышеприведенные хвалебные слова, обращенные Бремом к черному дрозду (см. эпиграф к очерку, с. 190), всецело – если даже не более – могут быть применены и к певчему дрозду. По крайней мере, тот же Брем в своей «Иллюстрированной жизни животных» присуждает пальму первенства в пении именно этому дрозду из числа всех остальных. И действительно, эта птица – великолепный певец. Недаром же заслужила она свое видовое научное название – *musicus* (музыкант). Конечно, как и среди других наших певчих птиц, так и среди певчих дроздов встречаются и посредственные, а иногда даже и весьма неважные певуны (большой частью это бывают молодые птицы, еще не успевшие, так сказать, разработать свой музыкальный талант). Но хороший певчий дрозд, мастер своего дела, может поистине поспорить даже с самым главным царем певчих птиц – соловьем. В самом деле, некоторые свистовые строфы песни хорошего певчего дрозда звучат так красиво, громко и великолепно, что мне известны многочисленные случаи, когда несведущие люди принимали этот свист за соловьиный и уверяли, что слышали уже соловья в то время, когда в лесу еще местами лежал нестаявший снег, и не хотели верить, что подобные звуки могли принадлежать «какому-то дрозду»! Для характеристики этой песни следует сказать, что она ведется отдельными строфами – отрывистыми фразами, повторяемыми большей частью по два раза кряду, с небольшими паузами перед каждой новой строфой. Певчий дрозд поет, словно стихи читает – медленно, с расстановкой. Разнообразие строф иногда

бывает чрезвычайно богатое, и хороший певец долго дает все новые и новые строфы, прежде чем начнет повторяться.

Призывный звук певчего дрозда – слабое «цсии». При беспокойстве он издает отрывистое «так-так», а при сильном возбуждении ожесточенно стрекочет, издавая быстро, один за другим, резкие звуки вроде «тикс-тикс-тикс».

При осенних и весенних перелетах певчие дрозды соединяются в небольшие, сравнительно, стаи и редко смешиваются с другими дроздами.

Из образа жизни этого дрозда нужно отметить еще одну характерную черту: поедая, подобно остальным дроздам, большое количество голых слизняков (не имеющих раковины), он наносит немалый урон также и слизнякам «с домиками». Выбрав в лесу небольшой, плоско из земли выступающий камень, певчий дрозд приносит к нему раковинчатую улитку и, разбив о камень ее домик, поедает добытого из нее слизняка. Если один и тот же камень долго служил подобной оригинальной наковальней, то около него можно иногда найти целые сотни разбитых раковин. Гнездо певчего дрозда внутри как бы выштукатурено измельченными древесными гнилушками, из смеси которых со своей слюной эта птица prepares свой оригинальный штукатурный материал.

Дрозд-белобровик^[170]

(рис. XIV)

Самый маленький из всех наших дроздов^[171]. В окраске отличается от предыдущих трех дроздов светлой, ржаво-желтой полосой над глазами, тянущейся почти до затылка (отсюда название *белобровик*), и ржаво-красной окраской нижней поверхности крыльев.

Родиной этого дрозда является северная и, частью, средняя Россия; в южной же он встречается лишь во время осенних и весенних перелетов, которые совершает огромными стаями, смешиваясь при этом нередко с рябинниками.

Призывный звук белобровика – протяжное, негромкое «тсии» – очень сходен с таковым же звуком певчего (а также и черного) дрозда. Относительно пения этого дрозда пришлось бы повторить почти то же самое, что было сказано в этом отношении про дрозда-рябинника,

с той только разницей, что, начиная свою скрипучую и малозвучную песню, белобровик сначала дает три или четыре громкие свистовые ноты, звучащие очень красиво и слышные на далекое расстояние, и затем уже рассыпается в совершенно такой же «скрипотне», как и рябинник. Встречаются белобровики, делающие первые громкие свисты своей песни хроматической гаммой вниз, что выходит чрезвычайно красиво и эффектно. (Такие белобровики появляются в последние годы в окрестностях Петрограда и весной, также и в начале лета, и украшают своими песнями нашу природу чрезвычайно.) Поющий белобровик сидит всегда на самой маковке дерева.

У нас, под Петроградом, дрозд-белобровик встречается весьма нередко, как гнездящимся, так и большими перелетными стаями, в особенности ранней весной.

Дрозды без крапин

Черный дрозд^[172]

(рис. IX)

Величиной немножко поменьше рябинника^[173]. Старый самец весь черный, с оранжевым клювом. Самочка и молодые – чернобурого цвета, с беловато-серым горлышком и неясными, более светлыми, пятнышками на передней части тела.

Родину черного дрозда составляет средняя и южная Россия, с Кавказом и Крымом включительно. В Петроградской губернии он представляет весьма редкое явление.

Гнездится черный дрозд как в хвойных, так и в лиственных лесах, имеющих густой подлесок, а также весьма охотно – в садах и парках. На зиму обыкновенно отлетает на юг, соединяясь в небольшие группы, по **10–20** птиц; в некоторых же местностях остается круглый год и нередко переселяется на зиму даже в города. (В Западной Европе мне случалось видеть черного дрозда на крышах каменных домов, рядом с воробьями и воронами, и слышать его прекрасные песни во второй половине февраля.) В Крыму черный дрозд живет оседло, и туда же (на южный берег) прилетают зимовать его

сородичи, гнездящиеся в более северных широтах Европейской России.

Летает черный дрозд хуже остальных дроздов вследствие несколько иного устройства крыльев, а потому и не так охотно пускается в далекие странствования. Великолепное пение черного дрозда, как было уже сказано выше, по общему характеру сходно с пением дерябы, но в то же время намного превосходит его богатством содержания и разнообразием строф.

1

2

4

3

5

W. P. Mearns
1887

W. P. Mearns

Дрозды: 1 – деряба; 2 – белобровик; 3 – певчий; 4 – рябинник; 5 – черный

Так как черный дрозд выводит детей большей частью два раза за лето, то его пение можно нередко слышать еще во второй половине июля. При беспокойстве он издает отрывистые «чак-чак», при сильном же возбуждении стрекочет совсем сходно с певчим дроздом «кикс-кикс-кикс». Черный дрозд – большой любитель винограда, за что нередко расплачивается своей жизнью от рук неразумных и жестоких виноградарей.

Белозобый дрозд^[174]

Несколько крупнее черного дрозда^[175]. Оперение старого самца матово-черное, с серой каемкой на каждом перышке; на верхней части грудки находится белый или сероватый пояс. Самочка окрашена точно так же, но только черный и белый цвета у нее менее чисты и резки.

Родиной белозобого дрозда являются у нас лишь Крайний Север (Лапландия) да Кавказские горы. В остальных местностях этот красивый дрозд появляется пролетом – осенью, зимой и весной – и представляет собой весьма редкое явление. Несколько раз наблюдался под Петроградом, в пролетное время.

Каменный дрозд^[176]

(рис. XXIV)

Поменьше черного дрозда^[177]. Гнездится в горах Крыма и Кавказа, а также кое-где и в Польше (куда проникает с Карпат). Окрашен весьма красиво: голова и шея голубовато-серого цвета, спина белая, грудь и брюшко великолепного ярко-ржаво-красного цвета, в каковой окрашен также и хвост (кроме двух средних, серо-бурых, перьев); клюв черный. Любимыми местами его пребывания являются скалы и каменные россыпи, по которым он с большой ловкостью бегаёт. Принадлежит также к числу первоклассных певцов и обладает талантом пересмешничанья.

Соловей^[178]

(рис. XIX)

*Лазурным зеркалом стоят недвижно
воды,
Притихла, вся в слезах, густая сень
ветвей,
И только песнею, царь песни, соловей,
Приветствует зарю, великий светоч
Бога,
Победно блестящий с лазурного чертога.*

В. Величко

Маленькая, серенькая птичка с большими черными глазами. Великолепный, не имеющий себе равных певец. Любимец майской ночи, очаровывающий своими бесподобными песнями даже самые жесткие сердца и зачерствелые души. Художник-музыкант, вдохновитель поэтов и композиторов всех времен и народов.

Это удивительное Божье творение, это маленькое чудо пернатого царства, этот несравненный «певец любви» называется *соловей*.

Давно уже жаворонки разливают серебристые потоки своих песен над полями и нивами. Давно уже сады и рощи оживляются звонкими раскатами песен зябликов. Давно уже лес оглашается звучными строфами певчего дрозда, поющего под аккомпанемент целого хора разноголосых певунов, прилетевших в свите таинственной царицы – красавицы-весны. Но до сих пор все еще чего-то недоставало: не было главного «капельмейстера», не было самого «великого маэстро», с появлением лишь которого раздастся настоящий величественный и великолепный гимн богине-весне – гимн «торжествующей любви»...

И вот он явился – этот «великий маэстро»: явилась маленькая^[179], серенькая птичка, с большими, умными черными глазами – явился соловей! Явился он, по обыкновению, ночью и тотчас же –

Щелкнул, свистнул, рассыпался,
Разошелся по воздуху
Серебристыми звеньями,
Загремел перекатами,
Застонал перекликами,
Разлился звонким голосом
По всему по поднебесью,
Его слушала, зарумянившись
Под фатой своей, браной золотом,
С неба синего, заря майская... [\[180\]](#)

По народной примете, соловей начинает петь, «когда напьется воды с березового листка» (то есть когда у березы лист настолько развернется из почки, что на нем может уместиться капля росы), и примета эта совершенно верная. У нас, под Петроградом, время это приходится на заурядную весну на первые дни мая. Сначала прилетают самцы, а спустя дней пять-шесть и самочки. В первое время по прилете соловьи поют преимущественно по ночам, днем же лишь изредка насвистывают небольшие фрагменты из своих песен. Не будучи вовсе ночной птицей, соловей превращается на это время в ночного певца, для того чтобы песней своей извещать и приманивать летающих по ночам самочек (во время весеннего прилета и осеннего отлета соловьи летят только по ночам). Когда же начнется витье гнезд, тогда песни поются больше днем, а также в утренние и вечерние зори. Впрочем, некоторые соловьи так и остаются преимущественно ночными певцами, и это большей частью бывают лучшие мастера пения.

Самый разгар соловьиного пения приходится на время витья гнезд и кладки яиц. Время это совпадает у нас с цветением ландыша и сирени. С отцветанием сирени ослабевает и соловьиная песня, а к 15 июня и вовсе умолкает. «Певец любви» замолк, и мы не услышим его более – до следующей весны!

Любимыми местами пребывания соловьев являются поросшие ивовыми и другими кустами долины рек, полевые болота и вообще всякого рода кустарники вблизи проточной или даже стоячей воды, а также большие сады и парки. Только в этих последних, для того чтобы в них держались соловьи, должны быть глухие, запущенные

и поросшие кустами (в особенности крыжовником и смородиной) уголки, в которых не убирается опавшая прошлогодняя листва: под прикрытием кустов соловей безопасно будет вить свое гнездо на земле или невысоко над нею, в прошлогодней же листве будет копошиться, разыскивая в ней, подобно дроздам, свой корм, состоящий из различного рода червей, гусениц, личинок, небольших жучков и других насекомых. Осенью соловьи охотно едят также и разные ягоды, в особенности бузину.

По земле соловей прыгает на манер дрозда – большими, смелыми скачками. При этом после каждых трех-четырех прыжков останавливается и, грациозно выпрямившись и вздернув свой довольно длинный хвостик высоко над крыльями, оглядывается вокруг – так, как это делают дрозды, которым соловей приходится весьма близким родственником.

Во время пения соловей сидит большей частью невысоко, всегда насупившись, как бы сгорбившись, свесив крылышки, и позволяет обыкновенно близко подойти к себе. Вообще соловей – птица доверчивая и не строгая, а потому легко идет во всякие западни и ловушки.

Гнездо соловья не представляет собой особенно искусной постройки. Снаружи оно состоит обыкновенно из сухих прошлогодних листьев, внутри же – из тонких, сухих травок и былиночек. Самочка кладет в него пять-шесть одноцветных серовато-зеленых яиц. Высиживание продолжается 14–15 дней; птенчики выкармливаются гусеницами, личинками и червячками. В конце июня молодые соловушки вылетают из гнезда – в сероватом оперении, с бурыми крапинками; взрослые же вскоре после этого начинают линять. Соловей делает только один вывод в лето; ко второму он приступает только в том случае, если первый был кем-нибудь разорен.

В конце августа соловьи отлетают на юг. Сначала все собираются, перелетают по кустам один к другому, как бы переговариваясь тихим «так-так», потом вдруг оставляют местность своего обитания. Трогаются в путь всегда вечером, когда стемнеет, и летят небольшими стайками – в два-три семейства. Улетают они далеко – в тропические страны. Летом соловей водится, за исключением Крайнего Севера,

по всей России, повсюду, где только есть подходящие для него места. Он гнездится также в Крыму и на Кавказе.

Нужно заметить, что среди соловьев рядом с первоклассными певунами бывают и весьма посредственные. Плохие певуны – это большей частью соловьи молодые, еще не успевшие перенять у взрослых их мастерство. Также и по местностям есть различия в пении этих птиц: в одних местах держатся одни хорошие певцы (конечно, не считая начинающих молодых), в других же – знаток соловьиного пения забракует всех поющих соловьев. Выражаясь словами птичника: «Иной дельно поет, с толком, и колена хороши, и склад есть, а иного и слушать досадно: огородник – кричит зря. Ни складу, ни ладу, только мешает хорошего слушать. Рад его палкой убить...»^[181]. По мнению птичников, превосходные певцы водятся именно в тех местностях, где птица держится свободно в большом количестве, не пугана, не вылавливается, потому что один хороший соловей нескольких «ставит на хорошую песню». Лет 30–40 тому назад особенно славились курские соловьи, за которых любители плачивали до 2000 рублей за штуку! В настоящее время предпочитают соловьи киевские: 100–200 рублей за хорошего певца – и в нынешнее время не редкость. А какие бывают любители и знатоки соловьев, можно видеть из следующего рассказа^[182].

«В пору прилета приводилось нам крыть соловьев. Чудесная это охота. В то время, когда ползет молодая травка и забуреют зеленью деревья, сердце так и колотит в грудь. Какое-то особенное, отрадно-тревожное чувство охватывает тебя всего; сила этакая овладевает и управляет тобой, как хочет. О чем ты ни думай, как ни развлекайся, а все стоишь на одном: если такая погода продлится еще неделю, соловьи должны прилететь. И пойдешь лучки прилаживать. Не порвалась ли сеть, крепки ли петли, не перетерлась ли веревка. Все хорошо, все задолго осмотрено и улажено. Нет – тебе не терпится. Двадцать раз возьмешь, повертишь, прикинешь на полу, покроешь – и как бы успокоишься. Подойдешь к окну, взглянешь на деревья в соседнем саду, на кустарник, и сам себе говоришь: дня через два, через три должны соловьи прилететь. Тепло, так и парит; почка расхлалась; кустарник покрывается мелким листом. Ночью не спится, ворочаешься, припоминаешь места; думаешь: покроют, мошенники, – потому место такое, кто его обойдет. Особенно

рыжий – вычистит, ни одного пера не оставит. И решишь: завтра пойду посидеть с вечера, должны прилететь. Таким образом, передумаешь несколько раз одно и то же – и соберешься... Помнится, в барском лесу крыл я соловьев. Пришел ночью: темно, зги не видно; место было замечено. По дороге кое-как прошел, а как своротил в сторону, к осиннику, – сажень в трех от дороги нужно сесть, – все лицо изодрал сучьями. Ночь была теплая, тихая. Не шелохнет нигде; только сучья щелкают по лесу в разных местах. Изредка что-то шарахалось, да вдали камышевка всю ночь пела. Потом варакушки слышались с болота и разные голоса; этак переключкою, то тут, то там. К утру, чуть только забрезжилось, невдалеке слышу дрозд (певчий) начал: тихо этак свист дал и запел – едва разобрать можно. Потом, словно словами, закричал сильно: „Приди-кум, приди-кум”, – так и выговаривает: раза три повторил это; да еще: „Деньги – есть! Деньги – есть! Выпьем, выпьем”, – скажет потом с хрипощей этак перещелкнет да как „филюлюкнет“ по лесу-то – ну, просто целовать надо птицу. Тут, слышу, сзади „фррру“, и полее „фррру, фю-ить“, и подальше „фю-ить, тио, тио, тио, тио, тио“. Здорово сделал: кажется, каждое слово-то у него в землю уходит на три аршина. Потом, как шаркнет дробями – так это по лесу-то заговорило, Господи Боже мой! Потом как пульканье сделал, фу-ты! Отчетливость какая. И что он тут делал – уму помрачение. Двенадцать колен у него было, и одно к одному, ни одной помарки. Песня была высокая, не было у него этой бабьей томности, а сила и торжественность этакая: ниц упадешь перед ним. Ахнул он, помнится, раскатом, так лес-то, кажется, дрогнул от этой силы. Начал обыкновенно, потом выше и так просыпал, что себе не веришь, птица ли это делает? И тут же, раскат еще не стих по лесу, длинной пустил стукотней, потом сдвоил этак раза четыре свистом и сильно сделал „га-га-га-га-га“... Этаким чудным был соловей...»

А вот как этот соловей был пойман рассказчиком:

«На краю леса шла ровная, узкая дорога, по линии которой, редко один от другого, стояли большие дубы, а с другой стороны ровно длинной полосой стоял орешник. Тут в одном месте возле него стояли четыре небольшие, в руку толщиной, осинки. На одной из них, как сейчас гляжу, кривая этакая, поменьше всех, и держался соловей. Бывало, постоянно на ней, на верхнем сучке сидит и тарарахает

на весь лес. И часто поет-поет – смолкнет, вскинет несколько раз хвостом и сразу пульк вниз, в орешник. Вот это самое место и было мною замечено, тут я и сидел шагах в десяти от него: в поросли у пня был у меня шалашик забран. Сижу в ту пору здесь утром, слушаю, а самого так и бьет, рук не могу удержать, трясусь. Гляжу по осинам-то – весь на глазах, на той же самой сидит стройно, крылья этак опустил и сильно делает отличное колено желной, потом как пустит этаким глухим свистом, так точно меня снизу кто-то шилом ткнул: вскочил с места-то, шагов пять отбежал и встал как каменный. Опомнился, когда он увидел меня и перелетел. И тут скорее бы уже лучок ставить, а я – то к шалашу сунусь, то к соловью, бегаю, как дурак, и не знаю, за что взяться. Насилу опомнился, схватил лучок, подбежал; туда-сюда глазами-то, смотрю – шагах в пяти от меня такает в орешнике; поскорее поставил лучок, пустил подвязного^[183], отбежал за куст, да самочкой ему – фить-фить! Смотрю – перелетает, подобрался этак, хвостом помахивает да такает. А я ему опять – фить: как сделаю, так он ближе. Вижу, шагах в двух сел от лучка, увидел подвязного и раз к нему. Я хлоп! Вскочил: тут, бьется под сеткой... Бегу к нему да крещусь – дельно уж очень покрыл. Вынимаю его из-под сетки, а руки так и скачут; крылья бы связать – не могу, колотит лихорадка всего, да и шабаш: раззарился очень. Посадил в кутейку, снял лучки и не завязал ничто, марш домой. С версту этак прошел, хватъ – ца где же у меня картуз-то? В лесу оставил. Ну, да, мол, завтра схожу, где-нибудь там.

Четыре года жил у меня этот соловей, и забыть я его не могу. Бывало, запоет – по всей улице соседи окна отворяют. И что ни возьми у него, любое колено чисто, отчетливо, и вся песня истинно нотная; постановка колен, стройность – редкая. Конечно, как на кого: иной ценит нежность, а иной силу и чистоту. В том и другом случае главное дело – склад песни. Хороший соловей поет с толком, у него песня, помимо достоинства колен, имеет склад. После сильного колена поставит легкое, нежное, потом пойдет переставлять колена в средних нотах, примерно клыканье, дудки, свисты и прочее, потом двумя коленами повысит, шаркнет – и опять умилит до слез. Чем полнее песня, тем лучше; только редкий многоколенный соловей без помарки – мажет, что называется: ставит в песне пискливо-

Чричи-чу, чричи-чу, чричи-чу.

Ци-вит (тихо), клной (громко), клной (очень громко).

После этих 12 колен песня повторялась, причем колена нередко исполнялись в ином порядке.

В заключение несколько слов о том, как нужно обращаться с соловьем в неволе. Только что пойманному соловью нужно тотчас же связать крылышки, посадить его в клетку, обтянутую какой-нибудь тканью (лучше всего редким, «посылочным» холстом), и поместить в тихий уголок, чтобы птица не пугалась, иначе она может забиться до смерти. Через час или более, когда птица несколько оглядится и проголодается, станет прыгать по клетке, дать ей немного свежих муравьиных яиц. Когда съест первую порцию, значит, дело ладно – будет жить. Затем следует дать вторую и третью порции. На другой день повесить клетку на потолке, подальше от окна (чтобы не дуло), и давать корм аккуратно два раза в день – утром и часа в 3–4 пополудни, так же и в следующие дни. Дня через два-три соловей (весеннего лова) обыкновенно уже начинает запевать. Когда совсем обседится и привыкнет к хозяину, крылья нужно развязать и клетку с одной стороны открыть до половины. Кормить свежими муравьиными яйцами, пока можно доставать, а затем сухими, обваренными предварительно кипятком и отжатыми и смешанными с тертой свежей морковью и толченым сухим белым хлебом. Хорошо подмешивать время от времени мелко нарубленное вареное мясо, тараканов и червячков, в особенности во время линяния. Питейка должна быть просторная, чтобы птица могла купаться. При хорошем уходе соловей может держаться лет пять-шесть и даже более. Запевать начинает в клетке нередко уже к Рождеству, постепенно пополняет песню до весны; с апреля до половины июня поет в полной силе и красоте, потом начинает убавлять понемногу и сокращать – до линьки, когда замолкает до декабря.

В юго-западной России, рядом с нашим обыкновенным соловьем, водится и другой, так называемый *западный соловей*^[184] или *австрийский* (у птичников) (рис. XIX). Наш соловей доходит только до восточной части Германии, далее же к западу, во всей остальной Европе, водится только западный соловей. Отличается этот последний от *восточного соловья* несколько меньшей величиной^[185]

и немного по окраске^[186]. В песне эти два соловья разнятся весьма значительно: песня обыкновенного (восточного) соловья отличается большей мощностью, торжественностью, звучностью, она более членораздельна, и колена в ней более разграничены; она поется строфами и приближается в этом отношении к характеру песни певчего дрозда. В песне же западного соловья более нежности, закругленности, слитности, а меньше звучности и силы. Мне приводилось слушать пение западного соловья в Германии, во Франции и в Крыму (в долине Бельбека, близ Севастополя). Признаться, после могучих, величественных посвистов нашего (восточного) соловья мне показался очень слабеньким столь воспеваемый немецкими поэтами *Nachtigal* (а французами – *Rossignol*). Впрочем, может быть, я встречал не особенно хороших певцов.

На Кавказе кроме восточного соловья водится еще *персидский соловей*, или *соловей Гафиза*^[187] (названный так нашим известным ученым Северцевым, вероятно, в честь знаменитого персидского поэта Гафиза, столь прекрасно воспевавшего в своих стихотворениях «царя певцов» – соловья и его любовь к «царице цветов» – розе). Персидский соловей по окраске и нежности пения ближе стоит к западному соловью, чем к восточному. Говорят, в его песне вовсе нет сухих, трескучих колен, так часто встречающихся в песнях наших соловьев, но в то же время песня эта значительно беднее содержанием и однообразнее, чем песня нашего соловья.

Образ жизни обоих этих соловьев почти ничем не отличается от образа жизни нашего, восточного, соловья.

Малиновка^[188]

(рис. X)

*Уж летят твои сестрицы
К нам из-за моря сюда,
Жди же, жди весны-царицы,
Теплой ночи и гнезда.
Я пущу тебя на волю;
Но послушай: заведешь
Ты мне песенку, что полю
И своим лесам поешь?
Знаешь, ту, что полюбили
Волны, звезды и цветы,
А задумали-сложили
Ночи вешние, да ты.*

Л. Мей

Близкая родственница соловья, малиновка^[189] принадлежит к числу таких птиц, узнать которых – значит полюбить и скучать, когда не имеешь их близко около себя.

Нынче первая зима – после целого ряда зим, что у меня нет в комнате малиновки^[190], и редкий день проходит без того, чтобы кто-либо из домашних не вспомнил об этой птичке, не пожалел, что нет у нас нынче «милочки». (Название «милочка» давалось у нас каждой малиновке, приобретаемой обыкновенно осенью, по весне же выпускаемой на волю.) И действительно, эта птичка – одно из очаровательнейших Божьих созданий: столько в ней грации, изящества и поэзии. Стройные длинные ножки, красиво выпяченная вперед желтовато-красная грудка, аккуратная головка с большими умными черными глазами и изящным тонким клювиком, довольно длинный, элегантный хвостик, который птичка так грациозно вздергивает кверху, выделявая свои отрывистые поклоны, с характерным «тик-тик» в минуты волнения, – все это в высшей степени изящно, грациозно и красиво. Если же к этому еще

прибавить, что малиновка – прекрасная певунья, что она легко ручнеет и, раз сделавшись ручной, становится как бы членом семьи или другом дома, то, надеюсь, читатель согласится со мной, что такую птичку нельзя не полюбить и не привязаться к ней всей душой.

Водится малиновка, кроме Крайнего Севера, по всей Европейской России. В Крыму ее знают больше как пролетную – весеннюю и осеннюю – гостью, хотя она там и гнездится. На Кавказе ее заменяет очень сходная с ней *персидская малиновка*.

Прилетает к нам эта птичка весной весьма рано, обыкновенно ко времени распускания цветочных сережек ольхи (под Петроградом в конце марта или в начале апреля). Как и большинство мелких насекомоядных птиц, малиновка прилетает ночью и в первое же утро по прилете дает о себе знать своей прелестной песней. Песню эту невозможно выразить, даже приблизительно, какими-либо буквами. Она представляет собой ряд слегка прерывающихся серебристых переливов (словно пересыпаются маленькие серебряные бубенчики); среди этих переливов местами выдаются громкие флейтовые нотки, и вся песня имеет какой-то торжественный и в то же время грустный, меланхолический оттенок. Слушать ее в туманное мартовское утро, когда природа едва только начинает приходить в себя от зимнего забытья, – истинное наслаждение. С прилетом малиновок весенняя природа делает большой шаг вперед – настолько ее сразу оживляют прелестные песни и красные грудки этих милых птичек.

Кто желает познакомиться с малиновкой и ее песнями, тот должен это сделать именно ранней весной, пока деревья и кусты не оделись еще в листья и пока песни этой птички еще не заглушаются громкоголосым пестрым хором других, позже прилетающих, певчих птиц. В это ранне-весеннее время малиновка поет почти целый день. Сидит она во время пения на ветке дерева неподвижно и большей частью довольно открыто, так что найти ее и разглядеть хорошенько весьма не трудно. С распусканием зелени на деревьях малиновка поет уже больше лишь в утренние и вечерние зори. Нередко можно услышать пение малиновки и осенью, в теплый сентябрьский день, в отлетное время, но только тогда ее песня, конечно, далеко не так звучит, как весной, хотя и чрезвычайно ценна при общем осеннем молчании.

Малиновка – певец чрезвычайно ретивый: она почти последняя умолкает вечером и первая встречает песнями утреннюю зарю (отсюда название *зарянка*).

Любимыми местами пребывания малиновки являются сырые, смешанные (хвойно-лиственные), но не старые леса, с подлеском. В особенности она любит держаться поблизости берегов лесных ручьев, поросших ольховыми деревьями (отсюда название *ольшанка*). Стоя в таких местах в конце апреля, вечером, на тяге вальдшнепов или проводя ночь на глухарином току, можно иногда услышать десятки одновременно поющих малиновок. (В наши северные светлые весенние ночи эти птички поют чуть ли не всю ночь напролет.) Также охотно держатся малиновки в больших садах и парках, где есть вода. Они не боятся близости человеческих жилищ.

В мае малиновка вьет гнездо – из сухих листочков, мха, тонких веточек и былиночек, выстилая его внутри волосом, шерстью и перышками. Помещается гнездо или в кустах, на земле, или невысоко над землей, в дупле дерева, в углублениях стен садовых построек и в разных других удобных закрытых местах. Самочка несет пять-семь белых или желтоватых яиц, испещренных ржаво-желтыми пятнышками и крапинками. Высиживают самочка и самчик попеременно, причем самчик обыкновенно сидит на гнезде днем, самочка же ночью; вот почему с половины мая днем уже редко приходится услышать песню малиновки (поет ведь только самчик).

Кормится малиновка личинками, гусеницами, мелкими жучками, пауками, слизняками и тому подобными тварями, которых разыскивает обыкновенно на земле, шаря, на манер дроздов, под опавшими листьями, в траве и во мху. Осенью эта птичка охотно лакомится также и всякими сочными ягодами. Птенцы выкармливаются исключительно различными червячками (гусеницами, личинками и т. п.).

Первые 2 недели по вылете птенцов из гнезда родители держатся вместе с молодыми, отличающимися от них своим пестрым, буро-красчатым оперением. При этом беспрестанно можно слышать предостерегательное, тонкое «тссс» и призывное «тик-тик» или «тик-тирик-тиктик» – вроде сухой трели или стрекотания – при очень сильном возбуждении.

Как только молодые малиновки сделаются достаточно самостоятельными, родители их приступают ко второму выводу.

Покончив с заботами по выводу детей, взрослые малиновки вместе с молодыми бродят преимущественно по садам, куда их привлекают лакомые ягоды. Здесь они держатся до наступления отлетной поры, которая у нас, под Петроградом, начинается с середины сентября и продолжается до середины октября, а иногда и более. Мне случалось встречать у нас малиновок даже в конце ноября, спустя несколько недель после того, как устанавливался санный путь и бывали уже весьма изрядные морозы. В более южных местностях нередко отдельные экземпляры малиновок остаются зимовать, причем они придерживаются человеческих жилищ и в особенно бурное и морозное время даже залетают в сараи и сени домов. (В Западной Европе это явление нормальное, поэтому там всякий – в особенности деревенский житель – хорошо знает эту милую птичку. Вот почему Rotkelchen и Rouge-gorge так часто фигурируют в различных немецких и французских стихотворениях и детских рассказах.)

Характер у малиновки весьма своеобразный. В нем есть и дурные, и хорошие стороны. К числу первых принадлежит драчливость и неуживчивость, как с себе подобными, так и с другими птицами, благодаря чему эти птички и держатся на воле всегда поодиночке; также и в неволе их нельзя держать в общих садках с другими комнатными птичками; исключения бывают, но весьма редкие. Мне принесли однажды осенью, в сентябре, молоденькую, совсем еще пестренькую малиновку. Не зная еще тогда хорошо нрава этой птички, я посадил ее в большой общий садок, где у меня находилось 14 различных представителей пернатой публики (зеленушка, щур, щегол, зяблик, коноплянка, клест, чечетка, ополовничек, чечевица, чижик, снегирь со снегуркой, пухляк и московка). До декабря, пока наша «милочка» не сменила еще вполне своего детского пестрого костюма на наряд взрослой красногрудой малиновки, до тех пор все обстояло благополучно: она была мила, скромна и составляла даже истинное украшение садка. Чуть, бывало, вечером зажгутся на рояле свечи и раздастся музыка, как «милочка» встрепенется, «затиктакает» со своими обычными отрывистыми поклонами, усядется на ближайшую к огню жердочку (садок стоял недалеко от рояля) и, уставившись прелестными большими черными глазенками

на играющего, так мило станет напевать вполголоса свою серебрястую песенку, что просто хоть расцелуй ее!

Но однажды (кажется, это было в конце декабря) слышу я из другой комнаты необычайное смятение в садке и время от времени громкий великолепный переливчатый свист. Прибегаю и что же вижу? Наша тихая, скромная «милочка» словно вдруг переродилась в какого-то ястребенка: распугав по углам всех птичек (даже большого щура), сидит, пригнувшись к жердочке, свесив крылья, плотно подобрав все перышки, вытянув шею и вперив «молниеносный» взгляд на самую верхнюю жердочку, на которой испуганно прижималась к стенке добродушная зеленушка. Точь-в-точь, как тигр, собирающийся сделать смертоносный прыжок на подкарауленную добычу! Не успел я опомниться, как маленькая забияка, с громким флейтовым свистом стрелой ударила в бедную зеленушку и, сбив ее с жердочки (даже пух полетел!), снова приняла прежнюю угрожающую позицию, только теперь устремив свой взор уже книзу, туда, куда переместилась сбитая сверху зеленушка. Видя всеобщее смятение обитателей садка (ничего подобного между ними не бывало) и опасаясь как за их благополучие, так и за благополучие самой «милочки», я поспешил принести сетку, которой ловят бабочек (без палки, конечно), и, накрыв маленькую злючку, пересадил ее в отдельную клетку – в одиночное заключение! Здесь она снова стала прежней «милочкой»: брала из рук таракашек, напевала вполголоса свои песенки, вылетала и влетала в клетку, словом – была очаровательная птичка. Спустя некоторое время, я попытался снова впустить ее в общий садок; но дня через два она опять стала буяннить, так что пришлось окончательно отказаться от мысли держать ее в общем садке. Два года спустя, я снова сделал попытку держать взрослую малиновку в общем садке. Эта вела себя совсем скромно и ни с кем не ссорилась, но только вовсе не пела; когда же я отсадил ее в отдельную клетку – тотчас же начала напевать. Вообще, нужно заметить, что большинство певчих птиц охотнее поют, когда находятся в клетке совсем одни.

К числу хороших сторон малиновки относится ее сострадательность к больным и беспомощным птичкам. Брем рассказывает (в своей «Иллюстрированной жизни животных»)

следующих два случая, в которых прекрасно выразилась эта трогательная черта характера нашей птички.

Две малиновки (самчики) были посажены вместе в одну клетку. С первой же минуты между ними установились враждебные отношения: вечно они ссорились из-за каждого кусочка пищи, вечно дрались и гонялись друг за дружкой, словно смертельные враги... Как-то раз случилось, что одна из них сломала себе ножку. Тотчас же прекратились все ссоры и раздоры: оставшаяся здоровой малиновка не только забыла все свои счеты со столь ненавистным прежде сожителем, но даже стала немедленно ухаживать за больным, приносила ему пищу и всячески выражала свою о нем заботливость. Сломанная ножка срослась и зажила, выздоровевший самчик стал снова бодр и крепок, как и прежде, но ссоры между ним и его благодетелем прекратились уже навсегда.

В другом случае, пойманный на гнезде самчик малиновки, принесенный вместе со своими птенцами в комнату, продолжал и здесь кормить и согревать их, как и прежде на воле, и вполне благополучно вырастил в комнате всех своих птенцов. Спустя неделю в ту же комнату было принесено другое гнездо, с птенцами другой малиновки. Тот же сердобольный самчик тотчас же, как только услышал жалобный писк голодных и беспомощных птенцов, подлетел к ним, долго и внимательно их рассматривал, затем поспешил к кормушке с муравьиными яйцами и, набрав полный клюв корма, угомонил голодных крикунов. С этой минуты он принял на себя уход за вновь принесенными птенчиками, которых и выкормил в лучшем виде, как будто это были его собственные птенцы.

Насколько ручная малиновка привязывается к дому и своим хозяевам, можно судить по следующему примеру: однажды, в мае, собираясь уезжать на все лето с семьей из дому, я вынес клетку с прожившей у меня всю зиму «милочкой» на крыльцо и открыл дверцу. Птичка выпорхнула на ближайший куст сирени, но через несколько минут снова вернулась на крыльцо, уселась на спинку стула и затем юркнула между нами через открытую дверь в сени. Пришлось ее вторично выпроваживать, однако она еще долго держалась по соседству – близ моей квартиры.

Уничтожением большого количества насекомых малиновка приносит нам весьма существенную пользу.

Содержать малиновку в клетке нужно так же, как и соловья, только для нее не требуется непременно клетка с мягким верхом. Вообще, эта птица гораздо крепче и менее взыскательна, чем соловей, требующий всегда весьма тщательного ухода. Так как малиновка очень любит купаться, то ей нужно по крайней мере два раза в день менять воду. А как весело смотреть, как она купается и как затем, вымокнув, что называется, до последней нитки, станет на жердочке отряхиваться и грациозно охорашивать свои перышки! Также следует ей давать осенью и зимой по три-четыре таракашка (или мучных червя) в день, для того чтобы она не заставила долго ждать со своими песнями. А звучат эти песни в комнате еще красивее, чем на воле, и тогда кажется среди зимы, словно влетела в комнату красавица-весна!..

Горихвостка^[191]

(рис. XIV)

*Для воскресшей земли дни страданий
прошли
С непогодой, метелью, морозами.
Пробудилась весна... Счастьем веет она,
Возрожденная сладкими грезами...*

В. Величко

*Из-под камней пробиваются
Зелени яркой листы,
Небо смеется, и ласково
Ветер целует цветы.*

Д. Минаев

Путь начнут зеленеть в садах газоны, а у березы и черемухи станет расхолачиваться почка, прилетает в наши сады и парки маленькая^[192], красиво окрашенная птичка, тотчас же дающая о себе знать весьма громким, как бы грустно-тревожным, свистом, повторяемым обыкновенно много раз кряду: «фюить-фюить-фюить...». Ржаво-красная грудка и брюшко, черное горлышко, белый лоб, буровато-серая спинка и ржаво-красный хвостик – вот красивый наряд самца *горихвостки*. Самочка окрашена в более скромный серовато-бурый наряд, и только хвостик у нее такой же красный, как у самца. Молодые горихвостки – почти сплошь буренькие и испещрены светлыми пятнышками.

Горихвостка – одна из самых распространенных и многочисленных наших птиц. Она гнездится по всей России, от самого Крайнего Севера до Кавказа включительно. (В Крыму гнездится очень сходная с ней *белокрылая горихвостка*^[193] – с белыми продольными полосами на крыльях.) Нет почти такого сада – даже среди многолюдных городов, в котором не водилось бы

горихвосток; про парки уже и говорить нечего. Впрочем, горихвостка водится не в одних только садах и парках: нередко ее можно встретить также и на лесных опушках, вдали от человеческого жилья; лесной чащи она избегает.

В местах своего летнего пребывания горихвостка ведет довольно открытую жизнь. Во время пения она сидит обыкновенно на виду и близко подпускает к себе наблюдателя, так что ее нетрудно хорошо рассмотреть, в особенности в бинокль. Еще удобнее наблюдать ее в то время, когда она слетает на землю, чтобы схватить какое-нибудь насекомое. Также нередко можно видеть горихвостку сидящей на заборе, на живой изгороди, на поленнице, на которых иногда помещается и ее гнездо.

Песня горихвостки большей частью состоит из одной только строфы, довольно короткой (не длиннее, чем у зяблика), но весьма звучной и красивой, с грустным оттенком. Словами выразить эту песню очень трудно. Особенно характерно в ней начало – весьма громкое и очень высокое «ии», за которым следует перелив из ряда более низких тонов; окончание строфы неопределенное – почти каждый раз иное. У некоторых горихвосток – мастериц пения – встречаются иногда в песне отдельные свисты, почти соловьиной силы и красоты, но это редко. Некоторые из них являются также и весьма недурными пересмешниками, прекрасно подражающими голосам других певчих птиц. Такая горихвостка-пересмешник начинает свое пение обыкновенно чужими голосами, оканчивает же всегда своей, характерной для нее, фразой.

Выше было упомянуто о характерном «фюить», которым горихвостка извещает обыкновенно о своем прилете. К этому громкому, далеко слышному свисту (в общем сходному с «фюить» пеночек, но только несравненно более громкому и резкому) нередко прибавляется «тэк-тэк», что особенно часто делается во время вывода птенцов, когда к гнезду приближаются человек, кошка или вообще какое-нибудь существо, в котором горихвостка почему-то подозревает злое намерение. Когда беспокойство этой птички достигает высшей степени, тогда издается одно только «тэк-тэк» много раз кряду, и лишь изредка вставляется с большими промежутками «фюить». Чем ближе приближается враждебное существо к гнезду, тем чаще следует одно за другим «тэк-тэк-тэк» и тем реже «фюить».

Горихвостка принадлежит к числу самых ретивых пернатых певцов. В самый разгар весны она поет чуть ли не круглые сутки: умолкая лишь в десятом, одиннадцатом часу вечера (у нас, на севере), снова начинает петь около полуночи, так что просто удивительно, как мало требуется отдыха для этой маленькой певички. Во время пения горихвостка сидит всегда неподвижно – обыкновенно высоко на дереве, стройно вытянувшись – причем, как было уже упомянуто, ее нетрудно и увидеть.

Самым характерным отличием горихвостки от всех остальных наших птичек является ее беспрестанное потряхивание хвостиком – именно потряхивание, а не размахивание, как, например, у трясогузки.

Вскоре по прилете горихвостки приступают к выводу детей. Плохенькое, рыхлой постройки гнездо помещается большей частью в дупле дерева; за недостатком же дуплистых деревьев – также в углублениях стен, в поленницах, в оставшихся свободными скворечницах и т. п., иногда же и просто на земле, в каком-нибудь углублении, прикрытом свесившимися ветками куста. Самочка несет пять-семь хорошеньких, бледно-голубовато-зеленых, яичек, гладких, без всяких крапинок, и высидивает их попеременно с самчиком.

Когда молодые горихвостки вылетят из гнезда и выучатся сами кормиться, родители приступают ко второму выводу.

Кормятся горихвостки различными насекомыми, во всех стадиях их развития; ловят на лету бабочек, мух, а также собирают с земли личинок, гусениц, куколок и т. п. Осенью, при недостатке насекомых, горихвостки кормятся также и ягодами.

Уничтожая большое количество насекомых, в числе которых попадает не мало и вредных для садовода и сельского хозяина, горихвостка является полезной для человека птицей, не говоря уже о том, как мило украшает собой это хорошенькое и красиво поющее существо наши сады, парки и рощи.

В клетке горихвостка встречается не часто. Говорят, что она очень надоедает своим беспрестанно повторяемым, беспокойным «фюить», хотя я вовсе не могу этого сказать про горихвостку, которая жила у меня одну зиму в клетке. Клетка для свежепойманной горихвостки должна быть с верхом, как для соловья и жаворонка;

обсидевшуюся же птицу можно держать в любой клетке. Кормить ее следует так же, как и соловья.

В Польше, кроме обыкновенной горихвостки, местами гнездится еще и другая – *горихвостка-чернушка*^[194]. Если на нее смотреть спереди, то она кажется совсем черной. На лбу у нее нет белого пятна, но крылья – с белым. Хвост ржаво-красный. Эта горихвостка очень любит распевать свои песенки (гораздо менее звучные, чем у обыкновенной горихвостки), сидя на коньке крыши или на дымовой трубе. Чернушка иногда залетает в Лифляндию^[195]; также ее встречали в окрестностях Киева и под Одессой.

Варакушка [\[196\]](#)

(рис. XV)

*В окно повеяло весною...
Засвищут скоро соловьи:
И лес оденется листвою.*

А. Плещеев

*Уже утомившийся день
Склонился в багряные воды,
Темнеют лазурные своды.
Прохладная стелется тень...*

В. Жуковский

Покончив с дневными трудами, сельский житель, перед отходом ко сну, вышел посидеть на крылечке – подышать смолистым ароматом распускающейся березовой почки, освежить голову ласкающей прохладой весеннего вечера, послушать, не донесется ли из прибрежных кустов щелканье со дня на день ожидаемого «певца любви». Из соседнего леса изредка доносятся последние строфы певчего дрозда. В саду и в ближней роще допевают свои вечерние песни малиновки и горихвостки – все реже и реже – полусонливо... Вот и они умолкли. «Лазурные своды» темнеют все более и более. С песчаной отмели реки долетел тоскливый свист спугнутого кем-то куличка-перевозчика – долетел, повторился эхом в березовой роще и потерялся в клубах тумана, поднявшегося из сырой лощины. Вслед затем, как бы в ответ, из глубокой, широко размытой и поросшей ольховыми и ивовыми кустами канавы, раздалась отрывистая, свежая, полная весеннего задора песня: «Ти-ти-титити, рю-рю-рю-рю (как сверчок), титирю, тирю», – далее разнообразные прищелкивания, громкие свисты и затем какое-то пестрое негромкое бормотание-щебетание, плохо слышное издали. Сельчанин, собравшийся уже было уходить восвояси, остановился и стал прислушиваться к этой

странной песне. Заинтересовавшись пением таинственной ночной певуньи, он захотел поближе расслышать неясное издали бормотание птички. Подойдя осторожно к тому месту заросшей канавы, из которой раздавалось пение, он ясно мог расслышать, что упомянутое бормотание состоит из пестрого смешения разнообразных птичьих голосов и особого грудного ворчания или храпения. В общем, вся песня была интересна до чрезвычайности, временами она звучала необыкновенно светло и красиво, временами напевалась как бы про себя, втихомолку. То пела *варакушка*^[197].

Долго слушал сельский житель, сидя на полевом камне, у края канавы, пение этой интересной и прекрасной певуньи, пока холодок апрельской ночи не заставил его вздрогнуть раз-другой и вспомнить о теплой постели... Засыпая, он все еще прислушивался к звучным строфам этой песни, изредка долетавшим до его слуха даже через закрытое окно комнаты.

Варакушка – одна из самых красивых и поэтичных наших птичек. Стройная, изящная, на высоких тонких ножках, сверху буренькая, снизу беловатая, с ярко-синими горлышком и грудкой, с хвостиком наполовину (от основания) красным, наполовину темно-бурым, и со светлой бровкой над глазами – вот какой является эта милая птичка, приходящаяся вместе с малиновкой близкой родственницей соловью. В таком наряде, впрочем, щеголяет только самчик; у самочки же горло беловатое, и только на зобу находится голубая полоска. У молодых – верхняя сторона с желтыми пятнышками, горло белое, зоб черный.

К сожалению, это прелестное создание встречается далеко не так часто, как этого можно бы желать. Хотя варакушка и попадает на всем протяжении Европейской России, но гнездится преимущественно в северных и средних губерниях, а также и на Кавказе. В Крыму, если и бывает, то только на весеннем и осеннем пролетах. Кроме того, она не особенно многочисленна и на местах своих гнездований ведет довольно скрытный образ жизни. Легче всего ее увидеть весной, в прилетное время (у нас, под Петроградом, во второй половине апреля). В первые дни по прилете поющую варакушку можно встретить вблизи человеческих жилищ на невысоком, еще безлиственном дереве, где-нибудь

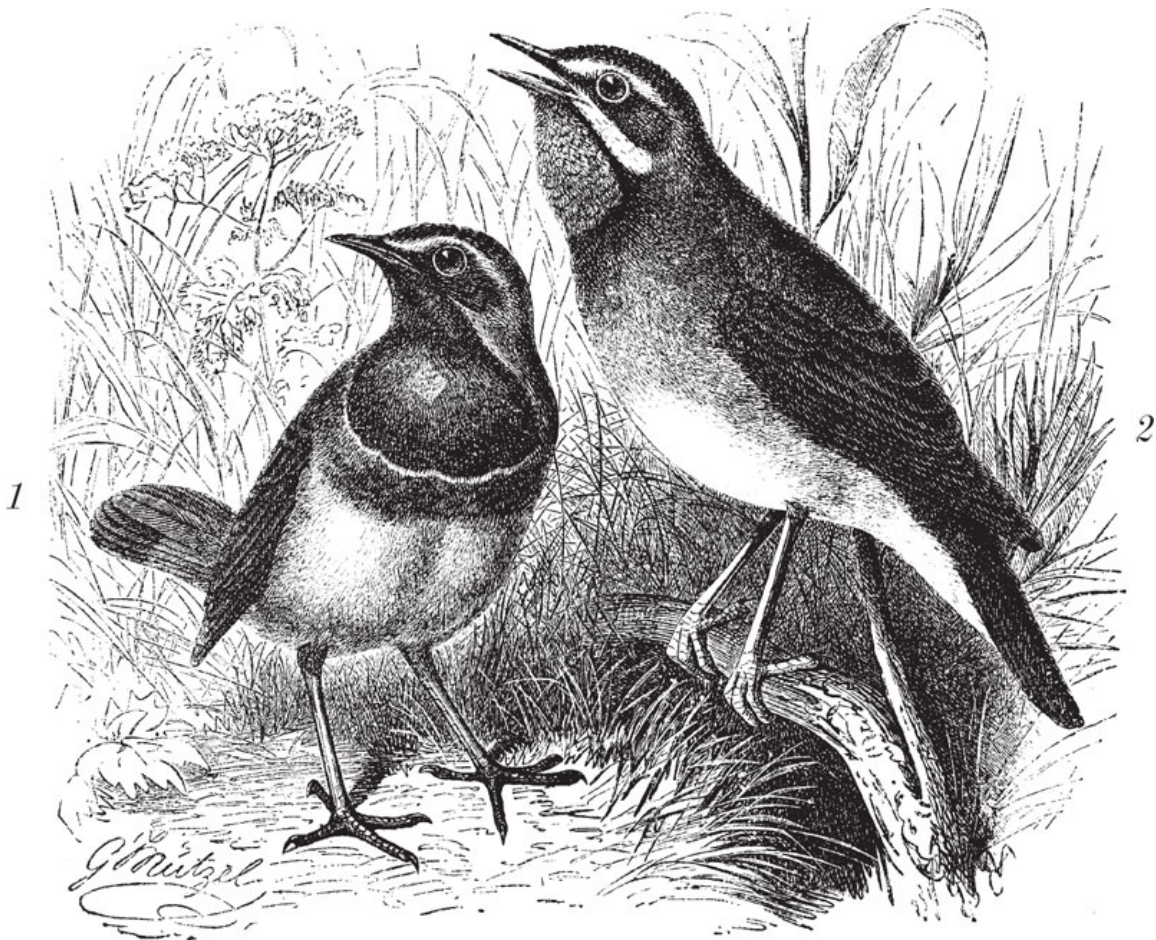
поблизости от проточной канавы или ручья; также на крыше водяной мельницы, полевого амбара, на перилах моста и тому подобных открытых местах. Позднее же, во время вывода птенцов, варакушки больше скрываются в кустах и редко попадаются на глаза.

Из встречающихся у нас варакушек одни имеют посредине синей грудки серебристо-белое пятно (*белозвездная варакушка*), другие же – ржаво-красное (*краснозвездная варакушка*). Попадают также варакушки и вовсе без грудного пятна^[198].

Любимыми местами гнездовой варакушек являются поросшие кустарником канавы с проточной водой, полевые ручейки, овраги и т. п. В лесах эта птичка не держится. Гнездо – рыхлая, плохенькая постройка из сухих стебельков и тоненьких корешков – помещается обыкновенно на земле, в ямке, тщательно скрытой под нависшей травой или прикрытой ветвями кустарника. Самочка несет шесть-семь светло-голубых с буроватыми крапинками яиц, которые высиживаются ею попеременно с самчиком.

Пищу варакушки составляют насекомые и их личинки, отыскиваемые ею преимущественно на земле, на манер ее родственников – дроздов и малиновок.

Осенью, в сентябре, варакушки отлетают на юг, в Африку. В это время нередко случается спугивать в кустах небольших темно-буреньких птичек, которые, пролетев с десятков шагов, снова быстро скрываются в кустах; при этом бросается в глаза их красный хвостик, раскрывающийся во время полета. Птички эти – варакушки.

Варакушка (1) и соловей-красношейка (2)

Варакушка – умная, бодрая и чрезвычайно подвижная птичка. Она быстро и грациозно бегает по земле, часто приостанавливаясь и грациозно приподнимаясь при этом на своих стройных, тонких ножках. При каждой остановке она обязательно покачает несколько раз своим хвостиком (вроде трясогузки, но только не так учащенно).

В клетке варакушка – милейшая птичка и поет весьма ретиво – как днём, так и вечером, при огне. Клетка для нее должна быть немного длиннее, чем для других певчих птичек – чтобы было где побегать, так как варакушка, если только не поет, большей частью бегает по клетке (а не скачет с жердочки на жердочку, как другие птички). Корм ей полагается такой же, как и соловью. У меня жила одну зиму прекрасная певунья-варакушка на следующем корме: к тертой моркови, смешанной с толченым сухим белым хлебом,

прибавлялись муравьиные яйца, мореные мелкие муравьи (мураши – приобретаются в птичных лавках) и 8-10 тараканов-прусаков в день.

На нашем рисунке рядом с варакушкой изображен *соловей-красношейка* – прелестная азиатская птичка, гнездящаяся, между прочим, и в азиатской части Пермской губернии и нередко залетающая в Оренбургский край. Сверху буроватая, снизу желтоватобелая, с великолепным ярко-красным (рубиновым) горлышком, птичка эта по своему характеру и образу жизни очень сходна с родственной ей варакушкой. Поет она, говорят, превосходно, хотя отнюдь не может соперничать с нашим соловьем.

Каменка^[199]

КОМУ СЛУЧАЕТСЯ часто ездить по шоссейным дорогам, или чьи прогулки направляются мимо старых каменоломен, или вообще каких-либо мест, на которых находятся кучи камней, тот, при некоторой наблюдательности, не мог не познакомиться с *каменкой*. Это та серо-белая птичка, которая так часто провожает прохожего или проезжего на значительном расстоянии пути, быстро перелетая через дороги, низко над поверхностью земли, с одной кучи щебенки на другую, показывая при этом свое ослепительно белое надхвостье (откуда название *попутчик*). Присев, хоть на секундочку на верхушку щебеночной кучи или на тумбочку дорожного мостика, каменка обязательно делает один-другой «поклон», порывисто вздергивая кверху свой наполовину белый (при основании), наполовину черный хвостик и наклоняя вперед головку (совсем так, как это делают малиновка и другие родственные ей птицы дроздовой группы). Нередко можно видеть ее также сидящей на телеграфной проволоке.

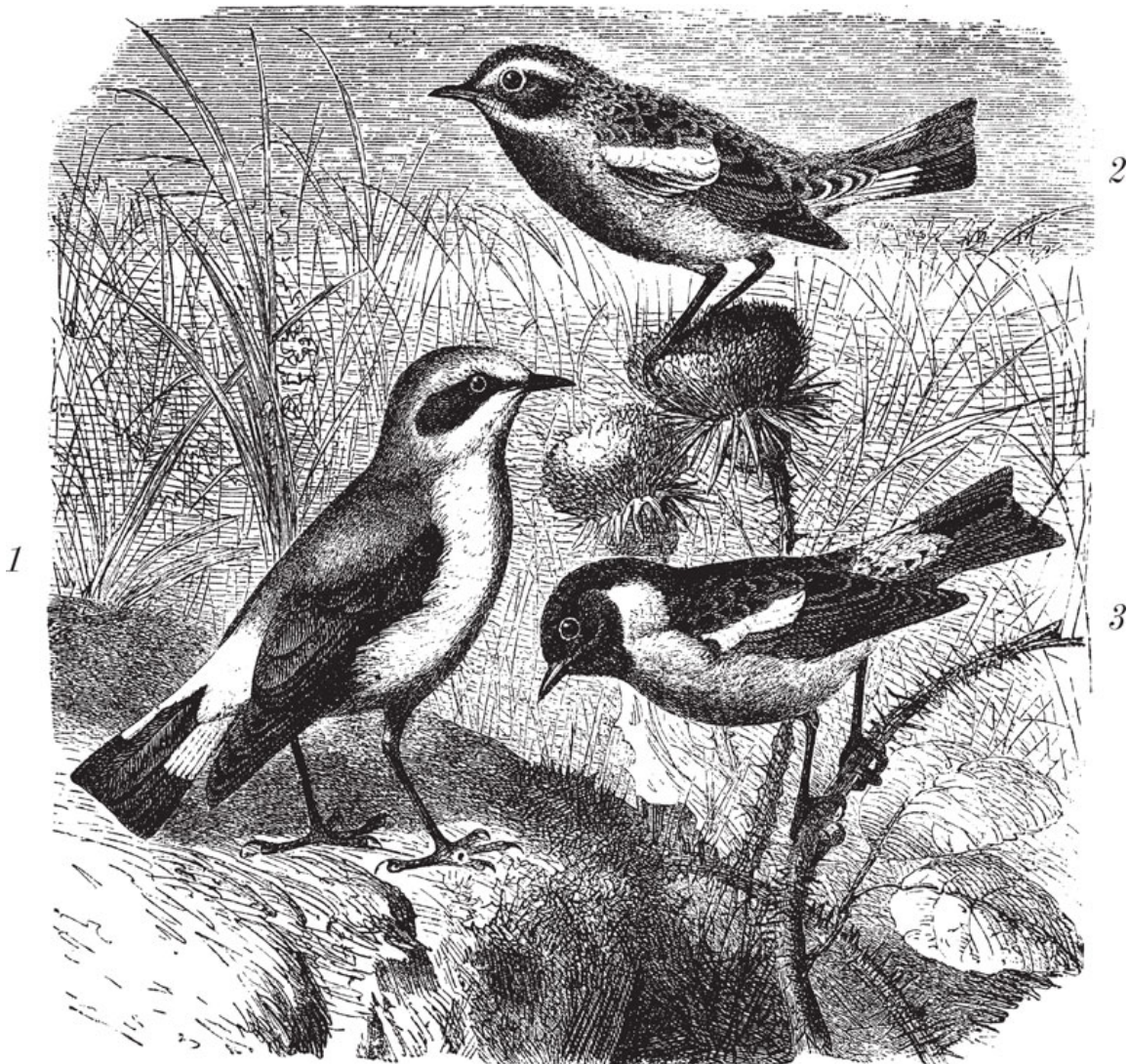
Прилетает к нам каменка весной довольно рано – в первой трети апреля. Гнездо ее мне чаще всего случалось находить в кучах булыжника, приготовленного для шоссейной щебенки. Впрочем, она помещает свое гнездо также и в других местах: в трещинах каменных стен и скал, в поленницах, изредка в древесных дуплах, в покинутых норах земляных ласточек и разных других углублениях. В мягких почвах за неимением других подходящих мест для помещения гнезда каменка роет даже сама норы. Гнездо состоит снаружи из грубо и рыхло сплетенных корешков, сухих трав, мочалочек и т. п., изнутри же плотно и мягко выстлано шерстью, перьями и пухом. Самочка кладет четыре-семь яиц, нежно-голубоватого или бледно-зеленоватого цвета, иногда с небольшой красноватой пестриной на утолщенном конце яйца.

Птенчики выкармливаются исключительно насекомыми (преимущественно разными кузнечиками), которыми питаются также и взрослые каменки. После вылета молодых семья каменок держится вместе, близ места гнездовья, и вместе же, всей семьей, отлетает на юг – в конце августа.

Призывный крик каменки звучит вроде нежного и довольно низкого свиста «тью, тью», к которому, если птица чем-нибудь возбуждена, прибавляется еще характерное «чрак», звучащее подобно тому, как если бы ударять камень о камень. Песня этой птички состоит из своеобразного смешения шипящих звуков с отдельными, довольно красивыми, флейтовыми нотками и произносится очень быстро и отрывисто. В общем, песня каменки стоит немного, хотя любитель пернатого царства не без удовольствия прислушивается к этой песне, например, самым ранним апрельским утром, когда на дворе почти совсем еще темно и не слышно никаких других песен.

Распространение каменки очень обширно: она гнездится по всей Европейской России – от Кольского полуострова и Мурманского берега до Крыма и Кавказа включительно. Она повсюду встречается лишь единично и принадлежит к числу не особенно многочисленных птиц.

Пойманные каменки трудно свыкаются с клеткой и редко встречаются в комнатах, даже у самых завятых любителей птиц. Кормить их следует так же, как соловья.

Каменка (1); чеканка луговая (2); чеканка чернохвостая (3)

На юго-востоке России, а также на Кавказе и местами в Крыму (например, в каменистых окрестностях Севастополя) является весьма обыкновенной птицей *каменка-пешанка*^[200], легко отличающаяся от нашей каменки тем, что у нее верхняя часть головы (от клюва до нижней части шеи) белая, горлышко же совершенно черное. Во всем остальном – по характеру, манерам и образу жизни – пешанка очень похожа на нашу каменку.

На нашем рисунке (с. 231) вместе с каменкой изображены еще две близко родственные ей птички – *чеканки*.

Верхняя, сидящая на цветке чертополоха, – *чеканка луговая* – встречается обыкновенно по пустырям, старым гарям, вырубкам,

поросшим высокой травой и молоденькими деревцами. Весной и под осень она нередко попадает на огородах и картофельных полях. Эта пестро-буренькая птичка, с белой бровкой над глазом и белыми плечами, весьма немногочисленна и попадает на глаза гораздо реже каменки. Гнездится она по всей Европейской России, от Крайнего Севера до крайнего юга, отлетая на зиму в тропические страны. В Крыму бывает только в полете.

Изображенная на нижней части рисунка *чеканка чернохвостая*^[201], или *черноголовая* (см. с. 231), водится только в юго-западной части России и повсюду довольно редка.

Оляпки, крапивники, дрозды, соловьи, малиновки, горихвостки, варакушки, каменки и чеканки относятся к одной общей группе птиц – *дроздовых*. Все эти птицы отличаются сравнительно большой головой, большими глазами, широкой грудью, средней длины клювом – хотя довольно тонким, но крепким – и довольно длинными ногами. Все они питаются насекомыми, причем многие из них охотно лакомятся в конце лета и осенью ягодами. Почти все дроздовые птицы принадлежат к числу перелетных, то есть к зиме отлетают на юг. Большинство из них – прекрасные певцы. Весьма характерной особенностью пения птиц этой группы являются звуки «так-так» или «чак-чак» и другие в этом роде, издаваемые в моменты душевного возбуждения и сопровождаемые порывистым вздергиванием кверху хвоста, с одновременным наклоном головы.

Славка^[202]

*Весь юный мир, томясь любовной
жаждой,
Объятий ждет волшебницы-весны...
И вот она, вся в радужном сияньи
Златых одежд, парчи и багряниц,
За стаями прилетных певчих птиц,
Приносится на страстное свиданье,
На брачный пир, исполненный чудес,
На торжество природы и небес!..*

Гр. Голенищев-Кутузов

Не правда ли, какое красивое, ласкающее ухо название – *славка*, славочка? Невольно с ним связывается представление о чем-то милом и изящном. И в самом деле, птички, носящие это название, вполне ему соответствуют: скромные по своей пернатой одежде, не блещущей никакими яркими цветами, они чрезвычайно милы, изящны и, так сказать, благородны во всем своем существе; к тому же большинство из них и превосходные певцы.

В Европейской России водится несколько видов славок; все они, как близко родственные друг другу птицы, имеют между собой много общего. Это – маленькие птички, с коротким, тонким клювом и шелковисто-мелким оперением, в котором преобладает серый цвет. Они прилетают к нам весной обыкновенно в то время, когда

Весь юный мир...

Объятий ждет волшебницы-весны и когда деревья только начинают надевать первую листву. В августе и сентябре эти милые птички снова нас покидают. Таким образом, славочки гостят у нас весьма недолго – поздно прилетают и довольно рано улетают; остальную же, большую, часть года проводят на далеком юге – частью на южных оконечностях Европы, частью же в северной и средней Африке.

Вскоре по прилете славки приступают к выводу птенцов. Гнездо обыкновенно помещается в кустах, невысоко над землей (редко выше 1½ аршина^[203]) и представляет собой довольно плохую, рыхлую постройку, состоящую почти из одних только тонких, сухих стебельков или корешков трав, с немногими конскими волосами внутри гнездовой чашечки. Самочки кладут четыре – шесть яиц, всегда испещренных по светлому фону темными пятнышками и крапинками. Высиживание длится 14–15 дней, причем в полуденные часы самчик сменяет самочку, слетающую в это время кормиться. Если приблизиться к гнезду славки, в котором находятся птенчики, достаточно уже оперенные, но еще не летающие, и заглянуть внутрь гнезда, то обыкновенно птенцы не выдерживают взгляда человека, выбрасываются на землю и быстро скрываются в траве. Мать их, притворяясь больной, старается увести непрошеного посетителя в сторону от детей, подобно тому, как это проделывают и многие другие птицы.

Пища славков состоит из различных насекомых, преимущественно голых (не волосатых) гусениц и личинок, которых они собирают с ветвей деревьев и кустарников и которыми выкармливают также и своих птенцов. Во второй половине лета и осенью славки охотно лакомятся различными сочными ягодами. Если, таким образом, эти птицы, с одной стороны, и наносят некоторый ущерб ягодному урожаю наших садов, то, с другой стороны, уничтожая множество вредных гусениц и личинок в тех же садах, они, конечно, с лихвой покрывают этот ущерб и должны быть причислены к несомненно полезным птицам, не говоря уже про то, что они – поистине превосходное украшение наших садов и парков. Без преувеличения можно сказать, что, не будь славков, концерт наших садовых пернатых певцов потерял бы добрую половину своей прелести. В средней и южной России в редком саду не встретится тот или другой вид славки.

Все славки чрезвычайно бодрые, подвижные, но в то же время и осторожные птички: за ними весьма трудно следить, и вообще они неохотно попадают на глаза человеку.

В неволе, при хорошем уходе, славки держатся весьма хорошо и доставляют много удовольствия своему хозяину; они скоро ручнеют и ретиво поют большую часть года. Корм им следует давать такой же, как и птицам дроздовой группы.

Вот, что касается до наших славков вообще. Затем скажем несколько слов о разновидностях этих птичек. Я размещаю их в порядке по достоинству пения, начиная с самого лучшего мастера, каковым является несомненно *славка-черноголовка*.

Славка-черноголовка^[204]

(рис. XIII)

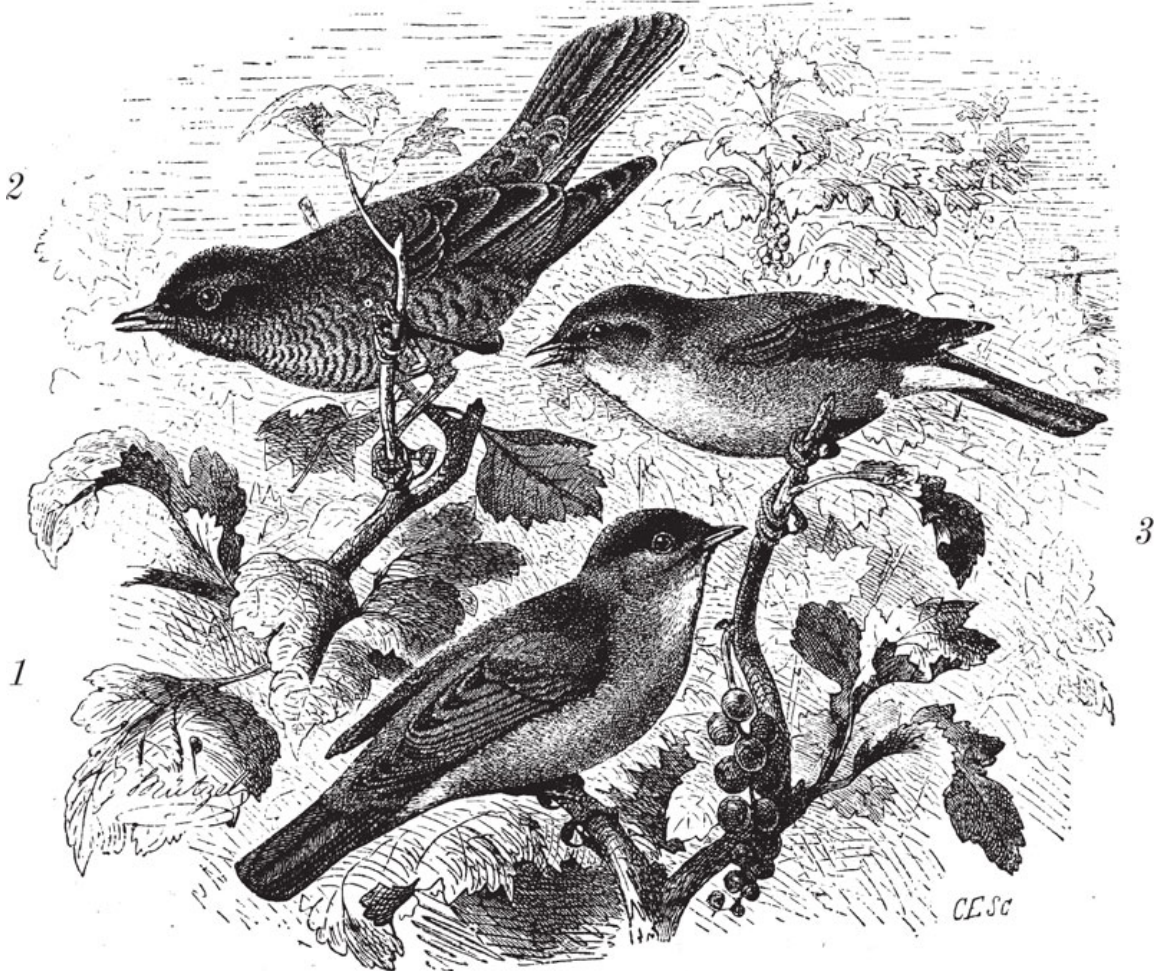
Маленькая^[205], почти сплошь пепельно-серая птичка, с черной «шапочкой» – у самца; у самочки же и у молодых шапочка рыжеватобурая. Водится Черноголовка по всей Европейской России, кроме Крайнего Севера^[206], и повсюду у нас является птицей перелетной, прилетает с первыми листьями на черемухе и березе и отлетает на юг с началом осени. Сады, парки и лесные опушки, поросшие кустами,

составляют любимые места обитания Черноголовки; сплошных дремучих лесов, и вообще лесной чащи, она не долюбливает, как и все прочие славки. В окрестностях Петрограда Черноголовка водится во всех парках, хотя и в небольшом числе. (В парке Лесного института обыкновенно гнездятся пять-шесть парочек этих птиц.)

После соловья и певчего дрозда Черноголовка является несомненно одним из лучших наших пернатых певцов. Песня ее состоит из довольно длинной переливчатой строфы, начинающейся негромко, вполголоса, затем постепенно усиливающейся и заканчивающейся великолепными громкими флейтовыми звуками. Первую половину этой песни можно слышать только на близком расстоянии от певца, заключительное же флейтовое колено слышно на весьма большом расстоянии. Нередко можно встретить черноголовок, вплетающих в свою песню звуки, заимствованные у других певчих птиц, к чему вообще, более или менее, склонны почти все славки. Мне случалось слышать черноголовок, до того искусно высвистывавших некоторые соловьиные строфы, что в первый момент я думал, что имею дело с соловьем. Подражательные звуки вставляются Черноголовкой обыкновенно в начале громкого колена, заключение же его – флейтовое переливание – почти одинаково у всех (по крайней мере, у петроградских) черноголовок. Весьма характерно для этой птички, впрочем, и для всех остальных слявок, что она никогда не поет долго на одном месте, а беспрестанно перемещается с ветки на ветку и с дерева на дерево, облетая таким образом с песней известный район местности и умолкая на короткое время только при перелетах. Поет Черноголовка чрезвычайно ретиво – почти целый день, с восхода и до заката солнца, – и продолжает свои песни далеко за Петров день (нередко до половины июля), когда почти все остальные певчие птицы уже умолкают. Она любит петь также во время дождя, когда большинство других певцов молчат.

Черноголовка-самчик имеет обыкновение строить так называемые «пробные гнезда»: прежде чем самочка облюбует место для настоящего гнезда, самчик начнет, но не закончит две-три гнездовые постройки, причем обыкновенно во время таких построек поется много прекрасных песен. Впрочем, эта привычка свойственна и некоторым другим слявкам, например *смородинке* и *пестрогрудке*,

которых мне не раз случалось заставить за песнями во время постройке гнезд: сидит себе в недоконченном гнезде и заливается. Призывный крик Черноголовки звучит вроде «чек». Этот же звук она издает и в минуты опасности, например при виде приближающейся к гнезду кошки.

Славки: 1 – Черноголовка; 2 – пестрогрудка; 3 – смородинка

При мало-мальски благоприятном лете Черноголовка делает два вывода птенцов, причем в первый раз кладется пять-шесть желтовато-белых, испещренных темными пятнами, яичек, во второй же раз – большей частью только четыре. Вылетевшие из гнезда птенчики в первое время любят размещаться рядышком на одной ветке, почти вплотную друг к другу, терпеливо ожидая своих родителей, приносящих им время от времени червячков. Вид такой дружной

семейки среди просвечивающей на солнце зелени древесных ветвей представляет собой чрезвычайно милое зрелище, которым можно долго любоваться. Из всех наших славок Черноголовка наиболее падка на ягоды.

В комнате это одна из восхитительнейших птичек. Хотя она и требует довольно внимательного ухода, но вознаграждает за него сторицей – своим милым нравом и превосходными песнями, распеваемыми почти круглый год. В настоящую минуту, когда я пишу эти строки^[207], мой слух услаждается прекрасной песней Черноголовки, живущей у меня уже пятый месяц. Она начала напевать еще в октябре, вскоре после того как я ее получил, и теперь поет почти уже полным голосом – по утрам, цнем же – вполголоса. Я заплатил за нее 4 рубля (на птичьем рынке), но она уже давно окупила себя своими превосходными песнями. В качестве корма она получает два раза в день муравьиные яйца, сухие и обваренные, перемешанные с тертой морковью и толченым сухим хлебом, и по утрам одного-двух мучных червей, которых берет из рук.

Брем рассказывает (в своей «Иллюстрированной жизни животных») об одной Черноголовке, выучившейся произносить фразу «mi nino chiceritito» («мое милое дитяtko»), с каковой ежедневно приносила ей пищу ее хозяйка – монахиня одного монастыря на Канарских островах. Весь город знал эту замечательную Черноголовку и не мог надивиться, что маленькая певчая птичка научилась говорить. Большие деньги предлагались счастливой обладательнице этого маленького чуда, но монахиня и слышать не хотела о разлуке со своей любимицей, составлявшей единственное ее счастье и радость в жизни. Однако чего не могли сделать самые соблазнительные предложения, то сделала мелкая людская злоба: в один прекрасный день монахиня лишилась своей удивительной птички: она была отравлена рукой завистника...

В Закавказье и на южном берегу Крыма встречается *масличная славка*^[208] (рис. XXIV), сходная с Черноголовкой по черной окраске верхней части головы, но в то же время отличающаяся от нее белой окраской нижней стороны тела, а также и тем, что крайние перья в хвосте у масличной славки белые, у Черноголовки же весь хвост серовато-черный.

Славка-пестрогрудка^[209]

Самая крупная из наших славок^[210]. По своей одежде, в общем пепельно-серой, отличается от остальных своих сестер пестрой грудкой, которая испещрена по светлому фону темными серповидными поперечными скобочками (подобно тому, как испещрена грудь у ястреба-перепелятника, откуда и произошли названия: *пестрогрудка* и *ястребиная славка*). Кроме того, у пестрогрудки радужина вокруг зрачка ярко-желтая, что также служит характерным ее отличием от остальных славок, имеющих радужину темную.

Водится пестрогрудка в средней и южной России, а также в Крыму и на Кавказе. Вообще, относительно этой птички следует заметить, что о ней имеется еще весьма недостаточно сведений, как о местах ее нахождения, так и об образе жизни, хотя она встречается вовсе нередко и принадлежит к числу лучших наших садовых певцов (так, по крайней мере, в Петроградской губернии). Происходит это, вероятно, оттого, что пестрогрудка, подобно прочим славкам, не легко попадает на глаза; песня же ее имеет столь большое сходство с песней *смородинки* (или *садовой славки*, о которой речь будет впереди), что нужно иметь очень большой навык и хорошо развитое ухо, для того чтобы уметь различать песни этих двух, близко родственных между собой, птиц, да и то можно ошибиться. Характер песни пестрогрудки лучше всего выяснится из сравнения ее с песнями Черноголовки и смородинки: у первой, как было уже сказано, песня (или, вернее, последнее громкое ее колено) состоит из превосходных, неторопливых, слегка прерывающихся флейтовых звуков; у смородинки почти столь же превосходные, но несколько менее громкие, флейтовые звуки следуют быстро один за другим, сливаясь в одну непрерывную и весьма длинную, переливчатую строфу – флейтовую болтовню, начало которой также нередко поется вполголоса; у той и у другой в песне необычайная чистота и нежность звуков. У пестрогрудки же флейтово-переливчатая болтовня менее слитна и более громка и звучна, чем у смородинки, и тем приближается отчасти к песне Черноголовки. Впрочем, необходимо оговориться, что все только что сказанное о песне пестрогрудки относится к пестрогрудкам Петроградской губернии, с которыми мне

до сих пор и приходилось иметь дело. В различных местностях песни этих птиц весьма разнятся между собой (согласно описаниям, которые мне приходилось читать о пении пестрогрудки в различных книгах). Кроме того, пестрогрудка, подобно другим славкам, также любит вплетать в свою песню звуки голосов других певчих птиц почему ее даже иногда называют *пересмешником* (например, на петроградском Птичьем дворе), хотя мне лично ни разу еще не привелось слышать пестрогрудки-пересмешника. Характерным для пестрогрудки является еще следующее обстоятельство: во время пения, весной и в начале лета, поющий самчик нередко поднимается почти вертикально в воздух (невысоко) и затем медленно опускается поблизости от того места, с которого поднялся (так называемый «токовой полет», о котором у нас уже упоминалось в предыдущих очерках), чего мне ни разу не привелось наблюдать ни у смородинки, ни у Черноголовки.

Весной пестрогрудка прилетает к нам позже всех других слявок (в окрестностях Петрограда около середины мая). Любимыми местами ее пребывания являются сады, парки и вообще лиственные кустарники и молодняки. Гнездо пестрогрудки, особенно охотно помещаемое в живых изгородях боярышника (*Crataegus*), к концу мая или началу июня заключает в себе обыкновенно четыре-шесть желтовато-белых яичек с серыми или фиолетовыми разводами и пятнами. Эта птичка делает только один вывод в лето, по окончании которого линяет, а в начале осени снова отлетает в теплые края.

В неволе пестрогрудка при надлежащем уходе скоро и хорошо обживается, недолго заставляя ждать своего прекрасного пения и становится со временем совершенно ручной.

Славка-смородинка^[211]

(рис. XIII)

Одной почти величины с Черноголовкой. В окраске не имеет никаких резких отметин, но отличается от остальных слявок общим оливково-бурым тоном оперения (верхняя сторона оливково-бурая, нижняя – серовато-белая, с оливково-бурым и желтоватым налетом).

Смородинка гнездится по всей Европейской России, от Архангельска до Крыма и Кавказа, и повсюду является весьма

обыкновенной летней птицей. Любимыми местами ее пребывания считаются сады и парки. Ей необходимы густые кусты совместно с высокими деревьями; в первых она вьет свои гнезда, на последних кормится и распевает свои прекрасные песни, о которых было говорено уже выше (когда речь шла о песне пестрогрудки). На глаза смородинка попадает почти так же редко, как и пестрогрудка. Скорее всего ее можно увидеть весной, по прилете, во время пения, когда листва деревьев еще редка, хотя и тут ее нелегко бывает уловить, например в бинокль, потому что она – большая непоседа, в особенности во время пения, и держится большей частью на верхних ветвях дерева.

Самочка кладет в гнездо, помещающееся обыкновенно на высоте 2–3 футов^[212] над землей, пять-шесть матово-белых яиц с многочисленными бледно-лиловыми полями, испещренными бурыми пятнышками. Смородинка делает за лето обыкновенно один только вывод.

Странная судьба этой милой птички: нет почти сада, которого бы она не украшала своим прекрасным пением; почти всякий это пение слышал и знает (хотя бы, так сказать, бессознательно), сама же певунья остается никому неизвестной, за исключением лишь немногих любителей и знатоков птиц. Конечно, этому виной главным образом чрезвычайная скрытность этой птички.

В неволе при надлежащем уходе смородинка живет весьма хорошо; бывали примеры, что она выдерживала в клетке 10–15 лет.

Славка-говорунчик^[213]

(рис. XIII)

Величиной немного меньше славки-смородинки^[214] и чрезвычайно стройная птичка. Оперение имеет сверху серовато-бурое, снизу же беловатое, горлышко чисто-белое, которое очень бросается в глаза, в особенности во время пения. Водится говорунчик от Архангельска до Крыма и Кавказа включительно и повсюду является весьма обыкновенной летней птицей. Прилетает весной почти одновременно с соловьем – как только запушится зеленью

береза – и отлетает снова на юг в конце августа или в первой половине сентября.

Любимыми местами пребывания говорунчика являются открытые кустарники, живые изгороди, питомники, древесные школки и т. п. Это чрезвычайно живая, вертлявая птичка и легче других славок попадает на глаза человеку, в особенности весной, по прилете, во время пения, когда она весьма охотно садится на безлиственные (поздно покрывающиеся листвой) дерева. Также в это время ее часто можно видеть сидящей открыто и поющей на живых изгородях, в которых она, однако, тотчас же скрывается, как только подойти к ней поближе; нередко спускается и на землю.

Песня говорунчика намного уступает песням рассмотренных выше славок: это скорее какой-то «говорок», чем пение, – без всяких флейтовых звуков, но зато в высшей степени живой, задорный и веселый. Когда эта славочка поет, то так и кажется, что ей ужасно весело. Подобно славке-пестрогрудке, и говорунчик предпринимает во время пения «токовой полет»; он повторяет его, в особенности в мае, очень часто, причем, поднявшись из кустов, с непрерывной песней, почти вертикально кверху (сажень на 5–6^[215]), опускается обыкновенно на какой-нибудь выдающийся над местностью предмет (дерево, телеграфную проволоку и пр.) и произносит в очень быстром темпе и много раз кряду отрывистую фразу, звучащую вроде «чечиритирититютти». Нередко говорунчик издает также сигналы предостережения вроде «вэд-вэд-вэд», звучащие довольно громко.

Гнездо свое говорунчик строит или непосредственно на поверхности земли или же невысоко над ней, в кустах, зарослях крапивы, кучах хвороста и т. п. Внутри оно большей частью бывает выстлано конскими волосами. Самочка кладет четыре-пять яиц, густо испещренных по желтоватому или зеленовато-белому фону более темными зеленоватыми пятнышками. Говорунчик делает обыкновенно два вывода за лето.

Славка-мельничек^[216]

(рис. XIII)

Самая маленькая из всех славок^[217]. По окраске очень сходна со славкой-говорунчиком (сверху серовато-бурая, снизу серовато-белая, с почти белым горлышком), но обладает характерным от нее отличием, а именно: у нее имеется по темному (бурому) пятну на обеих щеках; пятна соединены такого же цвета полоской (так называемой уздечкой) с углом рта. Водится мельничек тоже по всей России – от Архангельска до Крыма и Кавказа включительно, но не особенно многочислен и встречается значительно реже говорунчика. Чаще всего его можно встретить в небольших садиках между домами, даже иногда в больших городах, в особенности если в таких садиках имеются живые изгороди. Также он охотно держится по мелким ельникам и лесным опушкам, поросшим кустами.

И эта славка, подобно прочим своим сестрам, редко сидит спокойно на одном месте; обыкновенно же она бродит по густо переплетенным между собой ветвям живых изгородей и кустов обитаемого ею района, напевая вполголоса, как бы про себя, свою длинную, болтливую песенку, очень сходную с песнями прочих славочек. При этом она время от времени показывается открыто, на отдельно торчащей веточке, для того чтобы прогреметь на весь околотовок заключительное громкое колено своей песни. Колено же это представляет собой чрезвычайно своеобразную и в высшей степени характерную трель, звучащую вроде «клеклеклеклекле...». Из этой песни только и произносится громко одно это заключительное «клекотанье», все же остальное поется обыкновенно тихо.

За это «клекотанье», как бы сходное со стуком, производимым миниатюрными мельничными колесами, немцы и прозвали эту славку *мельничком* (Müllerchen). Находя это название весьма характерным для этой птички, я и принял его, вместо ничего не выражающих названий, как, например, *завирушка*, даваемых, кроме того, нередко и другим птицам.

Когда мельничек беспокоится, он издает звуки «чек-чек». Характерно также для этой славки, что она не любит садиться на высокие деревья, на которых ее весьма редко случается видеть.

Мельничек также необычайно стройная и изящная птичка. Сколько грации и благородства в каждом ее движении, сколько жизни и огня в его маленьких темно-серых глазках! У меня сейчас^[218] живет

прелестный экземпляр мельничка (пятый месяц), и я не могу на него достаточно налюбоваться. Болтает он почти целый день без умолку. Корм получает такой же, как и Черноголовка.

Завирушка^[219]

(рис. XV)

*Вдруг птичка слетела –
Не знаю откуда –
И, зыблясь на ветке,
Запела...*

Ф. Глинка

У меня в записной книжечке за 1888 год под числом 6 апреля записано: «Видал, в 9 ч утра, в питомнике невиданную мною еще птичку: складом, величиной и окраской спины – совсем полевой воробей; блестящий черный клюв и глаза – как у мельничка: во время пения бросается в глаза черное окаймление рта; грудка серая, в легких темных крапинах; головка довольно большая, темно-серая; хвост короткий, подергивается в стороны, как у воробья. Пробирается между густыми веточками живой изгороди боярышника – как славка, причем непрерывно напевает вполголоса – как славка-мельничек, и так же, как эта последняя, время от времени появляется на верху изгороди, на выдающейся веточке, для того чтобы пропеть свою серебристую, торопливую, не особенно звучную, двухколенную песенку: „Тирлирлирлирлю-тирлирлирлирлирлюти”». Так записано у меня в книжечке и затем прибавлено (по приходе домой и наведению справок в книгах): «Оказалась – завирушка (*Accentor modukris*)». С тех пор я встречал *завирушку* регулярно каждую весну и осень, в перелетное время, и почти каждый раз в живых изгородях нашего (институтского) питомника или поблизости его. Я также держал эту птичку в течение одной зимы у себя в комнате, в клетке.

Завирушки: 1 – лесная; 2 – горная

Как гнездящаяся птичка завирушка обитает только в северной половине Европейской России, в южной же бывает только пролетом. (На Кавказе живет оседло, близкая к нашей, *восточная завирушка*^[220].) Завирушка почти всюду встречается в малом числе. В пролете попадает иногда небольшими группами (под Петроградом птиц по пять – шесть в группе). Впрочем, ее очень легко и просмотреть, так как держится она обыкновенно среди густых кустарников или молодых еловых зарослей, где большей частью копошится на земле, отыскивая для себя корм, и лишь весной, во время пения, ее можно видеть открыто сидящей на макушке молодой елки или на кусте. Питается завирушка летом насекомыми, которыми выкармливает также и своих птенцов, осенью же охотно подбирает и разные мелкие семена. Иногда гнезда завирушек попадают в больших (в особенности запущенных) городских садах.

Гнездо завирушки, весьма изящно свитое из тоненьких прутиков (в основании) и зеленого мха, помещается всегда невысоко над землей

(аршина 1 ½^[221]) и заключает в себе пять зеленовато-голубых, без всяких отметин, яичек.

В клетке завирушка – премилая птичка: она скоро ручнеет и без умолку очень мило напевает почти всю зиму свои песенки – правда, лишь вполголоса; только с наступлением весны начинает она распевать свою настоящую, весеннюю песню. Жившая у меня завирушка (в большом общем садке с десятками двумя разных представителей пернатой публики) держала себя совсем своеобразно: в противоположность прочим птицам, предпочитавшим всегда верхние жердочки садка, завирушка моя обыкновенно если садилась, то на самые низкие жердочки, большей же частью она бродила по усыпанному песком дну садка, подбирая разбросанные из кормушек другими птицами зернышки и муравьиные яйца и почти непрерывно «мурлыча» про себя свои песенки. Лишь к весне она стала взлетать иногда на жердочки второго яруса, для того чтобы пропеть оттуда полным голосом свое «тирлирлирлирлюти». (В мае я выпустил ее на волю.)

На горных лугах Кавказа водится *горная*, или *альпийская*, завирушка^[222], отличающаяся от лесной завирушки большей величиной и белым горлышком, на котором расположены продольными полосками черные пятнышки.

Пеночка

(рис. XX)

*Весна, цветы и аромат,
И светлых тучек вереницы,
И надо мною вновь летят
Тепло почувявшие птицы...
Волнами яркого огня
Согреты первые желанья,
И словно все вокруг меня
Слилось в чудесное лобзанье...*

П. Гнедич

Откуда произошло название *пеночка* – трудно сказать. Хотя оно само по себе и весьма странное, тем не менее, по-моему, весьма подходящее по своей нежнозвучности для тех птичек, которым принадлежит: насколько мило и нежно звучит для уха слово «пеночка», настолько же милыми и нежными являются и те птички, которых называют этим именем. Относительно них приходится почти слово в слово повторить то же самое, что было сказано ранее о славках: скромные в своей пернатой одежде, не блещущей никакими яркими красками, они чрезвычайно изящны и благородны во всем своем существе. Некоторые из них, кроме того, являются еще и прекрасными певцами.

В Европейской России водится несколько видов птичек, носящих название пеночек; из них только четыре являются весьма распространенными и более или менее обыкновенными птицами наших садов и лесов: 1) *пеночка-весничка*; 2) *пеночка-теньковка*; 3) *пеночка-трещотка*; 4) *пеночка-пересмешка*. Остальные пеночки принадлежат уже к числу более редких птиц и встречаются преимущественно лишь по окраинам Европейской России. Первые три из вышепоименованных пеночек близко родственны между собой и являются видами одного общего рода (*Phylloscopus*); четвертая же, хотя и носит также общее с ними название (русское) и вообще имеет

с ними много общего как по наружности, так и по характеру и образу жизни, но в то же время и довольно существенно от них отличается, что и побудило ученых-птицеводов отделить ее в особый род (Hypolais), состоящий, так сказать, в «двоюродном» родстве с настоящими пеночками.

Все четыре наши пеночки – маленькие, зеленовато-серенькие сверху и беловатые снизу, птички с прямым тонким клювиком и желтоватой полоской (бровкой) над маленькими хорошенькими черными глазками.

Все эти нежные и весьма подвижные птички прилетают к нам весной и снова улетают осенью в теплые края. Зимует большинство из них в Африке.

Все пеночки вьют свои гнезда на земле или невысоко над ней – в кустарниках. Гнезда их обыкновенно представляют собой весьма искусную, красивую постройку и нередко перекрыты сверху сводиком с боковым летным отверстием. Молодые пеночки покидают свое гнездо очень рано, едва успев покрыться пушком.

Пищу пеночек составляют различные мелкие насекомые – личинки, гусеницы, жучки и бабочки; осенью же они не прочь полакомиться сочными ягодами. Птенцы выкармливаются только одними насекомыми.

Охотясь за насекомыми – преимущественно снимая их клювом с ветвей и листьев, пеночки на лету очень часто приостанавливаются в воздухе на одном месте, быстро трепеща крылышками (подобно тому, как это постоянно делают некоторые мухи); нередко они также бросаются вдогонку за пролетевшим мимо насекомым. Пеночки охотятся за насекомыми не только в нижней части деревьев, но и в области самых высоких древесных вершин, а так как большинство наших насекомоядных птиц мало посещает эту область, то деятельность пеночек является здесь весьма важной: они освобождают древесные вершины от многих вредных насекомых^[223].

Различать пеночек (настоящих – Phylloscopus) друг от дружки по наружному виду – дело очень нелегкое. Когда эти птички находятся перед глазами все одновременно, тогда еще можно различать более серую из них по окраске и среднюю по величине весничку, самую маленькую и более зеленоватую теньковку и самую

большую и самую зеленую трещотку. Поодиночке же, на воле, различать их по наружному виду весьма трудно. Совсем другое дело различать пеночек по их песне. В этом отношении между этими тремя птичками-близнецами существует, можно сказать, настолько же большое различие, насколько мало их различие по наружности (о которой речь будет еще впереди).

К осени пеночки (теньковки и веснички) собираются обществами. Постоянно перекликаясь своим нежным «фюить», они начинают передвигаться – садами, парками и лесными опушками – к югу. Нельзя не отметить следующей характерной черты, проявляющейся у отлетающих пеночек и каковой мне не случилось наблюдать у других птиц: перелетая с ветки на ветку и с куста на куст, эти птички особенно охотно придерживаются цревесно-кустарной растительности, прилегающей к южным фасадам человеческих жилищ (естественно, находя в таких солнцеприпечных местах большее число насекомых), причем то та, то другая из этих милых зеленовато-сереньких птичек беспрестанно заглядывает (трепещась на воздухе) через оконные стекла во внутрь комнаты. Может быть, их привлекает зелень стоящих на подоконниках комнатных цветов, в то время как на дворе все уже блекнет и пожелтый лист осыпается; или же – что, пожалуй, вернее – их вводит в заблуждение отражение в оконном стекле того самого куста, на котором птичка только что хозяйничала. Иногда случается даже, если окно полуоткрыто, что та или другая птичка влетает и в комнату.

Линяют пеночки два раза в год: весной (февраль-март) и в конце лета (июль-август).

В клетках пеночки встречаются не часто. Хотя они довольно скоро свыкаются с неволей и легко становятся ручными, но живут более или менее продолжительное время (2–3 года, редко более) лишь при условии хорошего и умелого за ними ухода, так как очень нежны и чувствительны к разным неблагоприятным обстоятельствам. Главное, нужно оберегать их от простуды и сквозного ветра летом и от холода – зимой. С наступлением морозов клетку с пеночкой следует помещать подальше от окна. Второе важное условие – правильное кормление. Пеночек нужно кормить три раза в день – утром, днем и вечером – или по крайней мере два раза – утром

и днем. Клетку следует вешать (или ставить) так, чтобы вечером она освещалась светом лампы, для того чтобы птица видела корм. Это правило следует соблюдать также и при зимнем содержании прочих мелких насекомоядных птиц (малиновок, славок, соловьев и др.). Если, таким образом, птицы в продолжение осени и зимы освещаются по вечерам огнем, то при правильном кормлении они начинают нередко петь полным голосом уже с середины декабря. У меня пеночки всегда прекрасно жили на следующем корме: сухие и обваренные муравьиные яйца (лучшие, так называемые березовые), перемешанные с тертой морковью, с прибавкой небольшого количества мурашей и два – три мучных червя утром.

Вот, что касается пеночек вообще; теперь уделим по несколько слов каждой из них в частности.

Пеночка-весничка^[224]

(рис. XX)

Это самая обыкновенная из всех наших пеночек, потому что самая многочисленная и распространенная: от Лапландии до Крыма и Кавказа, повсюду, где только есть древесная растительность, можно встретить эту милую птичку. В средней России нет, кажется, такого сада, в котором не водилась бы эта пеночка. На крайнем юге России она встречается только во время осеннего и весеннего пролетов.

Выше уже было упомянуто, что эта пеночка по величине^[225] занимает среднее место между двумя своими сестрами, а также что в ее окраске более преобладает серый цвет. Ножки у нее бурые (у молодых черноватые).

Прилетает к нам эта пеночка весной довольно рано (под Петроградом около середины апреля) и в первый же хороший теплый день дает знать о своем присутствии своей милой песенкой. В это время, пока деревья еще не покрылись листвой, легче всего познакомиться с этой пеночкой. Когда лужайки и газоны в садах и парках зазеленеют свежей зеленью, а безлиственная еще осина разукрасится длинными, серыми пушистыми цветочными сережками, отправляйтесь в тихий теплый день знакомиться с этой птичкой. Если вы увидите маленькую, нежно-сероватенькую птичку, непоседливо перепархивающую с ветки на ветку, беспрестанно склевывающую

что-то клювиком с веток и время от времени высвистывающую, словно на крошечной флейточке, недлинную, одноколейную, нежно-переливчатую, но довольно громкую песенку, – это и будет несомненно не кто иной, как пеночка-весничка. Для большей характеристики ее песни еще замечу, что песня эта по своему нотному складу имеет много общего с песней зяблика, в особенности в начале. В конце же эти две песни резко между собой различаются: зяблик заканчивает свою звонкую и задорную строфу резким «росчерком», весничкина же строфа закругляется нежными, как бы расплывающимися и замирающими, переливами (постепенно сходящими на *piano* и *pianissimo*). Изредка весничка повторяет свою песенку два раза кряду, причем всегда делает это слитно – без всякой промежуточной паузы. Следует также заметить, что весничка – одна из самых ретивых наших певуний. Она распевает даже во время скверной – дождливой и холодной – погоды, когда остальные пернатые певуны, нахохлившись, отсиживаются где-нибудь под густыми ветвями или в древесных дуплах. Весничка продолжает свои песни и во второй половине лета, когда большинство прочих певчих птиц давно уже умолкло.

Шаровидное, с боковой леткой, мастерски свитое из сухой травы, листьев, мха, волос и перьев гнездо этой пеночки всегда помещается на земле и очень искусно запрятано. Самочка кладет в него пять-восемь белых, испещренных бледно-розовыми и рыжеватыми пятнышками и точечками, яичек.

Из всех пеночек чаще всего держат в клетках весничку – за ее прекрасное пение и милый нрав. Насколько скоро и сильно привязывается она к своему хозяину, приведу пример из собственного опыта: продержав в клетке в течение двух летних месяцев весничку весеннего лова, я пожелал дать свободу моей пленнице (собираясь уехать на несколько недель из дома, побоялся предоставить ее чужому уходу). Отворив окно, я долго тщетно старался заставить улететь мою птичку: выпорхнет за окно и тотчас же повернет обратно. Наконец мне удалось улучшить момент и захлопнуть за ней окно, но в ту же минуту она вновь впорхнула в соседнее открытое окно и немного погодя опять влетела в свою клетку. Пришлось

вынести птичку в сад и лишь там наконец удалось заставить улететь это милое создание.

Пеночка-теньковка^[226]

(рис. XX)

Как уже было упомянуто выше, это самая маленькая из наших пеночек^[227]. От веснички она отличается (разумеется, на близком расстоянии) совсем черными лапками. Встречается теньковка во всей России – от Лапландии до Кавказа; в южной России и в Крыму бывает только пролетом. Прилетает она к нам весной раньше других пеночек (под Петроградом в первой половине апреля) и в первый же хороший день дает знать о своем присутствии единственной в своем роде и в высшей степени характерной песенкой: сначала птичка издает раза три-четыре негромкое «трик, трик, трик», слышное только на очень близком расстоянии, и затем следует ряд коротких, отрывистых, очень звонких и далеко слышных звуков или свистов вроде «тень, тинь, тинь, тюнь, тинь, тень...», откуда и название *теньковка*. (В Белоруссии есть обычай на праздник Святой Троицы посыпать пол в церквях кусками нарезанной болотной травы *air*^[228]; ребятишки, выходя из церкви, подбирают аир и извлекают ртом из этой травы отрывистые резкие звуки, поразительно похожие на «теньканье» теньковки.) Весной и летом такое своеобразное пение теньковки раздается обыкновенно с вершин высоких деревьев, где эта пеночка и держится большую часть дня, разыскивая насекомых, беспрестанно перепрыгивая с ветки на ветку, отчего ее очень трудно бывает отыскать глазами. Осенью же, в отлетное время, в тихие солнечные дни, по утрам, ее «теньканье» раздается обыкновенно в кустах, по которым бродит в это время теньковка, причем легко попадает на глаза. Мимо Петрограда эта пеночка пролетает осенью (с августа до конца листопада – в первых числах октября), в чрезвычайно обильном количестве: через один только Лесной парк пролетают многие и многие сотни этих птиц. Весной же, напротив, пеночки-теньковки пролетают у нас в совершенно ничтожном количестве.

Перекрытое сверху сводиком, внутри обильно выложенное перышками гнездо теньковки помещается почти всегда на поверхности земли и искусно скрыто в густых кустах, в крапиве, в зарослях канав и т. п. Самочка кладет пять-семь яиц, испещренных по белому фону темно-бурыми, а местами и лиловато-серыми пятнышками.

Теньковка – самая полезная из пеночек, так как это она главным образом очищает вершины деревьев от хозяйничающих там вредных насекомых.

В клетке эта пеночка – очаровательная птичка. Жившая у меня теньковка очень скоро стала ручной и уже с декабря начала «тенькать» – как днем, так и при огне. Она была общей любимицей, и все мои домашние звали ее «тётинькой», потому что она словно выговаривала:

Тё-тя, тё-тинь-ка:

Птен-чик, птен-чи-чек:

Дож-ди-чек, тё-тинь-ка!..

Пеночка-трещотка^[229]

(рис. XX)

Крупнее^[230] и красивее других пеночек; верхняя ее сторона окрашена в травянисто-зеленый цвет; широкие надбровные полосы ярко-желтые. Обитает преимущественно в средней России. Предпочитает хвойные леса, в особенности сосновые с лиственным подлеском; нередко встречается в больших садах и парках, имеющих хвойные участки. Под Петроградом пеночка-трещотка встречается значительно реже других и вообще не особенно многочисленна. Прилетает к нам (в окрестности Петрограда) в последней трети апреля, следовательно, позже пеночки обыкновенной и теньковки. Извещает о своем прилете в высшей степени характерным и своеобразным трещанием, которое и песней-то нельзя назвать: «Сип-сип-сип-сипсипсипсирrrrrrrrr», в таком роде звучит это странное музыкальное упражнение, за которое она вполне заслуживает название *трещотки*. Первые звуки этой трескучей фразы следуют с большими промежутками затем все с меньшими и наконец

сливаются в общую сухую трель (например, вроде того, как если бросить со значительной высоты стальной шарик на каменную плиту). Кроме того, эта пеночка издает иногда отрывистую свистовую ноту (призывный звук), звучащую вроде «тю» с очень печальным оттенком и повторяемую много раз кряду. (Отсюда, вероятно, и одно из названий – *тюколка*)

Перекрытое сверху сводиком гнездо пеночки-трещотки, свитое из весьма разнообразного материала, помещается на земле и всегда искусно скрыто от постороннего глаза. Самочка кладет пять-семь яиц, густо покрытых по белому фону кроваво-красными, а местами и фиолетовыми пятнышками.

Пеночка-пересмешка^[231]

(рис. IX)

Как уже было сказано, пересмешка приходится близкой родственницей настоящим пеночкам и очень сходна с ними по окраске (сверху серо-зеленая, снизу светло-желтая и с желтоватой полоской над довольно большими глазами). По величине она превосходит всех своих вышеописанных родственников^[232]. Гнездится пеночка-пересмешка почти по всей Европейской России. Под Петроградом она весьма обыкновенная птичка и держится у нас преимущественно по садам и паркам. В чистых хвойных лесах пеночку-пересмешку было бы тщетно искать – она их не любит.

Прилетает эта пеночка весной довольно поздно (под Петроградом в первой трети мая), когда береза и черемуха уже разукрасятся молоденькими листочками. Отлетает осенью рано – в конце августа или в начале сентября.

Увидеть пеночку-пересмешку на дереве не так-то легко, во-первых, потому что она умеет искусно прятаться, а во-вторых, окраска ее чрезвычайно подходит под цвет древесной листвы, ярко освещенной солнцем. Название *пересмешка* эта птичка заслуживает вполне: песня ее состоит наполовину из чужих звуков (заимствованных от других птиц), правда, весьма ловко сплетенных между собой и перемешанных с собственными, довольно некрасивыми, гнусавыми (весьма характерно!) звуками. Поется эта песня чрезвычайно ретиво, с очень большой торопливостью (почти

presto) и весьма прилежно – с утренней до вечерней зари, с небольшим лишь перерывом среди дня, и вносит очень много оживления в наши сады. По вылете птенцов из гнезда и осенью перед отлетом от пеночки-пересмешки можно услышать только ее призывный крик, звучащий вроде «титерит» или «тэк-тэк-терит», не имеющий ничего общего с нежным «фюить» других пеночек.

Чрезвычайно красивое, искусно свитое и очень глубокое гнездо пересмешки, снаружи нередко почти сплошь сплетенное из тонких белых пленочек бересты, изнутри же выложенное перышками, помещается обыкновенно невысоко над землей – в кусте бузины, сирени, в живой изгороди боярышника и т. п. Запрятано оно не особенно искусно, и его поэтому нетрудно найти. Самочка кладет четыре-пять очень хороших яичек, испещренных по красивому нежно-розовому фону черноватыми точечками.

Пеночка-пересмешка – весьма полезная птица, в особенности в садах, где она уничтожает огромное количество гусениц, наносящих вред разным садовым деревьям.

В клетке эта птичка встречается очень редко. Хотя она и доставляет своему хозяину большое удовольствие пением и милым нравом, но выживает только при условии очень тщательного за ней ухода.

Камышевка-пересмешка^[233]
Земли очарованный сумрак
Безмолвно коснулся устами...
Все замерло. Шепчутся толтко
Гиганты-деревья с цветами,
Да робко ручей полусонный
Журчит у гористого склона,
И месяц жемчужные зерна
Бросает на водное лоно.

Петр Быков

В тихие теплые ночи второй половины июня, когда уже не раздаются более могучие посвисты и раскатистые трели соловья, умолкнувшего до будущей весны, чуткое ухо человека, привыкшего прислушиваться к голосам природы, с любовью останавливается

на звуках песни таинственного пернатого певца, почти всю ночь напролет распевającego там, где

...робко ручей полусонный Журчит у гористого склона...

Спокойно, не спеша поет птичка, словно декламирует, как говорится, «с чувством, с толком, с расстановкой». А как богата и разнообразна эта песня (для знатока птичьих голосов)! Словно это поет не одна птица, а целый десяток: словно они собрались там на ночной концерт, на состязание голосов, причем поют не все вдруг, а как следует на состязании – по очереди: то одна, то другая, то третья (вероятно, отсюда и название *сороко(а)песенник*). Одно только обстоятельство позволяет догадываться, что имеешь дело не с несколькими птицами, а с одним мастерским пересмешником: за каждым отдельным голосом той или иной птицы, обычно повторяемым два раза кряду, следует характерное «чэк-чэк», несомненно принадлежащее одной и той же птице. Например: «тюли-чэк-чэк, тюли-тюли-чэк-чэк-чэк» («тюли» – призывный крик чижики); «вэдвэдвэдвэд-чэкчэк, вэдвэдвэд-чэк-чэк» (славка-говорунчик); «кру-чикру-чикру, чэк-чэк, кручикру, чэкчэкчэк» (большая синица); песня зяблика, отрывки из песен щегла, зеленушки, черноголовика, воробьев – домашнего и полевого – и разные другие птичьи голоса, а подчас и совсем посторонние звуки не из царства пернатых, – все годится нашему пересмешнику, все обрабатывается и облагораживается его серебристым горлышком и сопровождается неизбежным собственным «чэк-чэк». Это, несомненно, самый искусный и совершенный пересмешник среди наших птиц. Весной камышевка-пересмешка поет также и днем, но тогда ее песня легко теряется среди сонма других птичьих голосов.

Окраска этой небольшой^[234] птички весьма скромная: сверху оливково-буроватая, снизу желтовато-белая, с такими же полосками над глазами. В общем, она имеет значительное сходство с пеночками, от которых отличается главным образом сильно вытянутой вперед головкой (низкий лоб) и клинообразно заостренным хвостиком (у пеночек хвост слегка вырезной).

Прилетает к нам эта птичка довольно поздно (в окрестности Петрограда во второй половине мая). На зиму отлетает в Индию.

Гнездится камышевка-пересмешка лишь в северной половине России. В окрестностях Петрограда она довольно обыкновенна, хотя и не многочисленна. В средней и южной России ее заменяет весьма сходная с ней, как по наружному виду, так и по пению, *болотная камышевка*^[235] (рис. XIX), являющаяся почти таким же мастерским пересмешником; но только болотная камышевка поет более торопливо и менее звучно.

Любимыми местами пребывания обеих этих камышевок являются поросшие ивняком и другим частым кустарником берега луговых речек, а также ручьев и прудов, поблизости возделанных полей и человеческих жилищ. При подходящей обстановке они охотно гнездятся также в больших садах и парках.

В Европейской России водится еще несколько видов камышевок, из числа которых одна – *кизилровка*, или *барсучок*^[236] (рис. XXI), – является весьма распространенной и обыкновенной птичкой, водящейся почти повсюду, по сырым, низменным лугам и берегам рек и озер, поросших ивняком и камышами. Там она почти без умолку, днем и ночью, распевает свои трескучие песни: «Тир, тир, тири, тири, тэрэ, тэрэ, црити, црити, цэрэ-тэтэ...», – все в таком же роде, без конца, изредка лишь вставляя довольно звучную, красивую трельку «люлюлюлюлюлю...».

На том же рисунке вместе с барсучком изображены еще две камышевки: *дроздовидная*^[237] самая крупная из всех камышевок, встречающаяся лишь в южной половине России, и *тростниковая*^[238], обитающая преимущественно в западной и юго-западной России.

Все камышевки питаются исключительно насекомыми и принадлежат к числу птиц перелетных. Они прилетают к нам весной весьма поздно – нередко лишь к концу мая. Название камышевок эти птицы получили потому, что большинство из них охотнее всего держатся прибрежных камышей, по стеблям которых они мастерски лазают, как вверх, так и вниз. Характерными признаками всех камышевок являются низкий приплюснутый лоб и клинообразный округлый хвост.

Ласточка

*Когда настанет вечер ясный,
Люблю на берегу пруда
Смотреть, как гаснет день прекрасный
И загорается звезда;
Как ласточка, неуловимо
По лону волн скользя крылом,
Несется быстро-быстро мимо
И исчезает... Смутным сном
Тогда душа полна бывает;
Ей как-то грустно и легко,
Воспоминанье увлекает
Ее куда-то далеко...*

Н. Огарев

Быстрокрылая, неутомимая летунья-художница, услаждающая наш глаз изящной красотой своих воздушных движений. Дочь воздуха, дочь эфира!

Существо, полное красоты, грации и поэзии; вся жизнь его – одна воздушная поэма.

Очаровательное пернатое создание, несомненно одно из самых близких сердцу человека из всего пернатого царства. Старый и малый, больной и здоровый, добрый и злой – все рады первой ласточке, каждый провожает ее полет любовным взглядом.

С нею солнце краше
И весна милей, –

как прекрасно сказал поэт А. Плещеев. Сами названия – *ласточка*, *касаточка* – как нежно и красиво звучат они для уха!

В них ясно слышатся те нежность, симпатия и любовь, с которыми относится народ к этому милому созданию. Старый дед, греясь на солнышке у завалинки, ласкает свою маленькую внучку. «Ах, ты моя касаточка!» – говорит он, глядя любовно в голубые глаза ребенка и разглаживая костлявой рукой ее белокурые шелковистые волосы.

«Голубь и ласточка – любимые Богом птицы», «Разорять гнездо ласточки – грех», «Кто разорит гнездо ласточки, у того будут веснушки» – так говорит про ласточку русский народ, высказывая свою особенную любовь к этой милой птичке.

Однако я все говорю про ласточку в единственном числе, тогда как у нас водится несколько разных ласточек, во многом весьма существенно отличающихся друг от дружки. Поэтому, чтобы поближе познакомить моих читателей с нашими ласточками, я должен повести речь о каждой из них в отдельности.

Деревенская ласточка, или касатка ^[239]

(рис. XXII)

*Шитовило-мотовило, по-немецки
говорило,
Спереди шильце, сзади вильце,
Сверху синенько суконце,
С исподу бело полотенце.*

Загадка

Эта та ласточку, которую так хорошо знают деревенские жители.

Это та черно-синяя сверху и почти белая снизу ласточка, горлышко которой окрашено в буровато-красный цвет, а хвост в полете раздваивается длинной вилочкой, а при спокойном сидящем положении птицы образует длинную косичку, отчего эта ласточка и получила название *касатки*.

Это та ласточка, которая так часто сопровождает (после ненастной погоды) идущего через поле человека или едущий экипаж, то залетая вперед, то отставая, то описывая изящные круги с изумительно искусными, неожиданными поворотами и воздушными зигзагами; при этом особенно бросается в глаза широко раскрытый вилообразный хвост этой птички, украшенный в основании поперечным рядом беловатых глазков.

Это та ласточка, которая так любит гнездиться внутри хлебов, конюшен и сараев, прикрепляя свое чашечкообразное, сверху открытое гнездо к балкам и стропилам, которая так ловко прошмыгивает на лету через щель неплотно притворенной двери или через небольшое отверстие в разбитом оконном стекле.

Это та милая щебетунья-ласточка, которая первой просыпается на деревенском дворе или степном хуторе и при слабом еще свете утренней зари щебечет скороговоркой своим деткам:

Деточки, деточки,
будьте умнички –
Полечу на базар
покупать вам прря-янички...

В городах, особенно в больших, касаточка редко встречается, так что городские жители мало знают эту ласточку (они хорошо знают зато другую ласточку, в свою очередь, мало знакомую сельским жителям, и о которой речь будет еще впереди).

Водится касатка по всей России, от полярного круга до Крыма и Кавказа включительно. Она одинаково мило щебечет близ гнезда своих деток как у холодных берегов Белого моря, так и под горячими лучами солнца Черноморского и Каспийского побережий.

Прилетает к нам касатка – из своих зимовий в Центральной Африке – к тому времени, когда начинает пробиваться первая травка и расхолачивается березовая почка (в окрестностях Петрограда это бывает обыкновенно в конце апреля или в первые дни мая). Почти всегда сначала появляются одиночки-передовики, главная же масса ласточек появляется обыкновенно несколько позже.

В первое время по прилете ласточки особенно охотно реют над водными поверхностями, где весной больше насекомых, чем над сушей и куда эти птички нередко сбиваются большими стаями при внезапном наступлении весенних холодов.

Из всех наших ласточек касатка – самая искусная и быстрая летунья. Ее область летания – преимущественно нижние слои воздуха. В верхние слои она забирается исключительно только во время весенних и осенних перелетов; обыкновенно же вьется невысоко над полями и лугами, над деревенскими крышами и улицами, над выгонами и пастбищами, близ пасущихся домашних животных, около которых всегда кишит множество всякой мухи и мошкар. Перед дождем касатка реет преимущественно над водой, охотясь здесь за спустившимися из верхних слоев воздуха насекомыми. Во время ненастья и вскоре после него, когда насекомые сидят еще на земле или на стенах домов и заборах, касатка почти стелется по земле, едва не касаясь крыльями ее поверхности. При этом она замечательно грациозно «перепрыгивает» на лету через встречающиеся препятствия (кусты, заборы) или же почти скользит вдоль стен домов, по улицам, то поворачиваясь совсем боком, чтобы

снять со стены муху, то делая изумительно быстрые и ловкие повороты, чтобы схватить на лету ею же спугнутого лакомого мотылька.

После ненастья она любит провожать пешехода, охотника с собакой или едущий по дороге экипаж иногда на протяжении нескольких верст, ловя спугнутых насекомых. В своей жизни немало скоротал я часов невеселой подчас дороги, любуясь грациозными движениями этой очаровательной летуньи, сопровождавшей мой экипаж.

Ловя на лету насекомых (преимущественно двукрылых, каковы, например, комары и мухи), касатка, равно как и другие ласточки, никогда не трогает пчел и ос, имеющих ядовитое жало. Известны случаи смерти этих птиц от ужаления их (в рот) упомянутыми насекомыми. (Впрочем, некоторые пчеловоды уверяют, будто ласточки берут и пчел.)

Пьет касаточка обыкновенно на лету, на лету же купается, погружаясь слегка раз-другой в воду во время низкого полета над ее поверхностью.

Летая одиночкой, касатка большей частью молчит; при встрече же с другими касатками, а также при приближении к своему гнезду и во многих других случаях она часто издает столь характерный для нее призывный крик «вид» или «вит», который обыкновенно повторяется несколько ряд кряду: «Вид-вид-видвидвид».

При появлении на дворе, на котором гнездятся касатки, какого-нибудь хищника – например, кошки, ястреба – эти птички тотчас же поднимают тревогу и с резкими, громкими криками «цизи-цизи» начинают кружиться около врага, в стремительном полете едва не задевая его своими крыльями. Теми же криками они встречают и провожают всякую мимо летящую хищную птицу, преследуя ее иногда на весьма значительное расстояние.

Собственно песни, сколько-нибудь звучной, у касатки не имеется, а есть только милое щебетание, во время которого щебечущий самчик большей частью сидит на безлиственной сухой ветке дерева, на коньке крыши, на протянутой через двор бельевой веревке и тому подобных открытых местах. Впрочем, нередко касатка щебечет также и в полете.

О гнезде касатки и его местонахождениях было уже упомянуто выше. Следует только добавить, что землястые кусочки, из которых слепливается ее гнездо, скрепляются между собой клейкой слюной, выделяющейся изо рта птицы. Внутри гнездо выстилается перышками; самочка кладет в него четыре – шесть белых, испещренных красно-бурыми и фиолетовыми пятнышками, яичек.

Высиживанием занимается обыкновенно самочка. Изредка присаживается на гнездо на короткое время и самчик, как мне самому случилось это видеть, когда я наблюдал за одной парочкой (в Крыму), у которой самчик легко отличался от одинаково раскрашенной с ним самочки тем, что у него не было в хвосте косички (может быть, потерял ее в какой-нибудь передрыге?). Продолжается высиживание 12–14 и более дней, смотря по погоде. В ненастные дни, когда мало летает насекомых, самочке приходится надолго покидать гнездо для добывания себе необходимого корма, вследствие чего яйца остывают и высиживание может затянуться (на севере) даже до 17 дней. Впрочем, и на юге при сплошь прекрасной погоде самочки-касатки также не особенно усидчивы в гнезде. По крайней мере, такова была самочка упомянутой уже выше парочки, гнездо которой помещалось под крышей обвитой виноградом веранды, на степном крымском хуторе, близ берега Черного моря. Проводя на этой веранде значительную часть дня, я подолгу наблюдал гнездо наших касаточек и потому могу с достоверностью засвидетельствовать, что высиживавшая самочка прескверно исполняла свои обязанности наседки: она беспрестанно слетала с гнезда и подолгу пропадала в степи. Можно смело сказать, что в общей совокупности она сидела на гнезде не более половины дня; в течение же другой половины гнездо оставалось без наседки, так как самчик присаживался лишь изредка, больше же занимался щебетанием своих песен, сидя на провесе толстой веревки, протянутой под крышей веранды. Я уже начинал опасаться, что из такого высиживания ничего путного не выйдет; однако на 12-й день со дня нашего поселения на хутор (а именно 22 июня) благополучно вылупились из яичек четыре крошечных птенчика, к большой радости многочисленного общества детей и взрослых, собиравшегося ежедневно на веранде за чайным и обеденным столом.

Сколько дней продолжалось все высиживание, к сожалению, сказать не могу, так как в день нашего поселения на хуторе мы застали уже самочку на гнезде, и когда она на него села – осталось нам неизвестным. Что, несмотря на столь дурное высиживание, птенчики все-таки вылупились, это следует приписать, конечно, той высокой температуре, которая все время держалась под черепитчатой крышей веранды благодаря горячим лучам крымского солнца (днем – от 24 до 26, ночью – около 19° по Реомюру^[240]).

Через 19 дней прилежного выкармливания обоими родителями наши птенчики выпорхнули из гнезда и уселись рядышком на той самой веревке, на которой их «папаша» распевал раньше свои песенки. На второй день они уже предпринимали маленькие экскурсии около хутора, ночевать же собирались снова в своем гнезде, что повторялось также и в следующие 9 дней. На 10-й день по вылете из гнезда наши касаточки к ночи уже не возвратились на веранду. Они ночевали где-то на воле, и с тех пор мы потеряли их из виду.

Вылетевших из гнезда птенцов родители кормят нередко на лету, что представляет собой чрезвычайно милое зрелище.

Молодые, недавно вылетевшие из гнезда, выводки касаток любят присаживаться на обращенный к солнцу скат крыши, где с видимым наслаждением берут «солнечную ванну» – греются на солнечном припеке, распластав крылышки и повернув набок головку. То же самое проделывали и наши птенчики на раскаленных солнцем черепитчатых кровлях хутора.

В конце лета касатки сбиваются большими стаями в речные долины или к поросшим камышами прудам и озерам, где и охотятся целыми днями за разной мошкаррой, ночуют в камышах и на ветках свесившихся над водой кустов. Во второй половине августа или в первой сентября наступает время отлета: в одно прекрасное утро стая снимается с места и улетает на юг – в тропические и экваториальные страны.

И вот – их гнездо одиноко,
Они уж в иной стороне –
Далеко, далеко, далеко...^[241]

Там касатки вместе с другими ласточками проводят нашу зиму и сразу после линяния, с наступлением весны, снова возвращаются к нам – гнездиться и радовать нас своим присутствием.

Для клетки касатка, как и любая другая ласточка, конечно, не создана – всякий с этим легко согласится. Впрочем, известны редкие случаи, когда некоторым мастерам-любителям не только удавалось приучить эту птичку к искусственному корму (муравьиные яйца с тертой морковью) и сохранить ее в комнате в течение нескольких лет, но даже заставить в клетке гнездиться и выводить птенцов.

Что же касается выкармливания (комнатными мухами) случайно найденных беспомощных птенчиков касатки – так же, как и всякой другой ласточки – то сделать это легче, чем с каким-либо другим птенчиком.

Ручная ласточка – очаровательнейшее существо, какое только можно себе представить. Привязанность ее к людям, которые ее выкормили, настолько велика, что приходится употребить немало усилий для того, чтобы заставить ее своевременно улететь с другими ласточками на зимние квартиры. Говорю это по личному опыту, вспоминая милую касаточку Весту, выкормленную однажды летом в моей семье и затем с немалыми усилиями присоединенную к ее сородичам для осеннего отлета в теплые края^[242].

Городская ласточка, или воронок^[243]

(рис. XXII)

Вьется ласточка сизокрылая Над окном моим над косящатым.

Это птичка по преимуществу городская. Это та ласточка, которая лепит свои земляные гнезда над окнами городских домов. Она резко отличается от касатки следующими признаками: отсутствием хвостовой вилочки (косички); чисто-белым цветом всей нижней части тела, от клюва до хвоста; снежно-белым надхвостьем (нижняя часть спинки) и оперенными белым пушком лапками (у касатки лапки голые, черненькие). По величине воронок несколько меньше касатки.

Область распространения воронка так же обширна, как и касатки: он гнездится от Лапландии до Крыма и Кавказа включительно.

В противоположность касатке, воронок любит больше кружиться в верхних слоях воздуха, любит «купаться в голубом эфире» – как выражаются поэты. В особенности перед грозой воронки нередко забираются на страшную высоту, и тогда – если тучи не успели еще закрыть солнце – освещенные его лучами, они кажутся на черном фоне туч словно лоскуточки белой бумаги, кружащиеся и гонимые ветром на громадной высоте. Когда же начнется дождь, а также и в первое время после ненастья, эта ласточка, подобно касатке, также кружится больше над поверхностью земли, ловя на лету спугиваемых ею насекомых. Вообще, воронок любит больше широкий простор для своего полета; его редко когда можно встретить охотящимся за насекомыми в узких переулках и по глухим уголкам, которые, напротив, так охотно посещаются касаткой. Полет у воронка более спокойный и не столь искусный, как у касатки.

Голос у воронка слабый, малозвучный. Призывный его крик звучит вроде «трик-трик» и довольно часто издается в полете. Звук предостережения – довольно громкое «чирр-чирр». Про песню этой ласточки не стоит и говорить: это совсем плохое, слабое чириканье, сравнительно с которым щебетание касатки является совсем мастерским пением.

Гнездо свое воронок лепит из кусочков глинистой земли, склеивая их своей клейкой слюной. Делается оно закрытым со всех сторон, но с небольшим боковым отверстием для влета и вылета. Таким образом, и в этом отношении городская ласточка отличается от деревенской, у которой, как мы видели, гнездо делается сверху всегда открытым. Работа по постройке гнезда всегда ведется так, что одна ласточка подносит материал, а другая лепит. Одновременно им обоим нельзя улетать от своей постройки, так как в таком случае ею не замедлили бы завладеть другие парочки воронок или же нахальные воробьи. В особенности трудно бывает воронкам отбить свое гнездо от забравшегося в него воробья, и в таких случаях им приходится снова приниматься за постройку на новом месте. Рассказы о замуровании ласточками самовольно забравшегося в их гнездо воробья, конечно, принадлежат к области фантазии: вряд ли станет такая умная птица, как воробей, дожидаться, пока от нее закроют свет Божий. Да если бы это даже и случилось, то, обладая

достаточно сильным клювом, воробей, вероятно, не замедлил бы разрушить свою глиняную темницу.

Самочка воронка несет четыре-пять чисто-белых, без всяких крапин, яиц и высидывает их одна в течение 12–13 дней.

Во время высидывания в хорошую погоду самчик доставляет своей самочке корм в гнездо; в ненастную же погоду ей приходится слетать с гнезда и самой промышлять корм, так как в такие дни самчик едва успевает себе найти необходимое пропитание.

Выше было уже упомянуто, что воронок гнездится преимущественно в городах; в деревнях и селах он гнездится редко и лишь при условии нахождения каменных построек. В гористых местах воронки гнездятся колониями, прикрепляясь к скалам, такие же земляные гнезда, какие они лепят над окнами в городах. В Оренбургском крае воронки гнездятся в земляных норах, вырытых по обрывам береговыми ласточками (о которых речь будет ниже), в городах же и в деревнях не гнездятся вовсе. Весьма вероятно, что воронок находится там еще в диком состоянии.

На южном берегу Крыма (в Лименах) мне случилось наблюдать совместное гнездование касаток и воронок: их лепные гнезда (закрытые – воронка и открытые – касатки) помещались рядышком, под свесом карниза каменного дома.

Воронок прилетает и отлетает почти одновременно с касаткой.

Однажды, в первых числах августа, мне принесли двух птенчиков воронок, выпавших из разоренного деревенскими мальчишками гнезда. Нам счастливо удалось выкормить этих очаровательных птичек комнатными мухами, которых птенчики уничтожали в невероятном количестве. Прожив в комнате три недели, Сильфа и Эльфа (так звали наших питомцев) стали совершенно ручными – настолько, что, кружась высоко в воздухе с другими ласточками, возвращались на мой зов и садились на протянутый палец руки. Они были любимцами и баловнями всего дома^[244].

Береговая ласточка, или стрижок^[245]

(рис. XXII)

Это та ласточка, которая гнездится – иногда громадными колониями – в норах, вырываемых ею в обрывистых, обнаженных

берегах рек и озер, а также по крутым, обнаженным оврагам и глиняным ямам, нередко в нескольких верстах от ближайшей воды.

В общем, по складу и полету очень сходная с воронком, береговая ласточка хорошо отличается от него буро-землистой окраской верхней части тела, узким ошейником того же цвета на белой шейке и отсутствием белого надхвостья. По величине стрижек немножко меньше воронка.

Эта ласточка также гнездится по всей России, от Лапландии до Крыма и Кавказа включительно. Чем дальше на восток, тем чаще и в большем количестве встречается береговая ласточка. Путешественник, едущий на пароходе по большим нашим рекам (в особенности по сибирским), встречает этих ласточек, почти на каждом шагу, большей частью низко летящими над водой.

Прилетают и отлетают береговые ласточки почти одновременно с воронками и касатками.

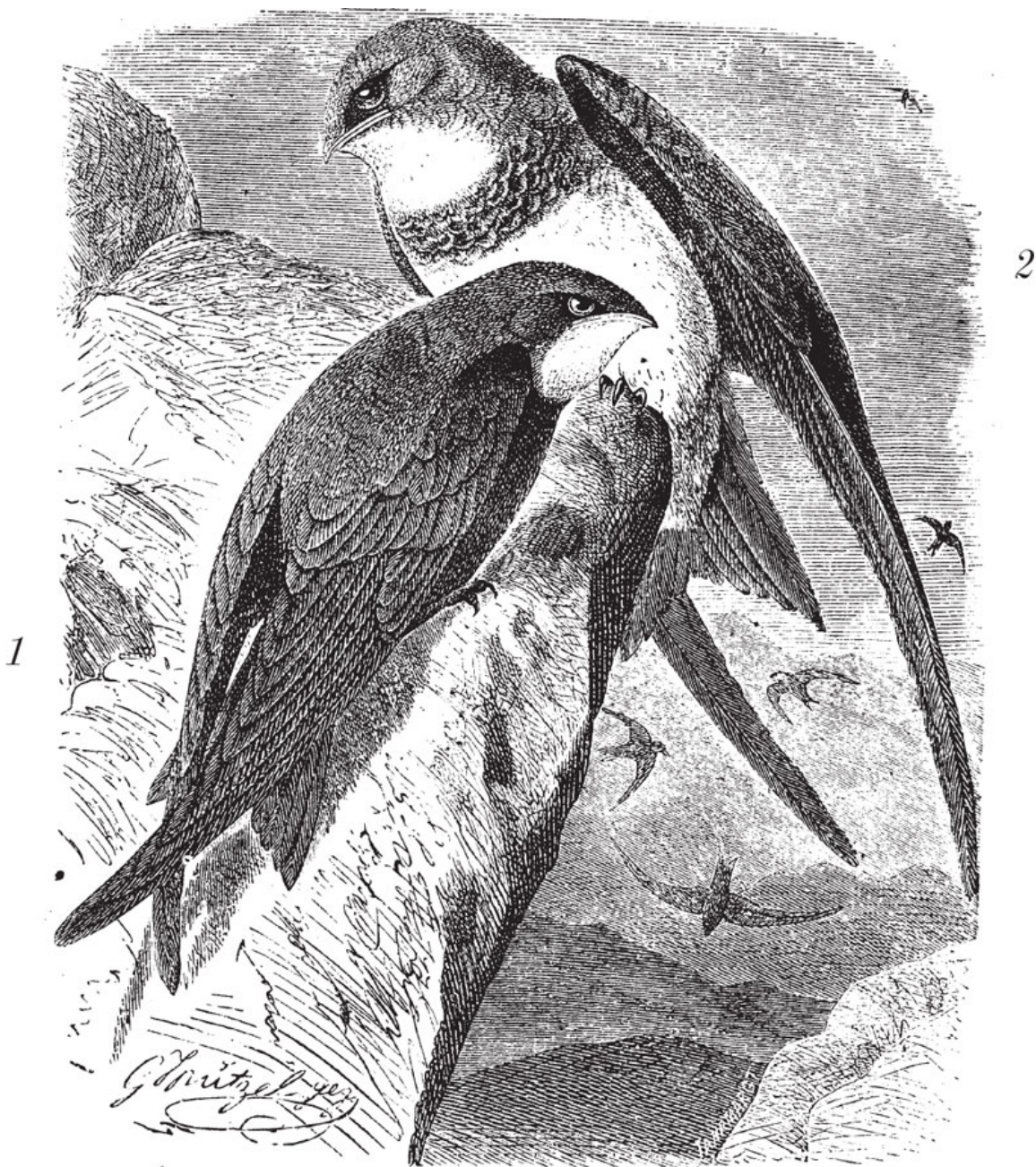
Стриж^[246]

*Жди ясного на завтра дня:
Стрижи мелькают и визжат,
Пурпурной полосой огня
Прозрачный озарен закат...*

А. Фет

ОЧЕНЬ обыкновенная, особенно в городах, птица; ее часто путают с ласточкой и даже называют ласточкой. Происходит это от большого сходства в образе жизни, а также отчасти и по наружному складу *стрижа* с вышеупомянутой птицей. Подобно ласточке, стриж также кружится весь день в воздухе, ловя мелких насекомых. Но стриж имеет в то же время и весьма многие от ласточки отличия; из них некоторые настолько существенны и важны с научной точки зрения, что даже заставляют ученых-птицеводов относить стрижа к совершенно иной, вовсе не родственной даже ласточкам, группе птиц. Самым важным наружным признаком, отличающим стрижа от ласточки, служат его лапки, все четыре пальца которых, снабженные большими и очень острыми когтями, обращены вперед, тогда как у ласточек три пальца обращены вперед, а один – назад (как и у большинства прочих наших птиц). Конечно, этот признак легко и удобно можно рассмотреть только тогда, когда держишь стрижа в руках. Но есть и другие, весьма хорошие признаки, позволяющие легко и скоро отличить стрижа от ласточки, даже в полете и на значительном расстоянии. Во-первых, стриж весь почти черный, словно вымазан сажей, как сверху, так и снизу, за исключением лишь беловатого горлышка, между тем как все наши ласточки более или менее окрашены снизу в белый цвет. Во-вторых, стриж значительно крупнее ласточки, и его необычайно длинные и узкие крылья изогнуты серпом (как молодая луна), что хорошо можно наблюдать, когда он парит в воздухе с неподвижно распластанными крыльями. В-третьих, стрижи, когда играют или ссорятся, гоняясь друг за дружкой, так громко и резко визжат («визззз-визззз»), что когда 8-10 этих птиц проносятся с визгом

близко мимо человека, то хоть затыкай уши – голоса своего не услышишь. Ничего подобного этому визгу не издает ни одна из прочих наших птиц.

Стрижи: 1 – черный; 2 – белобрюхий (альпийский)

Полет стрижа также весьма своеобразен. Правда, когда он реет высоко в воздухе, охотясь за насекомыми, и описывает красивые дуги, подобные тем, которые выделывают на льду конькобежцы, тогда его

полет немногим еще отличается от полета ласточек; но когда он летит в нижних слоях воздуха, близ поверхности земли или между домами, то всегда несется необычайно стремительно, словно угорелый, причем его сильные крылья со свистом рассекают воздух. Вообще, стриж, несомненно, самый великолепный и быстрокрылый летун из всего нашего пернатого мира.

Стриж никогда не садится на деревья, а также и на землю. На сучке он не может держаться за неимением заднего пальца. Если пойманного стрижа посадить на ровную поверхность, то он не сможет подняться в воздух – ему мешают в этом его длинные крылья. Он может взлететь не иначе, как бросившись с какого-нибудь возвышающегося над поверхностью земли предмета.

Распространение стрижа очень обширно. От Кольского полуострова до Крыма и Кавказа включительно он весьма обыкновенен во всех городах Европейской России и принадлежит к числу весьма многочисленных птиц (в особенности на крайнем юге). Почти повсюду, где только есть церкви и большие каменные здания, можно встретить и стрижей, которые любят гнездиться в таких постройках. Вокруг церковных башен и над окружающими их площадями стрижи кружатся иногда сотнями.

Этих птиц у нас можно видеть только в весеннее и летнее время – на зиму они отлетают в далекие тропические и экваториальные страны. Весной прилетают к нам (в Петроград) стрижи довольно поздно и обыкновенно весьма регулярно – около 6–7 часов вечера, в первых днях мая, изредка – в последних днях апреля. Тотчас по прилете они приступают к гнездованию. Почти повсюду в Европейской России стрижи гнездятся преимущественно в отверстиях каменных стен городских и сельских построек; только на крайнем востоке – как, например, в Оренбургском крае – эти птицы избегают селиться среди жилья людей, а избирают для этой цели разные норы, щели и прикрытые сверху выступы обрывов и скал гористых местностей.

В некоторых местностях стрижи гнездятся в лесах, в дуплах больших старых деревьев (отсюда названия: *боровой*, *боровичок*). Иногда поселяются и в выставленных для скворцов скворечниках.

Материалом для гнезда стрижа служат сухие былиночки и листья, перья, волосы, тряпочки и тому подобный материал, частью

похищаемый из воробьиных гнезд, частью же подхватываемый на лету, в воздухе, во время сильных ветров. Весь этот материал, без всякого порядка, укладывается чашкообразно и скрепляется скоротвердеющей на воздухе слюной. Самочка несет два, редко три, совершенно белых яичка, имеющих сильно вытянутую, почти цилиндрическую, с обоих концов почти одинаково закругленную, форму. Высиживанием занимается одна только самочка, самчик же доставляет ей в это время необходимый корм. Птенцы выкармливаются обоими родителями, растут очень медленно и лишь по прошествии многих недель становятся способными летать (к концу июля).

Вслед за вылетом из гнезда молодых стрижи нас покидают и улетают в глубь Африки, на зимовье, где у них проходит линяние; у нас для этого им не хватает времени. Из Петрограда стрижи скрываются обыкновенно уже в первые дни августа.

В горах Крыма и Кавказа, кроме вышеозначенного стрижа, водится еще *белобрюхий*, или *альтйский*, *стриж*^[247], сверху дымчато-бурого цвета, снизу же желтовато-белый, с широким бурым поясом на груди. Кроме того, он значительно крупнее нашего стрижа. Во всем остальном весьма схожий с боровым, белобрюхий стриж помимо окраски хорошо отличается от него и своим криком: он не визжит пронзительно, как наш стриж, а издает очень громкую своеобразную сухую трель, вроде «тиррррр...», которая тотчас же привлекает к себе внимание наблюдателя, впервые имеющего дело с этой птицей.

Мне привелось наблюдать белобрюхого стрижа в большом количестве в Крыму – в окрестностях Бахчисарая (в долине Успенского монастыря), где он и гнездится в скалах многочисленными обществами.

Козодой^[248]

(рис. XVI)

*Уходя, день ясный плакал за горою
И, роняя слезы, жаркою зарею
Из-за темной рощи обхватил край нивы.
Дню вослед глядела ночь – и переливы
Света отражались и, дрожа, блуждали
По ее ланитам. Тихо начинали
Выходить светила, месяца предтечи,
Перед Божьим тронem зажигая свечи.*

Я. Полонский

Жители городские не знают этой близко родственной стрижам птицы; сельские же – чаще слышат ее, чем видят. Впрочем, нельзя сказать, чтобы козодой очень уж редко попадался на глаза. Чаще всего встречи с ним происходят в тихие весенние и летние вечера, во время прогулок, – в те часы, когда, говоря словами нашего поэта, «уходя, день ясный плачет за горою» и когда начинают «перед Божьим тронem зажигаться свечи». В это время на лесных полянах или около лесных опушек, а также вблизи степных хуторов нередко обращает на себя внимание довольно крупная птица (величиной с кукушку), мягким неслышным полетом невысоко над поверхностью земли скользящая и играющая в воздухе, подобно ласточке. У немцев она даже и называется *ночная ласточка* (Nachtschwalbe – в числе многих других названий). Гораздо же чаще эта птица привлекает к себе внимание своей удивительной песней – если только можно назвать этим словом ворчание, сходное с ворчанием лягушек на болоте. Народ говорит про козодоя, что он «урчит»; и действительно, это слово очень хорошо характеризует песню козодоя, звучащую вроде «урррррр...» или «орррррр...», а подчас и «эрррррр...», смотря по тому, вдыхает или выдыхает воздух «урчащая» птица (всегда самец – самка не «урчит»). Это «урчание» раздается у нас, на севере, в светлые майские и июньские ночи, иногда почти всю ночь напролет

и длится подчас без перерыва минут пять и более; на юге же «урчание» козодоя можно слышать преимущественно в начале и в конце ночи; продолжается оно, постепенно ослабевая, почти до половины июля. Особенно хорошо известно это «урчание» охотникам, которым оно иногда жестоко надоедает, в конце апреля или в начале мая, мешая выслушивать токующего глухаря. «Урчит» козодой только в сидящем положении, причем он садится или прямо на поверхность земли, на валежину, на пень срубленного дерева, или же на низкий горизонтальный сук какого-нибудь старого дерева. При этом он всегда поджимает под себя свои маленькие лапки, из четырех пальцев которых три обращены вперед, а четвертый – внутренний – может быть обращен и назад.

Пернатая одежда козодоя чрезвычайно своеобразна: сверху она буровато-серая и испещрена черными крапинками и черточками; снизу – красновато-желтоватая с темными извилистыми поперечными полосками. Благодаря такой окраске (совсем под древесную кору) можно днем в двух шагах пройти мимо лежащего, например, на валежине козодоя и не заметить его – так похож он на какой-нибудь нарост на коре дерева. И птица хорошо это знает: она слетает с места только тогда, когда видит, что человек идет прямо на нее, и то – лишь в последний момент.

Козодой – вполне ночная птица – такая же, как и сова: днем спит, а с наступлением сумерек вылетает на охоту до утренней зари. К ночному образу жизни приспособлены и его большие красивые глаза. Охотится он исключительно за насекомыми, преимущественно крупными, схватывая добычу большей частью на лету (редко с земли) и выказывая при этом не меньшую ловкость в полете, чем и ласточки. Клюв у него огромный, раскрывающийся в буквальном смысле до ушей. Окружающие клюв и торчащие вперед длинные, жесткие щетинки еще более увеличивают хватательный объем его пасти. Козодой без труда схватывает на лету и проглатывает навозных, майских и других крупных жуков, а также больших ночных бабочек (например, сфинксов) и уничтожает их во множестве.

В больших загородных садах и парках козодой любит садиться в сумерки и ночью на усыпанные песком дорожки и на площадки перед беседками и домами.

Гнездится козодой по всей Европейской России, с Крымом и Кавказом включительно; только на Крайнем Севере он не водится. Прилетает он к нам обыкновенно ко времени расхолаживания березовых почек (под Петроградом – в последней трети апреля) и тотчас же дает знать о себе своим далеко слышным «урчанием».

К гнездованию козодой приступает у нас во второй половине мая. Настоящего гнезда эта птица не делает, а самочка кладет свои два яйца обыкновенно на поверхность земли или старого пня, без всякой подкладки; самое большое, на что способна, это сделать в вереске небольшое чашкообразное углубление и слегка выложить его сухими веточками. Почти правильно овальные яйца козодоя покрыты по белому фону фиолетовым и серым мраморным рисунком. Во время опасности самочка не спеша удаляется от гнезда и, притворяясь слабой и больной, старается отманить в сторону нарушителя ее покоя.

Птенчики козодоя прикрыты в течение дня дремлющими в гнезде родителями; с наступлением же сумерек начинается прилежное кормление птенцов, причем в первое время им даются более мелкие и нежные насекомые, а затем и более крупные.

Отлет козодоев на юг происходит в августе и в начале сентября. Само собой разумеется, что они летят только с наступлением вечера. В это отлетное время птиц этих нередко можно встретить в таких местах, где в другое время их никогда не увидишь. Так, однажды перелетный козодой наблюдался в августе даже на 1-й линии Васильевского острова в Петрограде.

Истреблением в лесах огромного количества насекомых, в том числе и многих весьма вредных для леса, козодой оказывает большие услуги лесному хозяйству, а потому должен быть причислен к полезнейшим нашим птицам. Его нужно тщательно охранять, а не отстреливать, как это делают, например, многие легкомысленные охотники, неудачно простоявшие в лесу пару часов на вечерней тяге вальдшнепов. К тому же убитый козодой вовсе не ахти какая аттестация для стрелка: застрелить эту птицу на лету вовсе не трудно, так как она имеет особенность после неудачного по ней выстрела приостанавливаться в воздухе, трепеща на одном месте крыльями, и таким образом представляет собой для выстрела из другого ствола почти неподвижную цель.

Взятые из гнезда молодые козодои могут быть выкормлены – правда, не без значительного труда – ночными бабочками и жуками. Им необходимо впихивать пищу в рот; подросшим же – подносить корм, что называется, под самый нос, иначе они его сами не берут.

В заключение несколько слов о вероятном происхождении названия *козодой*, существующего для этой птицы и у других европейских народов^[249]. Из переполненного вымени дойных животных, в том числе и коз, нередко вытекает каплями молоко, привлекающее к себе на ночных выгонах большое количество разных насекомых, которые и кружатся около вымени; насекомые же, в свою очередь, привлекают к себе козодоя. Ночью сторожевые пастухи, грехом, задремали, а недобрые люди (или втихомолку кто-нибудь из пастухов) выдоили, улучив минутку, несколько коз. Наутро – хватить доить, а молока-то и нет! С вечера же, засыпая, пастухи видели козодоев, сновавших около коз, ну и естественно, что хозяин вину свалил на ни в чем неповинную птицу, благо она говорить не умеет и не может вывести на чистую воду проказы людей...

Мухоловка-пеструшка ^[250]

*Уж верба вся пушистая
Раскинулася кругом;
Опять весна душистая
Повеяла крылом.*

А. Фет

Отцвела ольха, зацветают ивы. Лужайки в садах и парках чуть подернулись зеленью. То там, то сям мелькают желтенькие цветочки мать-и-мачехи. По редколесью высыпали во множестве белые перелески. У березы наливается почка; у черемухи она уже запестрела – раздвинула покровные чешуйки. Славное время и дорогое для любителя и наблюдателя царства пернатых. В это время что ни день, то новый крылатый гость – желанный, долгожданный, с которым мы так долго не видались... А уж как весело встречать этих гостей, в особенности, если с каждым из них знаком уже много лет и знаешь, когда и где кого поджидать! Очень это приятно.

Листьев на деревьях еще нет – все как на ладони. Чуть слышал знакомый голосок, смотришь – и сама она, певунья, сидит на ветке или перепархивает с сучка на сучок. Откуда ни подойди – отовсюду видно: ничто не мешает – смотри да любуйся.

Пеночки (теньковки и веснички) уже налицо. Горихвостки уже третий день дома. Вчера весь день летели гуси, а под вечер заворчали в канавах лягушки и вылетели из своих зимних укрытий летучие мыши – обязательно должны объявиться сегодня *пеструшки*. Ночь была теплая, тихая. А утро-то какое! Ни откуда ни ветринки; солнышко пригревает;

Улыбкой ясною природа
Сквозь сон встречает утро года...

Неприменно должна была прилететь сегодня ночью пеструшка. Да никак она и есть. «Вит... вит... вит...» – словно деревенская ласточка, подала свой голос из той вон группы деревьев...

Летит сюда через полянку... Села на нижний большой сук раскидистого дуба и тотчас запела свою коротенькую, отрывистую, словно рубленую, песенку: «Ти-крути-крути, тикру-тикру», – и опять то же, только с некоторой перестановкой «слов», – звучно, громко и очень мило^[251].

Подойдем поближе – полюбуемся на свежеприлетную гостью. Она близко подпустит к себе – не из пугливых. Какая красоточка! Маленькая (немножко побольше чижа^[252]), сверху черно-бархатная, снизу снежно-белая с белым лобиком на черной головке и с широким белым «зеркальцем» на черных крыльях.

Сочетание черного и белого цветов в пернатом наряде этой птички послужило основанием также к называнию ее *сорочкой* (у петроградских птичников) и *траурной мухоловкой* (Trauerfliegenfänger – у немцев).

Впрочем, чистое черно-белое оперение имеют только старые самцы (которые обыкновенно раньше всех и прилетают); у молодых же самцов, а также и у самок к этим цветам примешивается в большей или меньшей степени серый цвет.

Вот пролетел мимо нашей красоточки крошечный мотылек; быстро взлетела она за ним (как красиво сверкнули при этом белые «зеркальца» ее крыльев!), щелкнула клювом и снова вернулась на тот же сук. От острого глаза пеструшки не уйдет ни одна мимолетная мушка, как бы мала она ни была, – все будет ловко поймано и скушано на здоровье.

Мухоловка-пеструшка принадлежит к числу широко распространенных птиц: она гнездится по всей России, от Лапландии до Кавказа и Крыма.

Относительно весеннего прилета этой птички следует заметить, что он бывает чрезвычайно изменчив: то несколько лет кряду пеструшка прилетает в известную местность в весьма обильном количестве и является тогда очень обыкновенной птицей, встречающейся, как говорится, чуть не на каждом шагу; то год-другой в той же самой местности лишь кое-где с трудом ее отыщешь. Так, в небольшом сравнительно парке Лесного института (под Петроградом) в течение второй половины 80-х годов каждую весну, в прилетное время, можно было в одно утро встретить 10–12 поющих пеструшек-самцов, необычайно оживлявших парк своим

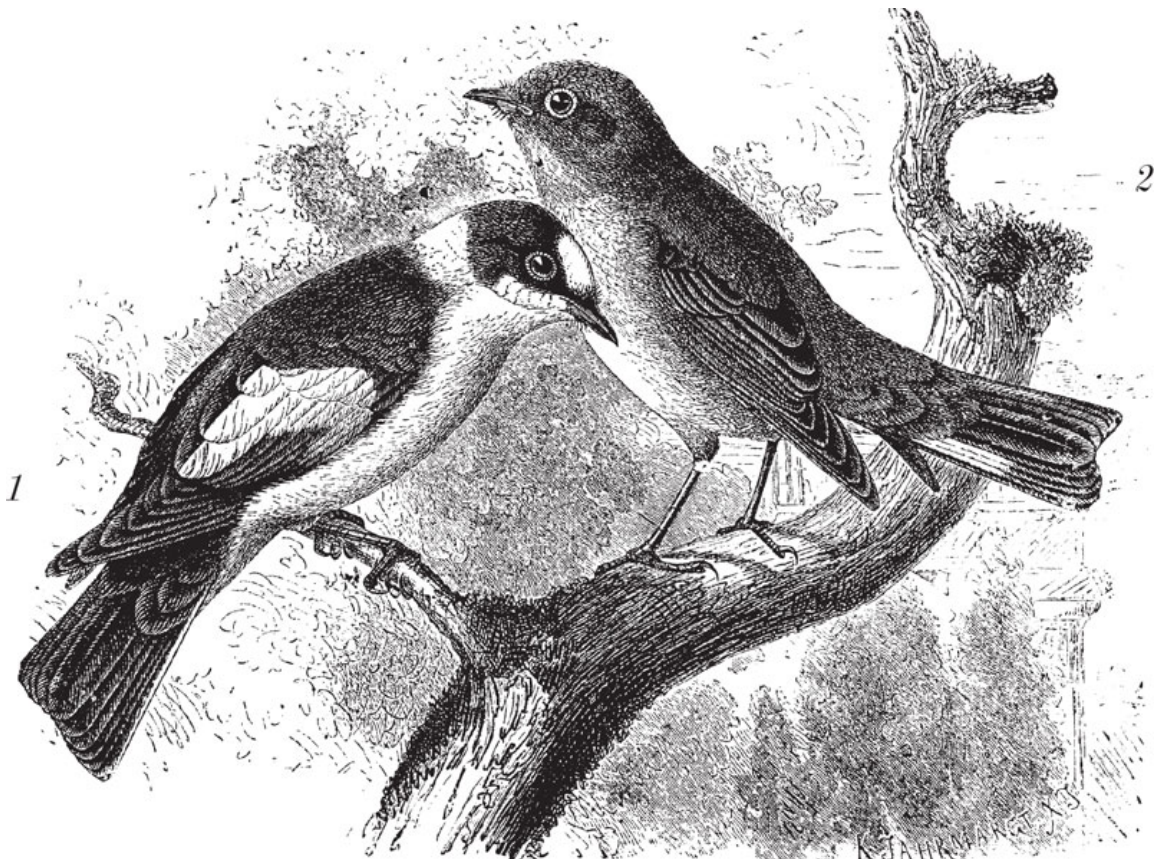
присутствием и пением. Весной же 1890 года у нас объявились всего лишь три парочки этих птичек и то с большими промежутками: в урочное время прибыла только одна парочка; затем, недели через две-три, объявились еще две, которые и остались гнездиться в парке. В последующие весны пеструшки хотя и прилетали к нам в несколько большем числе, но далеко не в таком, как в конце 80-х годов. Правда, неравномерность прилета (в количественном отношении) наблюдается иногда и у других перелетных птиц, но только не в такой сильной степени, как у пеструшки.

Гнездится пеструшка обыкновенно в дуплах деревьев. В парке Лесного института, имеющего мало дуплистых деревьев, эти птички охотно гнездятся в маленьких домиках (ящичках), выставленных на деревьях в различных местах парка.

Яйца пеструшки окрашены в голубой цвет, без всякой пестрины.

Пищу мухоловки составляют различные насекомые, которых она схватывает преимущественно на лету, щелкая при этом своим клювом. В дождливое время, при недостатке насекомых, мухоловки берут также и ягоды: крушину, бузину и другие.

Жизнь пеструшки тесно связана с деревьями, а потому она и водится только в таких местах, где есть древесная растительность. На зиму она нас покидает, отлетая осенью, довольно рано, в тропические страны.

Мухоловки: 1 – белошейка; 2 – лоцманчик

В комнате пеструшек – как и других мухоловок, о которых речь будет впереди, – редко держат: они слишком нежны и почти не выдерживают неволи.

Кое-где в средней и южной России встречается *мухоловка-белошейка*^[253] очень похожая оперением на пеструшку, с которой ее часто и путают. Взрослого самца белошейки можно узнать по имеющемуся у него белому ошейнику (откуда и название этой птицы); у самочки же такого ошейника нет, и потому ее почти невозможно отличить от самочки пеструшки.

Белошейка – птичка преимущественно южная. В Киевской губернии местами она довольно обыкновенна. В Крыму она гнездится только на южном берегу, в степной же части бывает в период весеннего и осеннего перелета.

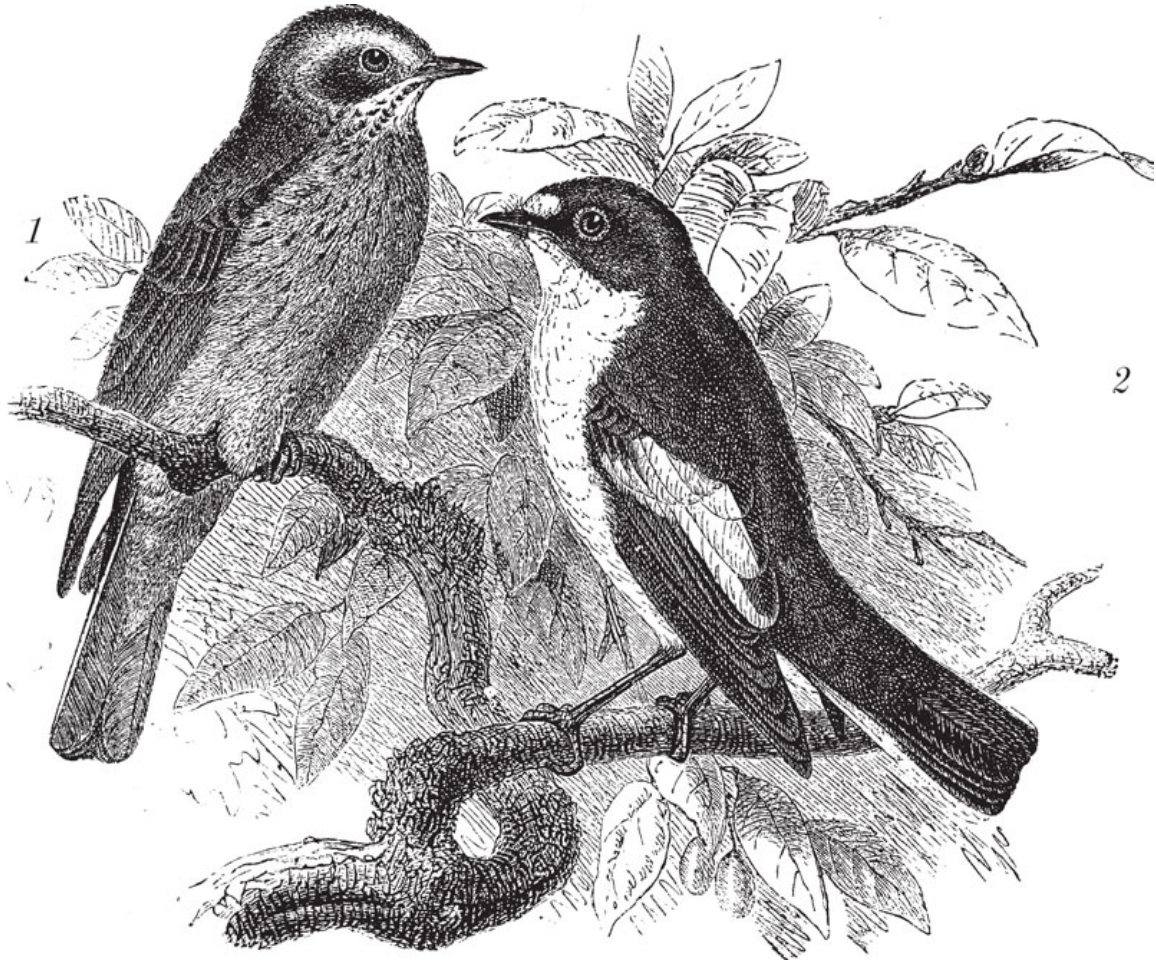
Серая мухоловка^[254]

Немного покрупнее пеструшки^[255] и окрашена более скромно. В общем, это птичка серая, с темно-серыми крыльями и спинкой и с некоторой пестриной на нижней стороне (темные продольные крапинки по светло-серому фону).

Эта мухоловка также гнездится по всей Европейской России – от Крайнего Севера до Крыма и Кавказа включительно. Будучи весьма обыкновенной птицей наших садов и парков, серая мухоловка, однако, остается весьма малозаметной, благодаря, во-первых, своему скромному оперению, а во-вторых – и это главным образом – вследствие совершенной ничтожности ее музыкальных способностей. Пения у нее, можно сказать, почти вовсе нет, а есть только какое-то сухое «цирканье» да «тсиканье»: «тси, тси, цир, цитэк, цирк» и далее все в таком роде, произносимые несвязно и совсем негромко, так что слышно всегда только за несколько шагов. Скорее еще обращают на себя внимание недавно вылетевшие из гнезда птенцы этой птички своим беспрестанным и сравнительно довольно громким криком: «ци-тэке».

Прилетают к нам весной серые мухоловки значительно позже пеструшек и именно к тому времени, когда береза уже зазеленела и собирается цвести черемуха (под Петроградом 10–15 мая). Мухоловки совершают свои перелетные путешествия по ночам, и в одно прекрасное майское утро эти птички вдруг появляются во всех местах своих гнездовий; в редком саду тогда не встретишь парочки этих мухоловок. Вообще, серая мухоловка распространена гораздо равномернее пеструшки и весьма регулярно прилетает ежегодно в известном количестве в ту или другую местность.

Гнездо свое серая мухоловка особенно охотно вьет на выходящих в сад окнах, карнизах и балконах, даже среди довольно обширных городов. Оно почти всегда плохо скрыто, и его нетрудно найти. В ненаселенных местностях гнездо этой мухоловки обыкновенно помещается по лесным опушкам, на древесных пнях, имеющих выгнившую сердцевину, или же в углублениях, образовавшихся в стволе дерева на месте сгнившего сука.

Мухоловки: 1 – серая; 2 – пеструшка

Яйца серой мухоловки испещрены по голубовато-зеленому фону большими буро-красными пятнами.

Во время ловли летающих насекомых эта мухоловка ведет себя так же, как и пеструшка: сидит смирно на каком-нибудь выступающем предмете и наблюдает за пролетающими мимо насекомыми. Схватив добычу на лету с характерным щелканьем клюва, она снова возвращается на прежнее место. Впрочем, в противоположность пеструшке, высматривающей свою жертву с сука какого-нибудь дерева, серая мухоловка чаще избирает себе наблюдательным пунктом какую-нибудь тумбу или столб (заборный, фонарный) и тому подобные, отдельно стоящие предметы, с которых открывается широкий кругозор. Около таких любимых птичкой наблюдательных постов иногда можно найти на земле темные шарики величиной с горошину: это *погадка*, выплевываемая мухоловкой

и состоящая из непереваренных твердых остатков от пойманных и съеденных насекомых (крылышки, ножки, чешуйки и т. п.).

Осенью серые мухоловки улетают весьма рано в далекие тропические страны.

Мухоловка-лоцманчик^[256]

В Европейской России, кроме Крайнего Севера, водится еще одна мухоловочка – хорошенькая, серенькая птичка, с ржаво-красноватой грудкой. Она самая маленькая из наших мухоловок^[257] и в большинстве местностей России составляет довольно редкое явление. У петроградских птичников она известна под названием *лоцманчик* (откуда произошло такое название – трудно сказать). У нас (под Петроградом) лоцманчик водится в больших смешанных хвойно-лиственных лесах, в которых ведет образ жизни, одинаковый с другими мухоловками, с той только разницей, что мухоловочная его деятельность происходит главным образом в районе вершин высоких деревьев. Благодаря этому обстоятельству наблюдать лоцманчика, даже с биноклем в руках, – дело нелегкое. Услышать же его во время гнездования очень легко, так как самчик беспрестанно повторяет свою громкую, но короткую песенку, звучащую вроде «ти-тэ-ти-тэ-тэ-тэ-тэ-тэ-тэ-тю» (так поют, по крайней мере, наши петроградские лоцманчики). Человек, знакомый с пением мухоловки-пеструшки и впервые услышавший песню лоцманчика, тотчас же подумает, что имеет дело с мухоловкой – так схожи между собой по характеру песни этих двух забавных птичек.

В некоторых местностях России (например, в Киевской губернии) лоцманчики гнездятся небольшими колониями [четыре-шесть гнезд на одной десятине (1,09 га) леса]. Красивое гнездо этой птички, построенное большей частью из зеленого мха, с подстилкой из шерсти и волос, помещается преимущественно в дупле дерева, но также иногда и в суковой развилине. Яйца лоцманчика по желтовато-белому или зеленоватому фону слабо испещрены красновато-желтыми пятнышками.

Прилетает к нам лоцманчик весной довольно поздно, когда деревья покрываются уже листьями, и рано улетает осенью – в тропические страны.

Лоцманчика иногда держат за его красоту в клетках. Кормить его нужно так же, как соловья и варакушку.

Сорокопут

*Маститые, ветвистые дубы,
Задумчиво поникнув головами,
Что старцы древние на вече пред
толпами
Стоят, как бы решая их судьбы.
Я тщетно к их прислушиваюсь шуму:
Все не поймать мне тайны их бесед...
Ах, жаль, что подле них тут резвой
речки нет:
Она б давно сказала мне их думу...*

А. Майков

На самых высоких ветвях одиноко стоящих среди полей деревьев, на выдающихся сучьях кустарников, на шестах, сваях, пограничных столбах и других высоких местах, нередко можно видеть сидящую птицу, гордую, как сокол, внимательную, как орел, и беспокойную, как мухоловка. Весной случается слышать, что она поет довольно длинную песенку, и если к ней хорошенько прислушаться, то можно заметить, что она собственно составляет только смесь всякого рода чужих звуков, которые птица подслушала у живущих вокруг нее певцов и повторяет самым забавным образом. Вся ткань песни, которую она понемножку сплетает, так приятна и привлекательна, что плутовку можно слушать с удовольствием. Эта птица – *сорокопут*, член многочисленного рода, соединяющего свойства сокола и певчей птицы», – так характеризует А. Врем^[258] сорокопута, и эта характеристика весьма удачна.»

У нас, в Европейской России, водится несколько видов этих интересных птиц, и так как они во многом весьма сходны между собой, то я поведу сначала речь о сорокопутах вообще, а затем уже дам отдельные краткие характеристики некоторых из наиболее распространенных представителей этих занимательных птиц.

Прежде всего несколько слов о наружности сорокопутов. Это птицы не большие, но и не очень маленькие: самый крупный

из сорокопутов величиной с дрозда; самый маленький – с жаворонка. Все они отличаются коренастым телосложением и довольно большой головой, с низким плоским лбом и очень крепким клювом. Верхняя часть клюва загнута на конце крючком и имеет с каждой стороны по выдающемуся книзу острому зубцу.

В окраске наши сорокопуть также имеют много общего: господствующие цвета – пепельно-серый, черный и белый; у всех через глаз проходит широкая черная полоса, издали хорошо видимая; хвост и крылья – черные с белым.

Любимыми местами пребывания сорокопутов являются полевые кустарники, лесные опушки, живые изгороди, отдельно стоящие высокие деревья, преимущественно вблизи возделанных полей. В таких местах сорокопуть сидят обыкновенно на каком-нибудь возвышении – дереве, шесте, столбе, на телеграфной проволоке и т. п., откуда внимательно смотрят вниз, на поверхность земли, высматривая для себя добычу. Добычей же им служат главным образом крупные насекомые, ящерицы, лягушки, мыши и небольшие птички. Завидев добычу, сорокопут стрелой бросается на нее, убивает своим крючковатым клювом и затем большей частью уносит жертву в когтях на какой-нибудь колючий куст, для того чтобы наколоть на острые колючки и потом разорвать на части и съесть. Делает он это потому, что не умеет есть, держа свою пищу в лапах, как это делают настоящие хищные и некоторые другие птицы. Если нет подходящих колючек, то добыча защемляется сильным ударом головы в какую-нибудь щель и затем уже поедается.

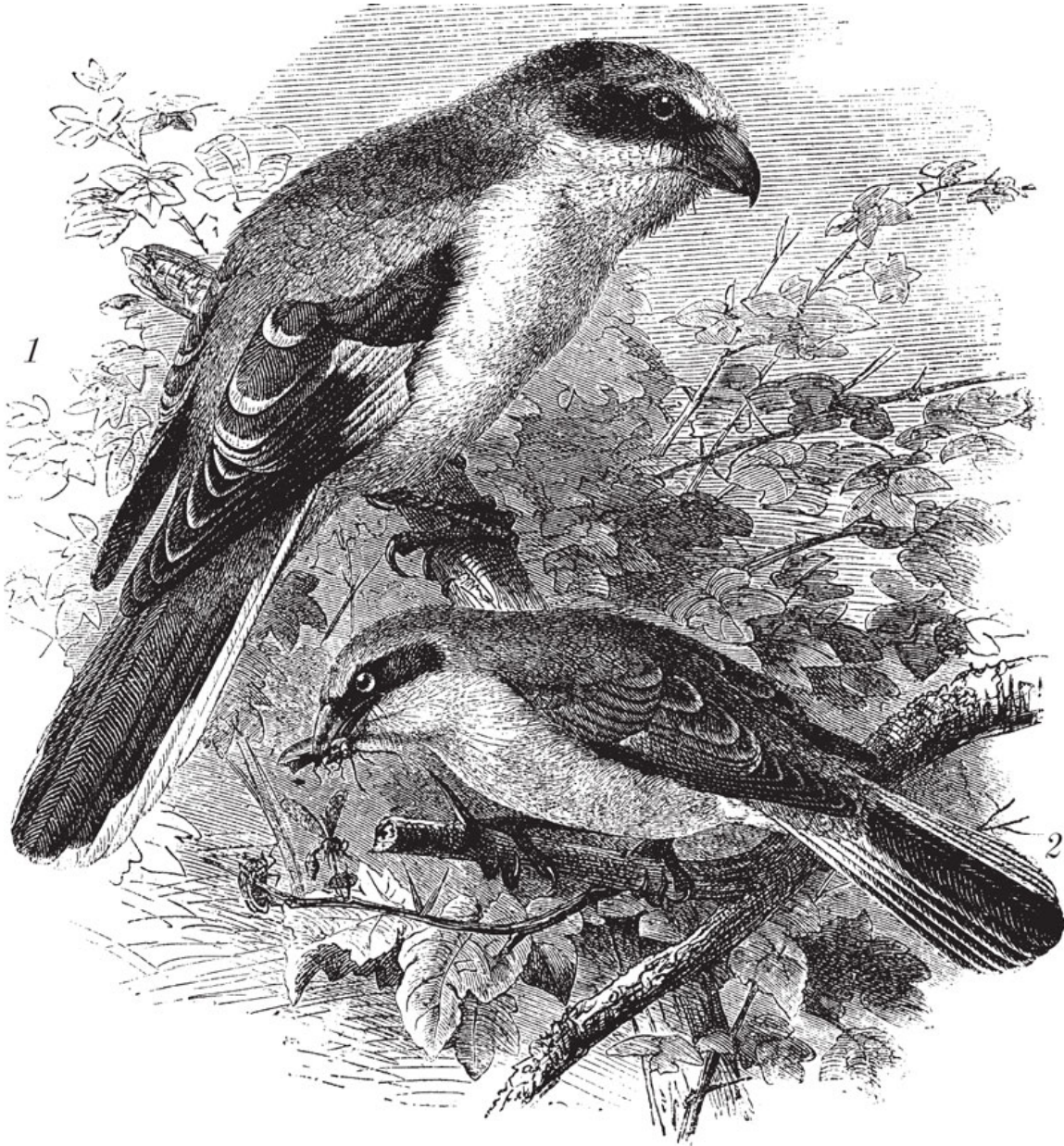
Хищнические инстинкты у сорокопутов развиты чрезвычайно сильно. Эти птицы ловят и умерщвляют свою добычу, по-видимому, даже и тогда, когда совершенно сыты. Нередко можно встретить куст или деревце с наколотыми на колючки несколькими крупными жуками, ящерицами, птичками, из которых половина вовсе не тронута, самое большое, что у птичек разбита головка и выклеван мозг, до которого сорокопуть, по-видимому, особенно охочи. Они мастерски умеют разыскивать птичьи гнезда, из которых затем не замедлят перетаскать всех птенцов. Храбрость и наглость сорокопутов не уступают их кровожадности, и если бы они были настолько же ловки в преследовании и ловле добычи, насколько они храбры и наглы, то это были бы одни из опаснейших разбойников

для мелкой пернатой публики. Впрочем, все вышесказанное относится почти исключительно к крупным видам сорокопутов, которые поэтому должны быть признаны более вредными, чем полезными птицами. Что же касается мелких видов, то они, как питающиеся по преимуществу насекомыми и лишь изредка нападающие на мелких птичек, должны быть причислены скорее к птицам полезным, чем вредным.

Полет у сорокопутов крутоволнообразный, весьма характерный. Они редко и неохотно перелетают через большие пространства, обыкновенно же перемещаются с одного какого-нибудь возвышения на другое, круто опускаясь дугой почти до самой земли и затем так же круто поднимаясь. Нередко можно видеть этих птиц трепещущими в воздухе, наподобие ястребов, на одном месте, при высматривании добычи.

Все сорокопуты – более или менее искусные пересмешки. Хотя они и относятся к числу певчих птиц, но собственных песен почти что не имеют, а заимствуют их у других птиц. Кусочки песен, призывные крики и разные другие птичьи голоса и звуки перемешиваются в одну общую пеструю болтовню, которую, как справедливо замечает Врем, можно слушать с удовольствием. При этом нужно заметить, что у сорокопутов поют не одни только самцы: нередко также и самочки весьма недурно упражняются в пересмешничании. Поющий сорокопут всегда весьма усердно подергивает в разные стороны своим хвостом, который вообще у него подвижен, в особенности когда птица чем-нибудь возбуждена.

В неволе сорокопуты скоро ручнеют и тогда являются весьма милыми и забавными птицами. Само собой разумеется, что их отнюдь не следует помещать в общую клетку с другими птичками.

Сорокопуть: 1 – большой; 2 – жулан

В заключение, несколько слов о происхождении названия *сорокопут*. Некоторые пишут – *сорокопуд*^[259]; конечно, это неверно. Название этих птиц, несомненно, происходит от слов *сорока* и *путать*, а не от *сорок пуд*, на что указывает также французское *Pie Grièche* (*серая сорока*) и немецкое *Strausselster* (*кустарная сорока*), существующие в числе других названий этих птиц. И действительно, сорокопуть имеют нечто общее с сорокой, в особенности более крупные из них (черные с белым крыльями и довольно длинный хвост).

Что же касается окончания *пут*, то оно, по всей вероятности, прибавлено как характеристика подражательного пения этих птиц, *путаящихся* в своих песнях голоса других пернатых певцов.

В Европейской России водится несколько видов сорокопутов, из которых наиболее распространены следующие три.

Большой сорокопут^[260]

Немного крупнее певчего дрозда. Сверху пепельно-серый, с беловатым лбом, снизу беловатый; хвост и крылья черные с белым.

Распространен по всей России, кроме крайнего юга, где встречается лишь зимой. Впрочем, и у нас, под Петроградом, этот сорокопут попадает на глаза преимущественно зимой и притом не особенно часто.

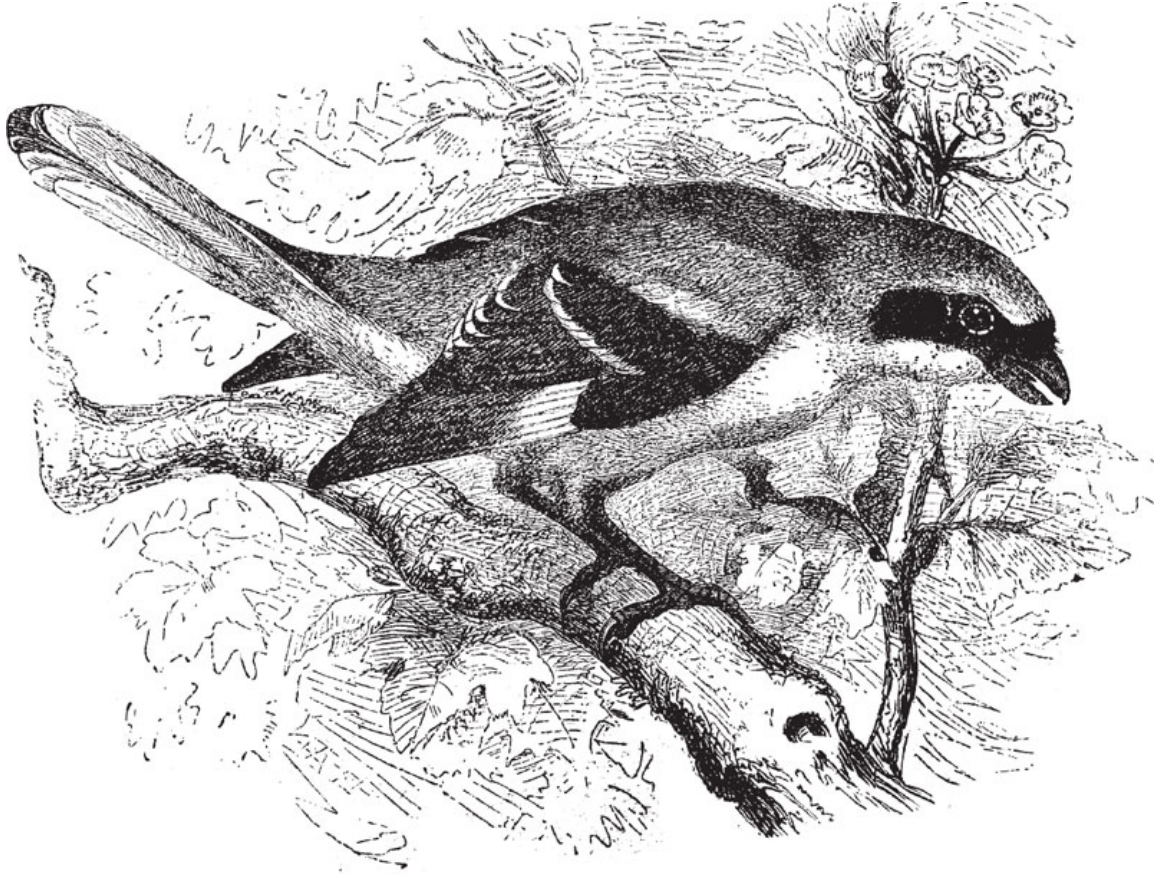
Гнездо свое, довольно большое и весьма искусно свитое из сухих стебельков, прутиков и мха, большой сорокопут помещает очень высоко (7-10 сажень^[261] над землей) на отдельно или группами стоящих на поле старых деревьях. Яйца большого сорокопуга – от четырех до семи штук в гнезде – испещрены по зеленовато-серому фону пепельно-серыми пятнышками.

Живший у меня в клетке большой сорокопут за несколько дней сделался совершенно ручным. Он брал из рук маленькие кусочки мяса, которыми я его кормил, и был вообще весьма забавен. Одним он только был неприятен, а именно тем, что имел обыкновение всюду запихивать кусочки сырого мяса, вследствие чего от его клетки постоянно распространялся весьма неприятный запах.

Чернолобый сорокопут^[262]

Величиной немного поменьше большого сорокопуга^[263], с которым весьма сходен по окраске, отличаясь лишь черным лбом.

Этот сорокопут принадлежит преимущественно западной и южной России, где является птицей перелетной, отлетающей на зиму в теплые края. На севере он не водится вовсе. В большом количестве мне приводилось его наблюдать в каменистой степи окрестностей Севастополя, где этот сорокопут является одной из обыкновеннейших птиц.

Чернолобый сорокопут

В противоположность прочим сорокопутам чернолобый довольно редко накалывает свою добычу на колючки, а преимущественно ущемляет ее. Вот почему, например, в степных местностях Севастополя, изобилующих сорокопутами и колючими кустарниками (держидерево, дикая груша и др.), весьма редко случается находить наколотых на колючки жуков и других мелких животных.

Сорокопут-жулан^[264]

(рис. VIII)

Отличается от большого и чернолобого сорокопутов несколько меньшей величиной^[265] и красно-бурой спинкой.

Это самый распространенный и обыкновенный из наших сорокопутов. Он гнездится, за исключением Крайнего Севера, по всей России, с Крымом и Кавказом включительно, и повсюду принадлежит

к числу птиц перелетных. У мест своих гнездовой жулан появляется весной довольно поздно (под Петроградом в конце апреля или в начале мая) и улетает осенью рано.

Гнездо жулана, весьма искусно свитое из тоненьких прутиков, стебельков и корешков трав, мха и подобных материалов, помещается всегда в густых кустах, невысоко над землей. Снесенные в гнезде пять – шесть пестреных яиц весьма изменчивы по величине и основному тону окраски: на бледно-зеленом, желтоватом и красноватом фоне они покрыты на толстом своем конце пятнами того же, основного, но только более густого цвета.

В учебном питомнике Лесного института одно время в течение целого ряда лет гнездилась парочка жуланов. После расчистки и приведения в порядок питомника эта парочка перестала в нем гнездиться (не стало более укромных уголков) и исчезла из нашей окрестности. Вследствие этого та часть институтского парка, в которой находится питомник, много потеряла в своей летней прелести, лишившись того оживления, которое вносила в нее парочка жуланов своими разноголосыми, пестрыми песнями. Самчик этой парочки был замечательно искусный пересмешник; он мастерски подражал даже некоторым свистовым коленам гнездившегося в том же питомнике соловья.

Свиристель ^[266]

(рис. VI)

*Октябрь уж наступил, уж роща
отряхает
Последние листья с нагих своих ветвей,
Дохнул осенний хлад, дорога промерзает;
Журча, еще бежит за мельницу ручей,
Но пруд уже застыл...*

А. Пушкин

Когда холодный октябрьский ветер сдует с деревьев осеннюю красу, оголит ветки и выставит напоказ пунцовые кисти рябины, тогда появляются у нас стайки замечательных по своей красоте птиц – свиристелей ^[267] (названных так, вероятно, по их призывному крику – звучной, красивой, серебристой трельке, которой эти птицы беспрестанно перекликаются между собой).

По наружному виду и красоте свиристелей нельзя смешать ни с одной из прочих наших птиц. Господствующий цвет окраски – нежно-розовато-серый; хохол такого же цвета; горлышко и черта через глаз черные; светлая полоска на конце хвоста ярко-желтая, с красными кончиками на каждом пере. Особенно красивы и единственны в своем роде крылья этой птицы: они представляют замечательно изящное сочетание основного черного цвета с белыми и желтыми полосками; кроме того, они украшены ярко-красными роговыми пластиночками, которыми заканчиваются белые перышки, расположенные поперечной полоской в средней части крыла. Самочка окрашена почти одинаково с самцом, но только все цвета у нее менее яркие. Величиной свиристель почти равняется скворцу.

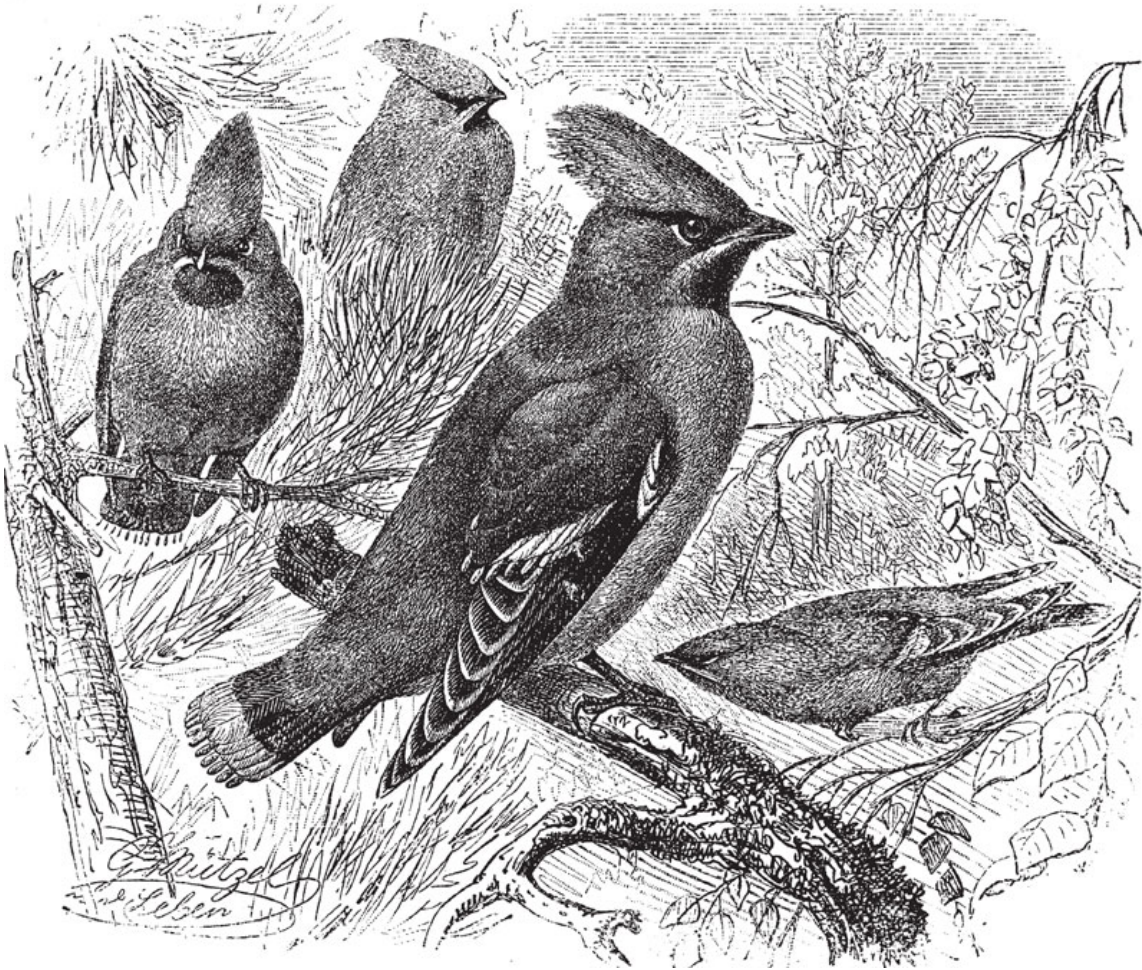
Родина этой птицы – крайний север Европы, Азии и Америки. Там свиристели гнездятся по дремучим, старым, болотистым еловым лесам и оттуда предпринимают ежегодно, с наступлением осени, свои перелеты к югу. Прилетают они к нам всегда стаями, иногда многосотенными. В северной и средней России свиристели

появляются почти регулярно каждый год – поздней осенью (изредка уже в сентябре) или зимой; в южных же губерниях, а также в Крыму и на Кавказе, они показываются преимущественно лишь в суровые зимы, с промежутками иногда в несколько лет. В урожайные для рябины годы свиристели встречаются у нас иногда в течение всей зимы. В декабре 1892 года эти птицы появились у нас, под Петроградом, тысячными стаями. Рябины, изобиловавшие в тот год ягодами, буквально ломились под тяжестью садившихся на них птиц.

С наступлением первых дней марта начинается обратное передвижение этих птиц на север.

Пока свиристели гостят у нас, они занимаются преимущественно поеданием рябины – любимой их ягоды. Подолгу можно любоваться этими красивыми птицами, когда они стайкой в 15–20 штук раскачиваются на тонких ветках рябины, отщипывая одну ягоду за другой.

Есть свиристели могут неимоверно много, потому что чрезвычайно быстро переваривают пищу и даже выбрасывают ее полупереваренной. Кроме рябины, они охотно едят также и ягоды можжевельника, шиповника, калины, боярышника и др.

Свиристели

Свиристель, по-видимому, весьма глуповата и несообразительна; по крайней мере, она вовсе не умеет распознавать опасности и отличать друга от недруга. Человека с его многочисленными кознями против всяких живых созданий она не знает и нисколько не боится – по крайней мере, в первое время по прилетел со своего глухого севера. Во всевозможные сети, западни и ловушки свиристели лезут массами: в то время как одни бьются под накрывшей их сетью, другие смотрят на это с веток соседнего дерева совершенно равнодушно, и как только сеть будет снова раскинута, тотчас же попадают в нее, привлекаемые разбросанными ягодами рябины. Выстрел, сделанный по стае свиристелей, сидящих на дереве, и сбивший добрый десяток этих хохлатых красавиц, весьма мало производит впечатления на уцелевших товарищей, которые, хотя и слетают с дерева, спугнутые шумом выстрела, но почти тотчас же

снова на него садятся и позволяют стрелять по себе во второй и даже в третий раз. Благодаря такой легкой охоте за ними, свиристели во множестве истребляются всякого рода охотниками. В результате получается то, что свиристелей каждый год прилетает к нам все меньше и меньше: число стай убавляется, да и сами стаи становятся все малочисленнее. А жаль, да и грешно... Разве это дичь? Из-за крошечного кусочка мяса уничтожить такое прекрасное существо – неужели это достойно образованного человека?! Не говорю уже про то, что свиристель к тому же еще и весьма полезная птица: выплевывая неудобоваримые частицы пищи в виде погадки, она немало способствует распространению ягодных деревьев и кустарников; летом же на своей северной родине уничтожает несметное множество разных докучливых насекомых, которыми кишат северные леса. А каким прелестным украшением служит эта птица нашей зимней природе!

В комнате свиристель мало интересна, хотя и украшает птичий садок. Она почти целый день занята едой, да и корма на нее не напасешься; песня же ее слишком незначительна, и вообще эта птица в клетке мало подает голос. Привыкает свиристель к неволе очень скоро и, если ее держат в прохладном помещении, может жить несколько лет.

Своих свиристелей я кормил преимущественно можжевельными и рябиновыми ягодами.

Скворец ^[268]

*Седой Мороз в одежде снежной,
С блестящей льдистой броней
Вступает в бой с приветной, нежной
И ароматною весной.*

*Он ветром, вьюгою, снегами
Весне перегородит путь,
А та, в ответ ему, цветами
Бросает в старческую грудь.*

К Кони

Что этот бой, по-видимому столь неравный, окончится полной победой весны, в том ни на одну минуту не сомневается наш милый скворушка, сидящий на ветке дерева близ своей скворечницы. Иначе он не решился бы покинуть гостеприимные южные страны, в которых коротал время, пока у нас трещали морозы. Что за беда, если и придется немножко позябнуть и раз-другой не особенно сытно пообедать, все-таки он твердо знает, что в конце концов «седой Мороз» сложит свои «льдистые» доспехи к ногам «приветной, нежной» красавицы-весны и скажет

...тая в речках снежных вод:

.....

Ты победила! Ты прекрасна!

Иди ж и царствуй в свой черед... ^[269]

Вот и сейчас: только что пролетел сильный вихрь с крупой и снегом, как наш скворушка, встряхнувшись и приведя в порядок свои растрепавшиеся от ветра перышки, снова распевает как ни в чем не бывало свои песни. Впрочем, слово «песня» будет здесь, пожалуй, не совсем уместно: это скорее какая-то веселая, беззаботная болтовня, трескотня и верещание, перемежку с протяжными свистами и разными подражательными, подчас весьма красивыми, звуками. И как ретиво и весело распевает скворец свои песни! Горлышко

раздувается пузырем; клюв раскрывается так широко, что в него можно, пожалуй, всунуть целый орех; крылышки свешиваются, и певец беспрестанно ими подергивает, словно трепеща от музыкального наслаждения, каковое, по-видимому, доставляет уморительному певцу его смешная и бестолковая песня. Впрочем, эта песня, хотя смешная и бестолковая, но слушается с большим удовольствием, в особенности ранней весной, когда, кроме жаворонков в поле да желтоголовых овсяночек с их незатейливой песенкой, других певунов налицо еще не имеется.

Однако я говорю о скворце так, как будто эта птица всем хорошо известна; между тем, вероятно, найдется не мало читателей, знающих скворца только понаслышке. Поэтому нужно несколько остановиться на его наружности. Самчик весной окрашен в черный цвет с фиолетовым и зеленым металлическим отливом, особенно ярким и красивым на груди; клюв желтый, лапки буровато-красные. Осенью, после линяния, все новые перышки имеют белые кончики, и тогда скворец является пестрым. Клюв к осени из желтого становится черным, затем в течение зимы постепенно желтеет, от основания к концу, и к маю становится снова лимонно-желтым. В то же время постепенно пропадают (обтираются) белые кончики перышков, и скворец из пестрого становится мало-помалу черным. Самочка совсем черной никогда не бывает, а всегда пестровата, потому что кончики ее перышков всегда остаются более или менее белыми; клюв у нее бледно-желтый. Скворчата до первого линяния (происходящего в конце лета) имеют серовато-бурое оперение – на горлышке слегка беловатое – и черный клюв; перелиняв, осенью они становятся такими же пестрыми, как и взрослые скворцы. (Впрочем, что касается окраски, то она несколько изменяется в зависимости от географического положения местности, в которой обитают скворцы; на этом основании специалисты-птицеводы различают даже несколько видов скворцов. Однако эти цветовые изменения, в сущности, малозначительны; а что касается образа жизни, то он совершенно одинаков у всех наших скворцов, почему мы можем смело не делать здесь между ними никакого различия.)

Скворец

Водится скворец по всей России – от Лапландии до Крыма и Кавказа включительно. Почти повсюду он весьма многочислен и обыкновенен и повсюду является птицей перелетной: отлетает на зиму на юг, весной же одним из первых возвращается обратно на свою родину (в окрестностях Петрограда скворцы появляются обыкновенно около середины марта).

Первых прилетных скворцов можно видеть сидящими небольшими стайками рядышком на полевых сараях, на крестах сельских церквей, на отдельно стоящих в поле деревьях и тому подобных выступающих местах. Пролетные стаи (то есть те, которые направляются дальше к северу) летят всегда высоко, быстро и кучно, прилетные же (которые будут гнездиться у нас), напротив, летят низко, кружатся и наконец опускаются. Самочки появляются обыкновенно 10–12 днями позже самцов, отдельными стаями.

В первое время по прилете, весь март и начало апреля, скворцы мало держатся около скворечниц (или вообще мест своих гнездовых), а больше проводят время на полях, лугах, в речных долинах, огородах, где на проталинах выискивают себе, в это время еще весьма скудное, пропитание. Если же проталин еще мало (после очень снежных зим), то скворцы кормятся на навозных кучах и по дорогам, отыскивая червей и уцелевшие зерна.

Около середины апреля начинаются хлопоты по устройству гнезда, местом для которого служат дуплистые старые деревья в лесах, рощах, садах и парках, а также разбросанные одиночно по полям и лугам. Или же для этого служат нарочно устраиваемые для скворцов жилища – скворечницы. Скворец – птица в высшей степени полезная (о чем подробнее речь будет еще впереди). Народ давно уже это подметил, в особенности огородники, а потому во многих местностях можно видеть по селам, деревням и пригородам прилаженные на деревьях, а то и просто на воткнутых в землю длинных шестах домики для скворечных гнезд. К сожалению, далеко не везде существует этот прекрасный и заслуживающий самого широкого распространения обычай – ставить скворечницы. Смастерить же скворечницу – дело весьма простое: нужно взять несколько дощечек, сколотить из них ящичек 11–12 вершков^[270] высотой и 4 ½ вершка^[271] шириной в обе стороны (в квадратном сечении), проделать, отступя на 2 вершка^[272] от верха, лётку –

круглое отверстие в 2 дюйма^[273] (1 ⅛ вершка) в поперечнике – вот скворечница и готова. Вместо дощатого ящичка можно повесить выдолбленный отрубок дерева (дуплянку) соответствующих размеров с приколоченными доньшком и крышкой. Под лёткой можно воткнуть палочку, которая будет служить жердочкой для сидения. Ящичек (или отрубок) должен быть непременно глубокий (не менее 11 вершков^[274]) для того, чтобы кошка, запустив лапу в лётку, не могла достать птенцов или сидящую в гнезде скворчиху. В особенности лётка не должна быть слишком широкой, чтобы в нее не могли забираться разные охотники до скворцовых яиц и птенцов (вороны, сороки, сойки, белки); старый опытный скворец и гнездиться не станет в такой скворечнице. Сузить лётку настолько, что скворец не в состоянии будет в нее пролезть, само собой разумеется, тоже не годится. Для безопасности гнезда от непрошенных гостей иногда делают в скворечнице, на половине ее высоты, поперечную перегородку с круглым отверстием в середине. Привязывать скворечницу к дереву (или шесту) следует как можно выше: и дальше видно – скворцы скорее найдут – да и от кошек безопаснее. Кроме того, лётку следует поворачивать в полдень к югу, а не на север, чего также птицы не любят. Если скворечница ставится не на дереве, а на шесте, то к верхнему концу его нужно привязать ветвистую хворостину, на которой скворец будет распевать свои песни, в то время как скворчиха будет сидеть на гнезде.

Привязывать скворечницу надо прочно, надежно, чтобы ее не сорвало ветром. Скворец – птица очень умная, внимательно осмотрит свое будущее жилище со всех сторон, прежде чем в нем поселиться, и чуть что не ладно – бросит, и скворечница будет пустовать. Расскажу по этому поводу случай, бывший со мной: задумали мы с братом поставить в садике, на высокой березе, над самым балконом нашего дома, скворечницу, сделанную прекрасно, по всем правилам. Постановка была поручена кучеру. На другой же день мы имели радость заметить, что пара скворцов усердно стала таскать в нашу скворечницу разные былиночки, мочалочки, соломинки, перышки и подобный материал для гнезда. Работа скворцов продолжалась два дня, с утра до вечера, причем самчик находил все-таки время услаждать наш слух своими веселыми, болтливыми песнями. На третий день скворцы исчезли; на четвертый

также не показывались, и мы с братом, весьма огорченные тем, что скворцы бросили нашу скворечницу, ломали себе головы над вопросом – что могло бы им в ней не понравиться? Дня через два или три загадка разъяснилась: выйдя утром после бурной ночи в наш садик, мы нашли скворечницу лежащей на земле. Кучер, которому было поручено привязать ее к дереву, взял, недолго думая, первую попавшуюся веревку да ею и привязал, а веревка-то оказалась гнилой. Умные птицы, очевидно, заметили неблагонадежность прикрепления скворечницы и не пожелали подвергать риску себя и свое потомство.

Если желательно привлечь к данному месту большое количество скворцов, то вместо постановки большого числа отдельных скворечниц, что будет слишком хлопотливо, можно устраивать, так сказать, семейные скворечницы: укрепить под навесом крыши один длинный ящик с несколькими лётками, причем даже нет надобности разделять гнезда между собой перегородками.

К 1 мая в гнезде скворца находятся уже обыкновенно шесть– семь гладких (без крапин) светло-голубых яиц, а к 15–20 мая появляются и молодые скворчата. Эти последние скоро подрастают и к началу июня обыкновенно уже вылетают из гнезда.

На юге, где скворцы делают большей частью два вывода за лето, родители остаются при птенцах недели две, пока скворчата не станут настолько самостоятельными, что смогут уже сами добывать себе пищу. В это время семьи и небольшие стайки скворцов можно видеть на окрестных полях и лугах, очень ловко бегающими и копошащимися в траве, при беспрестанном перекликивании друг с дружкой особым, своеобразным, негромким криком, отчасти напоминающим крик галчат в гнезде.

Когда молодые скворчата станут вполне самостоятельны, родители снова возвращаются к своим гнездам и приступают ко второму выводу. По окончании гнездовых дел они соединяются семьями в громадные, нередко многотысячные, стаи, в которых и держатся до самого отлета, летая и кормясь преимущественно по лугам речных долин. Целыми тучами носятся тогда скворцы днем – по лугам и выгонам, на ночь же сваливаются в прибрежные камыши и тальники (ивняки), рассевшись по которым, провожают день невероятным шумом и гамом и успокаиваются лишь с наступлением темноты. Стаи скворцов особенно охотно посещают выгоны,

где пасется домашний скот, с которого (в особенности с овец) эти птицы прилежно обирают всяких паразитов.

Перед наступлением поры отлета (приходящейся в северной и средней России обыкновенно на первые числа сентября) взрослые скворцы возвращаются на несколько дней к своим гнездовьям, распевают здесь свои песни, как бы прощаясь с родными местами, и затем исчезают до весны. Стая за стаей снимаются скворцы с полей и лугов своей родины и направляются на юг в теплые, хотя и не особенно далекие, страны. В своих странствованиях они не залетают далее северной Африки, большинство же скворцов проводят зиму на южных полуостровах Европы (в Испании, Италии, Греции), причем в противоположность большинству остальных певчих птиц распевают свои песни и на зимних квартирах. Там они продолжают вести такой же образ жизни, какой вели и у нас осенью, кочуя стаями по лугам речных долин, большей частью в сообществе дроздов и ворон. Известны случаи зимовки небольших групп скворцов на побережьях Финского залива (около Выборга) и Балтийского моря (около Либавы^[275]).

Выше было уже упомянуто, что скворец – птица очень полезная. Приносимая им польза заключается в уничтожении громадного количества гусениц, личинок, бабочек, жуков и червей, а главное – множества улиток и вообще всякого рода слизняков, до которых скворец особенно охоч. Немецкий ученый Ленц, большой любитель скворцов и знаток их образа жизни, на основании многолетних наблюдений за этими птицами высчитал, что одна семья скворцов (двое взрослых и пять птенцов) съедает каждый день более 360 больших жирных улиток. Какое же, следовательно, громадное количество улиток уничтожается всеми скворцами данной местности в течение всего времени вывода детей. Огородники хорошо знают, какой вред причиняют им улитки, а потому и заботятся о привлечении к своим огородам злейших врагов этих вредных животных – скворцов, для чего и выставляют скворечницы. Также и столь вредных майских жуков и их жирных личинок во множестве уничтожают скворцы, равно как и жуков-долгоносиков (слоников), из которых многие принадлежат к числу весьма вредных для леса насекомых.

Правда, лакомые до сочных ягод скворцы причиняют некоторый вред вишневым садам, а виноградникам нередко наносят даже весьма серьезный ущерб; но та чрезвычайная польза, которую приносит скворец уничтожением вредных тварей, сторицей покрывает ущерб, иногда причиняемый нам этой птицей. За границей образованные владельцы виноградных садов давно уже перестали преследовать скворца за причиняемый им урон зрелому винограду, потому что, с другой стороны, убедились в той громадной, хотя и не столь бросающейся в глаза, пользе, которую приносит тот же скворец, уничтожая в их виноградниках очень вредную *виноградную улитку*^[276]. Впрочем, бывают случаи, когда скворцы такими несметными стаями нападают на виноградники (например, в Закавказье), что волей-неволей приходится браться и за ружья.

Скворца часто держат в комнате как чрезвычайно забавную и веселую птицу. Своими манерами он во многом напоминает обезьяну. Взятый молодым из гнезда, скворчик быстро становится совершенно ручным и доставляет много потехи и удовольствия хозяину (имея, впрочем, один большой недостаток – сильно грязнит клетку). Скворец легко выучивается разным фокусам, перенимает голоса и песни других комнатных птиц, выучивается насвистывать разные мелодии и песенки и даже говорить. И на воле скворец также перенимает и вплетает в свои песни разные посторонние звуки – преимущественно голоса других птиц. Так, нередко можно слышать среди песни вольного скворца как бы отдаленный свист иволги, флейтовые переливы пеночки, сладкозвучную строфу чечевицы, «пиньканье» зяблика и пр. Однажды мне случилось слышать на воле скворца, замечательно подражавшего среди своей болтовни и трескотни свисту кучера, весеннему крику уток, гоняемых по воде селезнем, ржанию жеребенка и голосам каких-то мне неизвестных птиц, слышанных этим скворцом, вероятно, на далеком юге, во время пребывания на зимних квартирах.

Известно немало примеров замечательных говорунов среди скворцов. Мне лично привелось видеть только одного говорящего скворца (не из первоклассных), находившегося у одного из моих знакомых. Скворец этот говорил следующие слова и фразы: «Миша» (его так звали), «Мишечка, Мишуша, Мишурочка, душечка», «Здравствуй, Сашечка», «Прощай, Мишуша», «Миша, спой песенку».

После этих последних слов он всегда начинал насвистывать «Чижика» – первое колесо правильно и отчетливо, но на втором большей частью сбивался и переходил на слова: «Миша, Мишечка, спой песенку», – и снова начинал насвистывать «Чижика». Все это произносилось скороговоркой и чрезвычайно забавно.

Кормить скворца в неволе можно самой разнообразной пищей: муравьиными яйцами (свежими и сухими), хлебом, кашей, мясом, зеленью, творогом – вообще, почти всем тем, что и мы сами едим. Не следует только слишком его закармливать (скворец – птица очень прожорливая): давать корм с утра нужно не весь сразу, а разделять дневную порцию на три части. Купание для скворца необходимо – он страстно любит подолгу полоскаться в свежей воде.

На рис. XVIII вместе с лесным коньком изображен близкий родственник нашего скворца и одна из красивейших европейских птиц – *розовый скворец*. Эта птица встречается у нас только на юге и лишь изредка залетает в среднюю и западную Россию. Зимует в Индии, розовый скворец прилетает весной гнездиться в южную Россию, иногда многотысячными стаями.

Любимую пищу розового скворца составляет саранча, за которой эта птица следует иногда в несметном количестве. Уничтожая во множестве саранчу – этот страшный бич степного хлебопашества, розовый скворец оказывает огромные услуги степным хозяевам и является одной из полезнейших птиц для земледелия.

Сойка^[277]

(рис. XII)

Кабы на сойку да не свой язычок.

Пословица

Рекомендую особенному вниманию читателя эту птицу – близкую родственницу «черной семьи»^[278]. Величиной почти с галку, она весьма обыкновенна повсюду в наших лесах, а также нередко залетает в сады и парки, в особенности в то время, когда на дубах созреют желуди, до которых сойка – большая охотница. Заслуживает она внимания в нескольких отношениях.

Во-первых, сойка – птица очень красивая (что можно видеть на рис. XII).

Затем она заслуживает внимания своим талантом подражать голосам других птиц. Хотя и нельзя сказать, чтобы сойка принадлежала к числу первоклассных наших пересмешников, но все-таки она подражает иногда весьма недурно голосу той или другой птицы, причем перемешивает обыкновенно голоса разных птиц в пестрой болтовне, произносимой иногда вполголоса. Никогда не забуду, как однажды, когда мне не была еще известна эта способность сойки, одна из этих птиц добрых пять минут морочила меня, сидя высоко на старой большой березе, одиноко стоявшей на поле, шагах в ста от лесной опушки. Случайно сев под эту березу – отдохнуть и послушать песен дня три перед тем прилетевших жаворонков, я вскоре был приятно возбужден, услышав над собой тихий, протяжный свист скворца. Свист повторился несколько раз, с небольшими промежутками, совершенно так, как это делает скворец. Между тем скворцы еще не прилетели, хотя уже их давно можно было ожидать. Я вынул было уже записную книжку, чтобы занести в нее «первого скворца», как вдруг надо мной раздалось «чак-чак» дрозда-рябинника, тотчас сменившееся как бы отдаленным стрекотанием сороки, вперемежку с какими-то особенными звуками, вроде тихого мяуканья. Поднявшись осторожно с земли и отойдя

бесшумно несколько шагов в сторону, я, после непродолжительного внимательного осмотра дерева, заметил на одной из его веток сойку. Почти в тот же момент и она меня заметила и с резким, неприятным криком «крре-крре» снялась с дерева и полетела своим плохим, как бы порхающим, полетом по направлению к лесу.

Сойка, подобно своим родственникам из «черной семьи», птица весьма богато одаренная и имеет с ними много общего, в особенности с сорокой. Такая же она беспокойная, подвижная, умная и хитрая птица, как и «белобокая стрекотунья»; такая же всеядная и такая же – даже еще в большей степени – разорительница гнезд маленьких птичек, и именно птичек, вьющих свои гнезда на деревьях и в кустах лесов, садов и парков. (Для полевых птиц сойка почти не опасна, потому что она, как плохая летунья, не любит открытого поля, где легко сама попадает в когти ястреба и других пернатых хищников, которых боится до страсти.) Беспреданно и с большой ловкостью шныряя между ветвями деревьев, сойка своим острым и опытным глазом легко находит, даже в самом потайном местечке, гнездо с положенными в него яйцами или выведенными уже птенчиками. Найдя его, она тотчас же, несмотря на отчаянные жалобные крики его владельцев, разбивает и выпивает яйца; птенчиков же, одного за другим, выхватывает из гнезда и тут же, на ветке, убивает и съедает по частям или же, если у нее самой в это время в гнезде есть молодые, перетаскивает поочередно в свое гнездо и скармливает их своим птенцам. Даже вылетевших уже из гнезда птенцов сумеет она разыскать; подобравшись к ним с самым невинным видом, напевая и бормоча вполголоса, внезапно бросается, уловив удобную минуту, на птенчика, затем возвращается за следующим, пока не опустеет гнездо.

Смело можно сказать, что из числа всех наших птиц нет ни одной, которая причиняла бы столько вреда мелким лесным пташкам, как сойка. Если лесничий желает сохранить для своего леса маленьких пернатых лесоохранителей, очищающих деревья от разных вредных личинок, жуков и гусениц, то он должен держать соек в почтительном отдалении от границ своего леса. В таком мнении сходятся все наиболее авторитетные знатоки пернатого мира. Правда, кое-что можно зачесть сойке и в заслугу: так, поедая, между прочим, мышей и разных насекомых – в том числе, вероятно, и немало

вредных, она, конечно, приносит некоторую пользу. Также, роняя во время перелетов из клюва желуди или пряча их под мох и опавшую листву, сойка в течение своей жизни, может быть, и посеет таким образом не один десяток дубков, но – все это слишком мало для того, чтобы покрыть тот вред, который она приносит своим кровожадным хищничеством полезным птицам.

Сойка тоже большая охотница до разного рода сочных фруктов и плодов. Лесные орехи она искусно раскалывает ударами своего крепкого клюва; желуди же предварительно размягчает в зобу, затем, выплюнув их, шелушит и съедает зерно.

К выводу молодых сойка приступает очень рано: нередко уже в конце марта начинается постройка гнезда, помещаемого обыкновенно невысоко на дереве, а в середине апреля в нем можно найти пять-девять бледно-зеленоватых, с бурыми крапинами, яиц.

Сойка – птица оседлая и круглый год держится облюбованного места, делая только небольшие перелеты в разные стороны в поисках пищи. При этом она регулярно, в известное время года и даже дня, посещает знакомые места. Так, уже много лет кряду несколько соек ежедневно прилетают в конце сентября в течение 1–2 недель в парк Лесного института собирать желуди с дубовых деревьев.

Взятая молодой из гнезда, сойка легко выкармливается и доставляет много забавы и удовольствия своему хозяину; она даже выучивается говорить несколько слов. Просторная клетка в комнате – единственное место, в котором друг пернатого царства может спокойно видеть этого красивого разбойника...

Само собой разумеется, что сойку нельзя сажать в общую клетку с другими маленькими птицами, где она тотчас же даст о себе знать...

Кормить сойку можно всем, чем угодно: мясом (сырым, вареным и жареным), творогом, сыром, хлебом, желудями и т. п. – ей все годится.

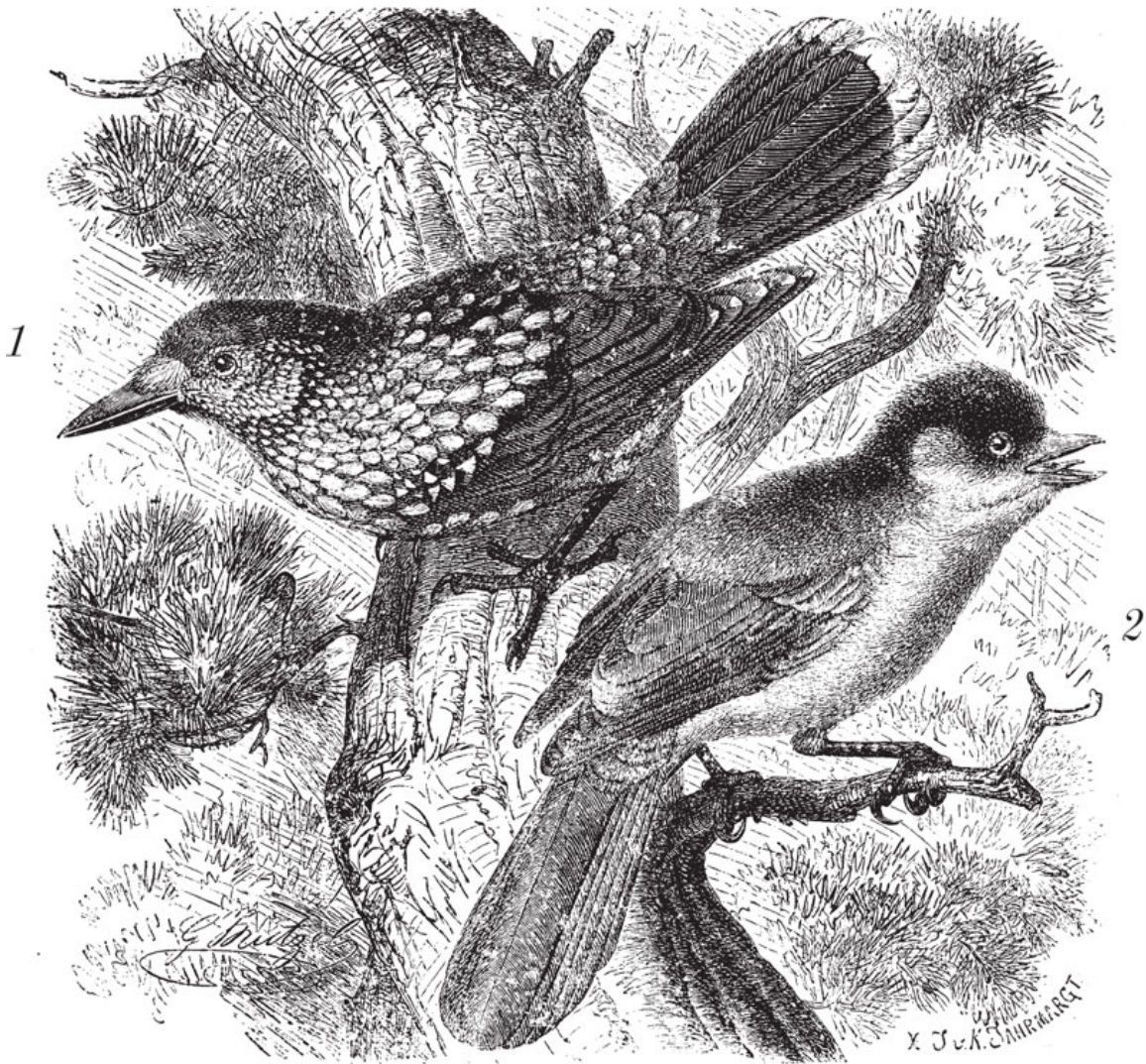
Вышеприведенная пословица – «кабы на сойку да не свой язычок» – сложилась, вероятно, вследствие того, что сойка своим резким, далеко слышным и часто повторяемым криком еще издали дает знать о своем присутствии, почему и попадает часто на выстрел охотника, а также и в когти хищника, являющегося на этот крик.

При нынешней моде на красивые птичьи перья и крылышки (для дамских нарядов) за убитую сойку платят хорошие деньги.

Водится сойка почти по всей России. На южном берегу Крыма и на Кавказе ее заменяет очень сходная с ней во всех отношениях *черноголовая сойка*^[279], отличающаяся от нашей главным образом черной окраской головы (темени и затылка).

На рис. XII вместе с сойкой изображена, на суку в некотором отдалении, ее близкая родственница, одинаковая с нею по величине, темно-бурая с белыми крапинами, – *кедровка*, или *ореховка*^[280]. Родина этой птицы – большие хвойные леса северной России и Сибири, откуда она иногда залетает в среднюю и западную Россию, причем случается, что пара-другая остается и гнездится в новой местности, как это, например, неоднократно наблюдалось в Прибалтийских губерниях. В иные годы ореховки объявляются у нас массами, как это, например, было в 1868 году. С первых чисел августа до самого почти снега этих редких у нас птиц можно было встретить, как говорится, чуть не на каждом шагу в хвойных лесах под Петроградом. Они расхаживали по дорогам, словно вороны, подпуская к себе экипаж на несколько шагов.

Любимой пищей ореховок служат кедровые орешки, во множестве истребляемые этими птицами по кедровникам, произрастающим на их родине (откуда, конечно, произошло и название – *ореховка*). В особенно суровые зимы и в неурожайные на кедровые орехи годы ореховки приближаются к человеческим жилищам – искать себе около человека насущное пропитание, причем забираются даже иногда в сени домов.

Сойки: 1 – ореховка; 2 – кукша

В лесах северной России водится еще одна близкая родственница нашей сойки – *кукши* ^[281]. Поменьше сойки, но весьма сходная с ней складом, кукша, в общем, представляется окрашенной в серо-кофейный цвет, с черно-бурой головой и ржаво-красными хвостом и передними частями крыльев. К зиме она улетает поближе к югу и изредка встречается поздней осенью в лесах окрестностей Петрограда. В противоположность сойке кукша – птица чрезвычайно доверчивая и неосторожная; она легко подпускает к себе человека на несколько шагов. Название свое получила за громкий и звонкий крик «кук, кук, кук», часто издаваемый ею при перелете с места на место.

Удод ^[282]

*Ах, ты, степь моя,
Степь привольная!
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
К морю Черному
Понадвинулась.*

А. Кольцов

Среди нашего пернатого царства мало есть представителей, которые бы так привлекали к себе внимание человека своей внешностью и голосом, как удод. На рисунке (см. с. 315) изображен прекрасный «портрет» этой птицы (только для полноты «портрета» я попрошу читателя мысленно окрасить хохол, голову, шею, грудь и верхнюю часть спины в красновато-песочный цвет). Неправда ли, какая курьезная, единственная в своем роде птица! Совсем как какой-нибудь предводитель индейского племени! Даже когда хохол удода опущен или, вернее, сложен (на манер веера), то и тогда эта птица имеет все-таки какой-то чудной вид, благодаря своему длинному, тонкому клюву и торчащему с противоположной стороны длинному, остроконечному, пестрому хохлу.

С удодем хорошо знакомы только жители южной половины России (к югу от линии Рига-Уфа), где эта птица почти повсюду более или менее обыкновенна, в особенности на крайнем юге. В средней России удод является птицей более или менее редкой; на севере не водится вовсе. Под Петроградом изредка наблюдали удодев – это были заблудившиеся экземпляры. Удод – относительно крупная птица ^[283].

Весной, по возвращении из далеких теплых стран, куда удод улетает на зимнее время, он тотчас же дает о себе знать своим, единственным в своем роде, криком «упупуп» или «утутут», отсюда, по всей вероятности, произошло и название *удод*. (Одна моя знакомая, молоденькая барынька, переселившаяся из многолюдной и веселой столицы на одинокий хутор, стоявший среди унылой каменистой

степи окрестностей Севастополя, весьма удачно перевела крик удода словами «худо-тут».) Этот своеобразный глухой и в то же время далеко слышимый крик раздаётся в весеннее время беспрестанно, в течение целого дня, и в особенности по утренним и вечерним зорям; во второй половине июня он уже слышится реже, а к июлю и вовсе умолкает.

Любимыми местами обитания удода являются луга и выгоны с немногими, единично растущими на них, старыми ветлами и другими деревьями, в дуплах которых эта птица охотно помещает свои гнезда. В степных местностях удода держатся обыкновенно вблизи хуторов и других человеческих жилищ. Сплошного леса эта птица не любит и только иногда, временно, посещает его, скрываясь от преследований.

Отличительной чертой характера удода является необычайная пугливость; даже близко пролетевшая ласточка его пугает. В особенный же ужас приводит удода появление какой-нибудь хищной птицы: он тотчас же бросается тогда на землю с распластанными крыльями и хвостом и закидывает кверху, почти отвесно, свой длинный клюв. В таком странном положении удода скорее похож на какой-нибудь пестрый лоскуток, чем на птицу, и это нередко спасает его от когтей хищника – он остаётся незамеченным. Впрочем, молодые удода не так боязливы. Мне не раз случалось (в степной части Крыма), сидя утром на балконе за чайным столом, кормить кусочками булки молодых удодов, аккуратно прилетавших каждое утро к балкону.

Главную пищу этой птицы составляют разные черви, личинки и жуки, живущие в помёте рогатого скота и других животных; отсюда особое пристрастие удода к выгонам. Он подолгу копается и ковыряет своим длинным изогнутым клювом в коровьем навозе и достаёт себе оттуда лакомые кусочки. Раздобыв навозного жука, удода предварительно раздробляет его многочисленными ударами о твёрдую землю, при этом отламываются и отскакивают жесткие надкрылья и твёрдые щитики жука; затем обработанного таким образом жука подбрасывает кверху и ловит широко раскрытым ртом. Проглотить жука обыкновенным манером, как это делают другие птицы, удода не может, потому что язык у него очень короток: он имеет треугольную форму и длина его почти равняется ширине.

Вот почему и молодых удонов, взятых из гнезда, можно выкормить не иначе, как пихая им пищу в глотку пальцем, так как они не могут сами проталкивать в рот захваченную клювом пищу и выучиваются этому лишь впоследствии.

Удод

Гнездо свое удод особенно охотно помещает, как уже было упомянуто выше, в одиноко стоящих по выгонам, дорогам и берегам рек дуплистых деревьях, а также в отверстиях и щелях каменных стен и заборов. Самочка кладет четыре-семь сравнительно небольших,

очень продолговатых яичек, весьма непостоянной окраски; чаще всего встречаются серовато– или желтовато-зеленые. Высиживание продолжается 16 дней.

Про удонов сложилась дурная слава, будто они никогда не чистят своих гнезд, вследствие чего молодые, вырастая в отвратительной грязи, первое время по вылете из гнезда издают очень дурной запах. Так как, с другой стороны, есть указания на нахождение удоновых гнезд, вовсе не отличающихся особенной нечистотой и дурным запахом, то из этого можно заключить, что не все удоны такие неряхи, какими их прославили.

Взятый из гнезда и выкормленный из рук, удонок приручается очень хорошо и становится в высшей степени забавной и милой птицей. Он, как собака, всюду следует за своим хозяином – как по комнатам, так и на дворе – и доставляет много забавы своими смешными ужимками. Выкармливать молодых удонов лучше всего свежими муравьиными яйцами, вперемешку со свежим творогом и червеобразно нарезанными кусочками сырого или вареного бычьего сердца.

Зимородок^[284]

*А под горою беседуют воды
С ветками ив и с камнями;
Шепчутся тайно древесные своды,
Держат совет с облачками.*

Н. Щербина

Удивительная птица-рыбак, замечательно красиво окрашенная. Когда зимородок^[285] пролетает низко над поверхностью речки, освещенный яркими лучами солнца, то можно подумать, что эта птица покрыта сверху зеленовато-голубым перламутром – так чудно играют на солнце ее головка, спинка и крылья, раскрашенные в разные оттенки голубого (бирюзового) и аквамаринового цветов. Если же смотреть спереди на сидячего зимородка, то в глаза бросается преимущественно красно-коричневый цвет его передней стороны – груди и брюшка.

Целыми часами, неподвижно, как истинный рыбак, сидит эта удивительная птичка на каком-нибудь прибрежном камне или на свесившейся над водой ветке – в тихом, уединенном, находящемся в стороне от людского движения месте (большей частью на глухой лесной речке), – и упорно смотрит в воду. Вдруг, сильно вытянув книзу шею, стрелою бросается она вниз и исчезает под водой; через несколько мгновений снова появляется на поверхности и быстрым полетом возвращается на старое место – с добычей или без добычи – как случится. В последнем случае зимородок снова принимает свою прежнюю позу и неподвижно вперяет взгляд в прозрачные волны текущей под ним речки.

Добычу зимородка составляют главным образом маленькие рыбки, величиной не более пальца, которых птица предварительно убивает, ударяя головой о камень или сук, и затем глотает целиком, с головы. Неудобоваримые кости и чешуя выплевываются в виде сухой погадки. Нередко зимородок таскает также из воды раков и личинок разных насекомых.

Иногда зимородка можно видеть трепещущимся над водой, на манер ястреба, и высматривающим добычу с полета.

Песен эта птица не поет; обыкновенно же приходится слышать только ее резкое и громкое «тиить», которое зимородок часто издает во время своего быстрого полета, совершаемого большей частью низко над поверхностью воды.

Гнездится зимородок в плотнопесчаных голых обрывах крутых берегов, в которых вырывает глубокие норы (до 1 ½ аршина длиной^[286]) с полушарообразным расширением в конце. В этой тяжелой работе, продолжающейся 1–2 недели, ему отлично помогает его крепкий и длинный клюв, сходный с клювом дятла (каковой птице зимородок приходится даже несколько сродни). Самочка кладет в расширенном конце норы, на подстилку из рыбьих косточек, пять-восемь блестяще-белых яиц, которые высиживаются ею в течение 14–16 дней. Все это время самчик кормит свою самочку, поскольку она почти не слетает с гнезда.

Молодые зимородки выкармливаются главным образом стрекозами (коромыслами), которые в обилии летают в весенние и летние месяцы над речками.

С наступлением осени зимородки начинают вести кочевую жизнь и частью подаются на юг, в более теплые широты, частью же остаются зимовать на своей родине, а именно в тех местностях, где имеются не вполне замерзающие на зиму ключевые или быстро текущие речки и другие воды, в которых эти птицы могут находить себе пропитание и в зимние месяцы.

Таким образом, в одних местах зимородок является птицей оседлой, в других же – перелетной.

К сожалению, эта красивая и интересная птица далеко не многочисленна, а потому встречается обыкновенно не часто и то лишь в южной половине Европейской России (примерно к югу от линии Рига-Уфа). На Кавказе – по берегам рек и ручьев – зимородок принадлежит к числу весьма обыкновенных птиц и может подниматься в горы до 1500 метров.

Приручить к клетке пойманного зимородка редко когда удается. Скорее еще можно выкормить взятых из гнезда молодых (кусочками свежей рыбы и муравьиными яйцами). Но добывание птенцов

зимородка раскапыванием глубоких нор – чрезвычайно трудное дело, не говоря уже о том, что и разыскать-то гнездо не легко.

Названия *зимородок* и *лединник* произошли, вероятно, оттого, что в известных местностях, имеющих незамерзающие воды, эта птичка появляется обыкновенно лишь с наступлением зимы и не только не выказывает никакой боязни перед дедушкой-морозом, но даже как ни в чем не бывало «удит» всю зиму рыбку в ледяной воде, к весне же снова скрывается, отлетая к месту своего гнездовья.

К полезным птицам зимородка причислить нельзя, но и серьезно говорить о вреде, причиняемом этой птицей рыбьему населению наших вод, также едва ли можно, ввиду ее малочисленности и сравнительной редкости. Украшает же она те немногие речки, на которых водится, – чрезвычайно.

Сизоворонка

(рис. XVI)

*Дрожью внезапной охвачена
В вешнюю пору земля;
В лучшее платье нарядное
Принарядились поля.
Все обновилось, все молодо...
Новый одевши убор,
Словно собой мир любит
В зеркало рек и озер.*

Дм. Минаев (из В. Гюго)

Одно уже обилие названий для этой птицы указывает на то, что она чем-нибудь особенно замечательна. И действительно, сизоворонка привлекает к себе внимание каждого впервые ее увидевшего человека. Величиной почти с голубя, а по складу сильно напоминающая ворону (особенно с головы), птица эта окрашена в такой привлекательный для глаза, роскошный зеленовато-голубой цвет (за исключением светло-коричневой спины и черных концов крыльев), что трудно оторвать от нее глаза, когда она, ярко освещенная солнцем, сидит, например, на телеграфной проволоке или пролетает мимо своим прямолинейным, сходным с голубиным, полетом.

В последнем случае она показывает и чудную фиолетово-синюю окраску нижней поверхности своих крыльев. К этому нужно еще добавить, что сизоворонка в тех местностях, где она водится, очень часто попадает на глаза благодаря тому, что ведет весьма открытый образ жизни. Она охотно садится на телеграфную проволоку, на выступающие сухие сучья деревьев и на другие открытые возвышения. Жаль только, что эта красавица-птица имеет у нас сравнительно небольшое распространение: она обитает преимущественно в южной половине России, с Крымом и Кавказом. К северу от линии Ревель^[287] – Самара гнездящаяся сизоворонка

представляет уже довольно редкое явление, единичные же залетные экземпляры наблюдались изредка даже и под Петроградом.

Сизоворонка – птица перелетная. Весной она прилетает довольно поздно, когда деревья покроются уже молодой листвой; осенью улетает на юг в конце августа или в начале сентября.

Любимыми местами гнездовой сизоворонок являются открытые поля с кустарниками и единично стоящими старыми деревьями. Гнездо помещается, как правило, в древесных дуплах, куда самочка кладет пять-шесть блестяще-белых, без всяких отметин, яиц.

Призывный крик сизоворонки звучит вроде «рэк» или «рак» (откуда одно из названий – *ракиша*). Песни эта птица не поет.

Кормится сизоворонка главным образом различными крупными насекомыми, которых большей частью подбирает с земли, но иногда ловит и в полете. Также она не брезгует мелкими лягушками и ящерицами. В общем, ее следует причислить к полезным птицам.

Врем рассказывает в своей «Жизни животных», что взятые им из гнезда и выкормленные мучными червями сизоворонки сделались совершенно ручными, жили у него в течение нескольких лет и доставляли ему много удовольствия. Держал он их в просторной клетке и кормил насекомыми, а за неимением таковых – мучными червями. Мне лично привелось только однажды видеть ручную сизоворонку, взятую в дом молодым птенчиком и затем благополучно выкормленную. Она была очень мила и красива.

Золотистая щурка

(рис. XXIV)

*С лугов цветущих, там, из миртовых
лесов,
С цветов акаций, роз – несутся ароматы,
Несется теплый пар с возделанных садов,
И матовой луны ленивое сиянье
Так ласково скользит по стройным
тополям...*

Из оперы «Снегурочка»

Вот еще одна из наиболее роскошно раскрашенных наших птиц. Я не буду здесь останавливаться на описании пернатого наряда золотистой щурки – он прекрасно изображен на рис. XXIV.

Подобную прихотливую окраску мы привыкли видеть лишь у тропических птиц. Впрочем, золотистая щурка и водится у нас только на юге; ближайšie же ее родственницы – другие виды щурок – живут в тропических и экваториальных странах. Севернее линии Чернигов-Самара золотистая щурка в качестве гнездящейся птицы составляет уже довольно редкое явление; залетные же, единичные, экземпляры, встречаются к северу даже до Прибалтийских губерний, хотя и весьма редко.

Мне приводилось наблюдать этих восхитительных птиц только в Крыму (близ степных хуторов и на южном берегу). Они чаще всего обращают на себя внимание в то время, когда кружатся стайками в воздухе, подобно ласточкам, играя в солнечных лучах и охотясь за летающими насекомыми. В это время щурки беспрестанно перекликаются своими ярко-звучащими призывными криками «гвеп-гвеп» и «вюрр-вюрр».

Золотистые щурки

Кружающаяся в воздухе щурка напоминает своей фигурой небольшого ^[288] ястребка, а характером полета похожа на ласточку. Полет ее в прямом направлении бывает иногда необычайно быстр и стремителен как стрела.

Щурка принадлежит к числу перелетных птиц. Она прилетает весной, стайками, весьма поздно (например, в Киевской губернии лишь во второй половине мая) и отлетает обратно на юг уже в августе или в начале сентября.

Характер у золотистой щурки замечательно милый и общительный. Держась постоянно стайками, эти птицы никогда друг с дружкой не ссорятся – даже во время гнездования, когда все птицы бывают более или менее драчливы.

Пищу щурок составляют насекомые, которых эти птицы преимущественно ловят на лету, подобно ласточкам и стригам.

Особенное предпочтение оказывают они пчелам, осам и другим жалящим насекомым, причем укусы этих насекомых, столь опасные для других птиц, щуркам нисколько не вредят. Нередко наблюдали, как эти птицы подсаживались к пчелиным ульям или осиным гнездам и излавливали их обитательниц одну за другой (откуда одно из названий – *пчелоедка*). Впрочем, щурки уничтожают немало саранчи, чем и приносят пользу степному хлебопашеству.

Гнезда свои щурки устраивают в земляных норах, вырываемых ими в отвесных обрывах берегов рек, склонах оврагов и т. п. Норы делаются до 1 сажени^[289] длиной и в конце имеют полушарообразное расширение, в которое самочка кладет пять-восемь блестяще-белых яичек сильно округлой формы. Гнездятся щурки обыкновенно колониями, нередко весьма многочисленными.

Пойманные щурки хорошо выживают в комнате, если только их обильно кормить насекомыми. Но нужно заметить, что они страшно прожорливы – съедают в день вдвое больше собственного веса. (Рисунок на с. 323, сделан с парочки этих птиц, взятых молодыми из гнезда и выращенных в комнате А. Е. Бремом.)

Вальдшнеп

(рис. XV)

*Люблю я вечером стоять в лесу на тяге,
С природой-матерью свободно и легко.
Тут забываются мирские передраги,
И думы смутные отходят далеко...
Забьешься в уголок знакомой луговины,
С ружьем в руках, и знаешь наперед,
Что над вершинами березы и ольпины
Направит вальдшнеп свой полет...
Мечтай и жди...*

Дм. Белинский

ВЕСЕННИЙ вечер в лесу. Красиво изгибающаяся открытая лощина. Посреди нее – ручеек, кое-где поросший отцветающим уже ивняком, кое-где – безлиственной еще ольпинкой. По ее приподнятым отлого-бугристым краям с одной стороны стеной поднимается старый еловый лес, по другой же стороне вдоль опушки смешанного леса вьется узкая лесная дорожка.

Только что прошел теплый дождичек, смочивший и растрепавший желтые пушистые цветочные сережки ивняка и развесивший по безлиственным еще веткам деревьев и кустов прозрачные как слезы капельки, не замедлившие засверкать под косыми лучами выглянувшего из-за туч заходящего солнца. У березы и черемухи начинает расхолачиваться почка; кое-где пробивается молоденькая травка. В воздухе стоит тот особенный приятный прелый запах, который только и бывает в лесу ранней весной, после теплого дождя.

Многоголосый пестрый концерт пернатых певцов оглашает лощину и окружающий ее лес. Певчие дрозды словно соперничают между собой в звучности, красоте и разнообразии своих песен. Зяблики без счета повторяют свою звонкую, короткую строфу. Малиновки, пеночки и горихвостки переливают свои сладкозвучные, то нежно-задумчивые, то светлорадостные, песенки. Колокольчиком

вызванивает желтогрудая овсяночка, неподвижно сидящая на самой маковке молоденькой березки. Невдалеке раздается тоскливое кукование кукушки и эхом повторяется в старом еловом лесу.

Солнце скрылось за лесом. Налетел резвый ветерок, отряхнул с веток капли, пошушукал с соснами, качнул макушками елей и полетел себе дальше... Пернатое царство начинает понемногу затихать. Угомонились зяблики; примолкли пеночки; все реже и реже позванивает овсяночка – вот и она замолкла. Где-то забормотал тетерев. Певчие дрозды стихают один за другим, но два-три оглашают еще лес своими песнями, однако все с большими и большими паузами. Вот, казалось, совсем уже кончили – замолчали, только малиновка переливает серебром, да урчит вдали козодой; ан смотришь, через минуту опять: «Тюр-рюит, тюррюит», – а с другого конца леса в ответ: «Кли-тью-тью, кли-тьютью», – звучно, чисто, красиво. Но что за звук раздался там, за лощиной, над еловым лесом? Какой-то сухой, короткий свист. Вот еще и еще... Приближается. Теперь между каждыми двумя свистами слышится еще какой-то странный отрывистый храп («кхру-кхру» и затем «фист»; «кхру-кхру-кхруфист») – все ближе да ближе...

Охотник, сидевший на пне, возле молодой елки, и, видимо, наслаждавшийся всей прелестью весеннего лесного вечера, при первых же долетевших до него звуках отрывистого свиста бросил недокуренную папироску, вскочил на ноги, взвел курок и весь превратился в слух... Вот над просекой, вырисовываясь на бледно-зеленоватом небосклоне, показалась птица, поменьше голубя, и неторопливым, спокойным полетом (вроде полета совы или летучей мыши) направилась прямо, как по шнурку, поперек лощины. (Когда она пролетала мимо охотника, то он ясно мог разглядеть очень длинный, слегка свесившийся книзу, клюв птицы.) Это «тянул» *вальдшнеп*. Грянул выстрел. Птица слегка метнулась в сторону, но тотчас же взяла прежнее направление и, как будто ничего не случилось, тем же неторопливым полетом, свистя и «хоркая», скрылась за деревьями, благополучно продолжая свой «токовой полет». Охотник с минуту стоял неподвижно, прислушиваясь к удалявшемуся свисту, затем вложил новый патрон, закурил новую папиросу и снова уселся на прежнее место...

Смеркается все больше и больше. Над лощиной, невысоко от поверхности земли, пролетел своим легким колеблющимся полетом козодой и, скрывшись в опушке елового леса, тотчас же замурлыкал свою бесконечную песню. Через минуту, сначала вправо, затем влево от охотника, снова послышались отрывистые свисты и затем «хорканье», и два вальдшнепа почти одновременно протянули поперек лощины – оба вне выстрела. Откуда-то донеслась песня варакушки. Невдалеке звонко «захохотала» кукушка-самка, и вслед, оттуда же, послышалось нечто вроде хриплого откашливания или отхаркивания, тотчас же сменившегося торопливым, азартным, по временам сдвоенным, кукованием самца. Разбуженный им в чаще подлеска певчий дрозд резко «зацикал», застрекотал и долго не мог успокоиться...

Небосклон все больше и больше темнеет; кое-где уже начали загораться звездочки. Дневные птицы все утомонились. Неподалеку, за поворотом лощины, идет возня у уток – крякают, полощутся... Туда же, видимо, направляется еще пара кряковых, со свистом рассекая крыльями воздух в быстром полете. Снова послышался со стороны елового леса, справа, свист вальдшнепа. Охотник, не вставая, быстро повернул голову и стал пристально всматриваться. Начавшие было приближаться звуки вдруг стали удаляться и скоро совсем замолкли: вальдшнеп протянул стороной и настолько далеко, что даже нельзя было расслышать «хорканье», а один только свист. На несколько секунд в лесу водворилась тишина, лишь слабо нарушаемая глухим, как бы сдавленным, «блеянием» токующего бекаса... Вдруг за спиной охотника, по эту сторону лощины, раздалось громкое, торопливое, близко приближающееся «пиканье», и над вершинами берез показался вальдшнеп, а вслед ему вдогонку и другой. Обе птицы (два ссорящихся самца) налетели как раз на охотника и, круто повернув в сторону, быстрым, извилистым полетом, при беспрестанном «циканьи», направились вдоль лощины. Раздался выстрел, другой – и одна из птиц, комком свернувшись в воздухе, упала по наклонной линии на землю... Положив в сумку столь милую для охотничьего сердца добычу, охотник постоял, послушал еще немного и затем – так как сильно уже стемнело – направился восвояси, унося с собой прекрасное, освежающее душу впечатление от весеннего вечера в лесу...

Охота на весенней тяге вальдшнепов – несомненно одна из поэтичнейших и увлекательнейших охот. Начинается она вместе с прилетом этих птиц из южных зимовий. Прилетают же к нам вальдшнепы весной весьма рано, когда в лесу нередко местами лежит еще порядочно снега (под Петроградом в конце марта или в начале апреля). Прилет этих птиц обыкновенно совпадает с прилетом певчих дроздов: засвистал в лесу первый дрозд – показался и первый вальдшнеп. Прилет вальдшнепов обыкновенно идет по ночам, с теплыми попутными ветрами. Впрочем, иногда вальдшнепы летят и днем. Так, известны случаи, когда наблюдали этих птиц спускавшимися среди дня в лес почти из-под облаков.

В перелетное время в малолесных местностях утомленные вальдшнепы спускаются нередко и на совсем открытые места – например, на поле, морской берег и даже на улицы деревень и городов, не говоря уже о садах и огородах, которые в приморье иногда бывают переполнены спустившимися на отдых и кормежку вальдшнепами.

Вальдшнепы

Распространение вальдшнепа весьма обширно: он гнездится по всей Европе, от Крайнего Севера до южных границ, где только имеются подходящие для его гнездовой места. Таковыми являются еловые и смешанные леса с мокрой почвой, в которой эта птица может свободно копать своим длинным клювом. Сухие сосновые боры с песчаной почвой для вальдшнепа не годятся. Интересно, что осенью, наоборот, «высыпки» вальдшнепов – то есть значительные скопления этих птиц на небольшом сравнительно пространстве – встречаются преимущественно на местах сухих, поросших редким кустарником или мелколесьем. У нас, на севере, поздней осенью вальдшнепы держатся преимущественно по сухим ольшнякам. По всей вероятности, это нужно приписать изменяющемуся к осени способу питания вальдшнепа. Весной и летом он добывает свою пищу преимущественно из земли, извлекая из нее своим длинным клювом земляных червей и живущих в земле личинок. Богато снабженная тончайшими разветвлениями осязательных нервов кожистая оболочка клюва вальдшнепа служит ему превосходным органом осязания, посредством которого птица безошибочно находит в размягченной водой почве лакомые для нее кусочки, извлекает их затем при помощи крючковатого кончика верхней половины клюва на свет божий и поедает. С наступлением же холодной и сырой осенней погоды земляные черви и живущие в земле личинки жуков уходят глубже в землю, на опавших же листьях, в редколесье, к этому времени разводится много слизняков, а под листья забираются на зимовку личинки и гусеницы, которых вальдшнепы прилежно отыскивают, вороша опавшую листву своим клювом.

Гнездо вальдшнепа представляет собой небольшое углубление на поверхности земли, слегка выстланное, довольно небрежно, сухими веточками, мхом и тому подобным материалом. Самочка несет четыре довольно крупных яйца, испещренных по бледно-ржаво-желтому фону довольно редкими желтовато-бурыми пятнами и крапинами. Впрочем, как по окраске, так и по величине, яйца вальдшнепов бывают весьма изменчивы. Сидит самочка на гнезде необычайно крепко, лучшим примером чему может служить

следующий случай: однажды студенты Лесного института срубили в лесу дерево, и когда стали измерять его длину, то наткнулись на гнездо вальдшнепа с сидевшей на нем самочкой. Несмотря на шум и сотрясение земли, произведенные падением большого дерева рядом с гнездом, птица осталась неподвижной на своем гнезде. Какова самоотверженность, какова любовь к еще даже не появившемуся на свет потомству! Столь же трогательную любовь выказывает вальдшнеп и к своим птенцам. Не раз наблюдали, как в минуту опасности родители уносили своих не выучившихся еще летать птенцов в безопасное место. Самых маленьких птенчиков переносили в клюве, более же взрослых – зажатыми между лапками.

Сидящего в лесу на земле и прижавшегося к ней вальдшнепа почти невозможно заметить, так поразительно подходит его пестрая – коричнево-бурая с серым и черным – окраска под цвет почвенного лесного покрова. Умная птица, видимо, прекрасно это знает, так как нередко пропускает мимо охотника чуть ли не в шаге от себя и затем, поднявшись за его спиной, тотчас же скрывается за деревьями, весьма искусно лавируя между ветками.

По наружности самец и самка вальдшнепа почти не отличаются друг от друга, только первый чаще бывает в общем более сероватый и несколько поменьше величиной.

Интересны глаза вальдшнепа: большие, как почти у всех сумеречных птиц, черные, красивые, они сильно сдвинуты к затылку, что придает чрезвычайно странное выражение физиономии этой птицы. Вследствие такой своеобразной постановки глаз, уши у вальдшнепа находятся не позади глаз, а под ними и ближе к основанию клюва. Такое положение глаз выгодно для птицы, так как позволяет засовывать в землю в поисках корма не только длинный клюв, но и часть головы – до глаз.

Отлетают вальдшнепы осенью весьма поздно – нередко уже после того, как выпадет первый снег (под Петроградом в октябре). Гнездящиеся на севере Европы зимуют в южно- и западноевропейских странах, а иногда – отдельные экземпляры – даже и в средней Европе; вальдшнепы же южной Европы отлетают на зимовку в северную Африку.

В неволе вальдшнепов удавалось держать, предлагая им сначала земляных червей, а затем приучая понемногу к намоченному в молоке

белому хлебу и к муравьиным яйцам. Аппетит у этой птицы всегда очень большой, благодаря чрезвычайно быстрому пищеварению, поэтому и корм ей следует давать в изобилии.

Вклейка

1

2

Рис. I.

- 1. Иволга (*Oriolus galbula*).**
- 2. Кукушка (*Cuculus canorus*).**

Рис. II.
1. Пищуха (*Certhia familiaris*).

- 2. Синица лазоревка (*Parus coeruleus*).**
- 3. Синица длиннохвостая (*Acredula caudata*).**
- 4. Малый пестрый дятел (*Picus minor*).**

Рис. III.

1. Королек красноголовый (*Regulus ignicapillus*).

2. Поползень (*Sitta europaea*).

- 3. Синица-московка (*Parus ater*).**
- 4. Синица большая (*Parus major*).**
- 5. Синица хохлатая, гренадерка (*Parus cristatus*).**

Рис. IV.

1. Клест еловый (*Loxia pityopsittacus*), самец.

2. То же, самка.

3. То же, молодой.

Рис. V.
1. Дрозд-деряба (*Turdus viscivorus*).

- 2. Дрозд-рябинник (*Turdus pilaris*).**
- 3. Снегирь (*Pyrrhula coccynea*).**

Рис. VI.
1. Свиристель (*Ampelis garrulus*).

2. Чечевица (*Carpodacus erythrinus*).

3. Щур (*Pinicola enucleator*).

Рис. VII.
1. Зяблик (*Fringilla coelebs*).

- 2. Чечетка (*Acanthis linaria*).**
- 3. Вьюрок (*Fringilla montifringilla*).**
- 4. Овсянка (*Emberiza citrinella*).**

Рис. VIII.
1. Чиж (*Chrysomitris spinus*).

2. Сорокопут-жулан (*Lanius collurio*).

3. Щегол (*Carduelis elegans*).

Рис. IX.
1. Дубонос (*Coccothraustes vulgaris*).

- 2. Пеночка пересмешка (*Hypolais icterina*).**
- 3. Черный дрозд (*Merula inerula*).**

1

2

3

Рис. X.

- 1. Певчий дрозд (*Turdus musicus*).**
- 2. Коноплянка, реполов (*Acanthis cannabina*).**
- 3. Малиновка, зарянка (*Erythacus rubecule*).**

1

2

Рис. XI.
1. Белая трясогузка (*Motacilla alba* L.).

2. Желтая трясогузка (*Motacilla flava* L.).

1

2

3

Рис. XII.

1. Сойка (*Garrulus glandarius*).

2. Ореховка (*Nucifraga caryocatactes*).

3. Черный дятел, желна (*Picus martius*).

Рис. XIII.

1. Славка-черноголовка (*Sylvia atricapilla*).

- 2. Славка-смородинка (*Sylvia hortensis*).**
- 3. Славка-говорунчик (*Sylvia cinerea*).**
- 4. Славка-мельничек (*Sylvia curruca*).**

Рис. XIV.
1. Горихвостка (*Ruticilla phoenicura*).

2. Дрозд-белобровик (*Turdus iliacus*).

3. Лесной жаворонок, юла (*Alauda arborea*).

Рис. XV.
1. Завирушка лесная (*Accentor modularis*).

2. Варакушка (*Erythacus leucocyana*).

3. Вальдшнеп (*Scolopax rusticola*).

1

2

Рис. XVI.

- 1. Сизоворонка (*Coracias garrula*).**
- 2. Козодой (*Caprimulgus europaeus*).**

Рис. XVII.
1. Крапивник (*Troglodytes parvulus*).

2. Зеленушка (*Chloris chloris*).

3. Жаворонок хохлатый (*Alauda cristata*).

1

2

Рис. XVIII.

- 1. Конек лесной (*Anthus arboreus*).**
- 2. Скворец розовый (*Pastor roseus*).**

Рис. XIX.

1. Соловей западный (*Erithacus luscinius*).

- 2. Соловей обыкновенный (*Erithacus philomela*).**
- 3. Камышевка болотная (*Acrocephalus palustris*).**

Рис. XX.

1. Пеночка-трещотка (*Phylloscopus sibilatrix*).

2. Пеночка-весничка (*Phylloscopus trochilus*).

3. Пеночка-теньковка (*Phylloscopus collybita*).

Рис. XXI.

- 1. Камышевка-барсучок (*Acrocephalus phragmitis*).**
- 2. Камышевка дроздовидная (*Acrocephalus turdoides*).**
- 3. Камышевка тростниковая (*Acrocephalus streperus*).**

Рис. XXII.

1. Деревенская ласточка (*Hirundo rustica* L.).

2. Городская ласточка (*Chelidon urbica* Boie).

3. Береговая ласточка (*Gotile riparia* Boie).

1

2

3

Рис. XXIII.

- 1. Белая лазоревка (*Parus cyanus*).**
- 2. Зимородок голубой (*Alcedo ispida*).**
- 3. Оляпка (*Ginclus aquaticus*).**

Рис. XXIV.

1. Каменный дрозд (*Monticola saxatilis*).

- 2. Славка масличная (*Sylvia orphea*).**
- 3. Щурка золотистая (*Merops apiaster*).**

Сноски

1

Cuculus canorus L. – зозуля, зузуля (Малороссия).

2

Здесь и далее см. цветную вклейку. – *Ред.*

3

6,7–8,8 см. – *Ред.*

4

Coccystus glandarius Glog.

5

7,468 км. – *Ред.*

6

Город в Вестфалии (Германия. – *Ред.*)

7

Spethocampa (*Gastropacha*) *processionea* – небольшая серо-бурая бабочка; ее волосатая гусеница объедает листву дубовых деревьев и, размножаясь в иные годы в несметном количестве, наносит огромный вред дубовым лесам. Но, кроме того, она также опасна для человека и животных: в той местности, где хозяйничает эта гусеница, в воздухе носится множество выпадающих из ее тела ядовитых волосков, которые вызывают воспаление кожи лица и рук, а также воспаление легких. Поэтому участки леса, пораженные процессионным шелкопрядом, окапываются глубокими канавами для преграждения

доступа в лес людей и пасущегося домашнего скота. При переселении из одного участка леса в другой эти гусеницы двигаются по земле как бы процессией – плотной змееобразной лентой, расширяющейся к середине и суживающейся по концам, отсюда и название – *прецессионный*. (В России, по счастью, эта бабочка не встречается.)

8

Лапландия – природная область на севере Швеции, Норвегии, Финляндии и на западе Мурманской обл. – *Ред.*

9

Н. Цыганов.

10

Н. Цыганов.

11

Для знакомых с музыкой сделаю следующее замечание: некоторая заунывность кукушечьего «ку-ку» происходит оттого, что второе «ку» относительно первого составляет большей частью интервал, близкий к малой (минорной) терции.

12

Orchis maculata или *Orchis latifolia*.

13

Сахаров. «Сказания русского народа».

14

Л. Мей.

15

Picus minor L.

16

Picus major L.

17

В длину (от кончика клюва до конца хвоста) 10 дюймов (23–25 см).

18

Picus medius L.

19

Длина около 8 дюймов (21 см).

20

Picus minor L.

21

В длину 6 ½ дюйма (16 см).

22

Picus leuconotus Bechst.

23

В длину 11 дюймов (26–28 см).

24

Picus tridactylus L.

25

В длину 9 ½ дюйма (24 см).

26

Picus martius L.

27

В длину 19 дюймов (47–50 см).

28

В своей прекрасной книге «Чтение о полезных и вредных животных», С.-Петербург, 1865 г. Издание Шелгуновой. (Перевод с немецкого).

29

Scolytus Ratzeburgii.

30

Gecinus viridis L.

31

В длину 12 дюймов (30 см).

32

Gecinus canus Gm. – *седоголовый дятел, зеленый дятел.*

33

В длину 12 дюймов (30 см).

34

Lynx torquilla L. – *вертиголовка, вертишейка* (Петроградская губ.); *вертиголовка, тикун, лесная пигалица* (Казанская губ.); *вертошея,*

большая пестрая дуплянка (Ярославская губ. и Подмосковье);
крутыголовка, круглоголовка (Харьковская губ.).

35

В длину 7 дюймов (18 см).

36

Я. Кохановский.

37

Я. Кохановский.

38

Bombus dispar (водится также и в России).

39

Parus major L. – *желтый слепух, зинька* (Оренбургская губ.); *зинзивер* (от звукоподражания); *зинька* (Казанская губ.); *зеленая большая синица* (Московская губ.); *большая синька* (Ярославская губ.); *кузнечик, слепушка* (Пермская губ.); *зинька, синичка* (Харьковская губ.); *джинжурка* (Астраханская губ.).

40

В длину 6 дюймов (16 см).

41

Parus coeruleus L. – *зеленая лазоревка* (Московская губ.); *синий слепух* (Оренбургская губ.); *гайка, волосянка* (Харьковская губ.).

42

В длину 4 $\frac{3}{4}$ дюйма (12 см).

43

Среди лазоревок средней полосы Европейской России изредка попадаются экземпляры с беловатым брюшком и серо-голубоватой спинкой. Впервые обратил на них внимание несколько лет тому назад наш орнитолог Ф. Д. Плеске, а известный немецкий ученый-птицевод Кабанис признал их за самостоятельный вид, которому дал научное название *Parus Pleskei* (в честь г-на Плеске). У меня одно время жила в общем птичьем садке одна такая голубая лазоревка, пойманная в окрестностях Петрограда. По образу жизни эта лазоревка ничем не отличалась от обыкновенной (зеленой) лазоревки.

44

Parus cyaneus Pall – князек, большой, белый слепух (Оренбургская губ.); голубая, белая синичка (Казанская губ.); белая лазоревка, князек (у московских птицеловов); князек, белая лазоревка (у петроградских птицеловов); князек, сибирская синица (Калужская губ.).

45

В длину $5 \frac{3}{4}$ дюйма (14,5 см). // «*Parus ater* L. – моховушка, моховка, синька, синочка (Московская, Ярославская губ.); московка (Петербургская, Калужская, Московская, Харьковская, Казанская, Астраханская губ.); черный слепух (Оренбургская губ.); черненькая синичка (Калужская губ.).

46

Parus ater L. – моховушка, жоховка, синька, синочка (Московская, Ярославская губ.); московка (Петербургская, Калужская, Московская, Харьковская, Казанская, Астраханская губ.); черный слепух (Оренбургская губ.); черненькая синичка (Калужская губ.).

47

В длину $4 \frac{1}{4}$ дюйма (И см).

48

Parus borealis de Selys – *гайка, гаичка* (Московская, Казанская губ.); *пухляк* (Петроградская губ.); *московка* (Симбирская, Оренбургская губ.); *серый слепух* (Оренбургская губ.); *луговка* (Харьковская губ.).

49

Пухляки, водящиеся в западной полосе России, отличаются от наших северных несколько меньшей величиной и бурыми боками; их объединяют в особый вид – *бурый пухляк* (*бурая гайка* – *Parus palustris*), в отличие от *серого пухляка* (*Parus borealis*), обитающего в более северной и средней России. Оба этих вида настолько схожи друг с другом как по наружному обличью, так и по характеру, голосу и образу жизни, что мы смело можем рассматривать их здесь в совокупности, как один вид.

50

Parus (Lophohanes) cristatus L. – *гренадер, гренадерка* (Петроградская губ., Московская губ.); *хохлатая синичка* (Казанская губ.); *барашек, хохлушка* (Ярославская губ.).

51

Acredula caudata Koch – *навлиничик, фазанчик, столовник, ополовничек* (Петроградская губ.); *долгохвостая синица, пухляк* (Казанская губ.); *хвостовка, чумичка, виноградка, долгохвостая синица* (Московская губ.); *хвостовка* (Харьковская губ.); *длиннохвостый слепух* (Оренбургская губ.). Примечание: названия *ополовник* и *чумичка* даны народом этой птичке благодаря ее очень длинному хвосту и округлой форме тельца, в совокупности напоминающим известную круглую ложку с очень длинной ручкой, которая на русских кухнях называется ополовником или чумичкой.

52

В длину вся птица $5 \frac{3}{4}$ дюйма (14,6 см); хвост длиной $3 \frac{1}{2}$ дюйма (9 см).

53

Regulus flavicapillus Naum. – *гвоздик* (Петроградская губ.); *петушок, королек* (Московская губ.); *звоширик, сверчок* (Ярославская губ.); *челоканчик* (Рязанская губ.); *королек, ремез, ремезок* (Казанская губ.).

54

На рис III изображен не этот королек, а его близкий родич, с которым наш королек очень сходен по наружному виду (см. подстрочную выноску на с. 65).

55

9,5 см. – *Ред.*

56

В длину $5 \frac{3}{4}$ дюйма (14,5 см).

57

Нашего обыкновенного королька называют также *желтоголовым*, или *зимним, корольком*, в отличие от другого королька – *красноголового*, или *летнего* (*Regulus ignicapillus* Brhm., см. рис. III, I), который изредка встречается на крайнем западе и юге Европейской России. Красноголовый королек по наружному виду, характеру и образу жизни очень похож на желтоголового, отличается же от него тем, что хохолок его имеет не золотистый, а огненно-красный цвет и через глаз проходит продольная черная полоска.

58

Certhia familiaris L. – *ползунчик, поползень* (Петроградская губ.); *пищуха, сверчок, поползок* (средняя Россия); *подшкорышник* (Харьковская губ.).

59

Тютчев.

60

5 см. – *Ред.*

61

Sitta europaea L. – *волчок* (Петроградская, Казанская губ.); *сноз*, *дюдька*, *ползик* (Харьковская губ.); *ящик*, *волчок*, *ползунок* (Московская губ.); *синица*, *синюшка*, *синий дятел*, *дятелок*, *слепушка*, *бычок*.

62

Под Петроградом поползень встречается крайне редко; в Лужском уезде (Петроградской губ.) он уже гнездится и является весьма обыкновенной птицей. Поползни крайнего юга и юго-запада Европейской России имеют ржаво-рыжую окраску нижней стороны (*Sitta caesia*). На крайнем востоке поползни отличаются своей значительно меньшей величиной и почти совсем чисто-белой нижней стороной (*Sitta uralensis*); они встречаются иногда зимой и под Петроградом.

63

Брем. «Жизнь животных».

64

Апухтин.

65

Насколько мне известно, у нас в России, кажется, нигде не называют клеста Христовой птицей. Я позаимствовал это название у немцев, у которых в числе многих местных названий для клеста есть

и название Christvogel, которое мне очень нравится, и я нахожу его чрезвычайно подходящим к нашей птичке.

66

На крайнем западе нашего отечества, а также и на Кавказе водится особый вид снегиря – *малый снегирь* (*Pyrrhula vulgaris*, Temm.), отличающийся от нашего несколько меньшей величиной, менее яркой красной окраской и, главное, тем, что черная шапочка на голове у этого снегиря маленькая, сзади округлена и не спускается на затылок.

67

Loxia pitopsittacus Bechst – *брикун, шлепун* (у петроградских птицеловов).

68

В длину 7 ½ дюйма (19 см).

69

Loxia curvirosta L. – *мелкий, чистый клест, трикун, кликун* (у петроградских птицеловов).

70

В длину 6 ½ дюйма (16,4 см).

71

Loxia bifasciata Brehm. – *белопожый, белокрылый клест, чиркун* (у петроградских птицеловов); *белопокровный клест* (Казанская губ.).

72

В длину 6 дюймов (15 см).

73

Loxia rubrifasciata Brhm.

74

В длину 6 $\frac{3}{4}$ дюйма (17 см).

75

Pyrrhula coccynea De Selys. – *краснозобчик* [Казанская, Симбирская губ. (после 1924 года – Ульяновская обл. – *Ред.*)]; *жулан* (Уфимская, Оренбургская губ.); *свистун* (Томская губ.); *снегур* (Малороссия).

76

Снегирь, а не *снигирь*, как многие пишут неправильно.

77

После 1935 года – Иран. – *Ред.*

78

От 1 до 2 м.

79

Мне говорили, что иногда почерневший в неволе снегирь со временем снова краснеет; вероятно, это происходит от какой-нибудь перемены в корме. Также я слышал, что красная окраска у снегиря и других птиц сохраняется в комнате, если во время линьки давать им зеленую хвою сосны, ели и других хвойных деревьев; самому мне это видеть не привелось. Известны также случаи, когда снегиря кормили круглый год ягодами рябины (свежими и сушеными), причем он не терял своей красной окраски.

80

Pinicola enucleator Cab.

81

В длину 8 ½ дюйма (22 см).

82

Carpodacus erythrinus Pallas – *красный*, или *лесной*, *воробей*, *чечевишник*, *черёмошник* (Екатеринбургская губ.).

83

В длину 6 дюймов (15 см).

84

3,5–9 м. – *Ред.*

85

Carpodacus rubicillus Guld.

86

В длину 9 дюймов (23 см – *Ред.*).

87

Fringilla coelebs L. – *зябок* (местами в средней России); *снегарик* (Харьковская губ.); *северушка* [Богословская губ. (после 1941 года – Карпинск – пос. в Свердловской обл. – *Ред.*)].

88

Из моей книжечки «О наших перелетных птицах».

89

Осенью, сбиваясь в перелетные стаи, зяблики-самцы нередко напевают в тихое ясное утро свои песенки, хотя далеко не так складно и громко, как весной.

90

Шамо́в И. К. Наши певчие птицы и проч. (М., 1874).

91

Fringilla montifringilla L. – *юрок, деряба, жижура* (Ярославская губ.); *сарка, крякушка* (Казанская губ.); *сивер* (Богословск); *лесной щегол, вьюрок* (у петроградских птицеловов); *калистик, калистовка* [Обонежье (территория вокруг Онежского оз. в Карелии. – *Ред*).

92

2400 м. – *Ред*.

93

Carduelis elegans Stph.

94

В длину $5 \frac{3}{4}$ дюйма (14 $\frac{1}{4}$ см).

95

Stellaria media – любимая травка комнатных птиц.

96

Chrysomitris spinus Brhm.

97

В длину $4 \frac{3}{4}$ дюйма (12 см).

98

А. Коринфский. «Народная Русь».

99

Ныне основная часть территории Молдавии и Одесской обл. – *Ред.*

100

Serinus hortulanus Koch.

101

Acanthis linaria.

102

27 марта. – *Ред.*

103

350 м. – *Ред.*

104

В длину 5 дюймов (13 см).

105

Acanthis exilipes.

106

Acanthis brevirostris.

107

Acanthis cannabina L. – *реполов, репел, попик* (Харьковская губ.).

108

В длину 5 ½ дюйма (14 см).

109

Название г. Тбилиси в 1845–1936 годах. – *Ред.*

110

Впрочем, некоторые считают кавказскую коноплянку за особый вид (*Acanthis fringillirostris* – *восточная коноплянка*).

111

Chloris Briss. – *лесная канарейка, дубонос* (Петроградская губ.); *нарови, распев* (Казанская губ.); *овсянка* (Астраханская губ.).

112

В длину 6 7 г дюйма (16,5 см).

113

В длину домашний воробей 6 ¼ дюйма (16 см), а полевой – 5 ¼ дюйма (14 см).

114

2-4 м. – *Ред.*

115

Scothraustes vulgaris Pallas – *суран* (Петроградская губ.); *дубонос, суранок* (Московская губ.); *долбонос* (Харьковская губ.); *дюжак, дубонос* (Казанская губ.).

116

В длину 7 Уз дюйма (19 см). // *Passer domesticus* L. – *воробей* (повсеместно); *горобец* (Малороссия).

117

Emberiza citrinella L. – *овсянка, овсяночка* (почти повсеместно); *свертушка, желтопузик* (Харьковская губ.).

118

Passer montamis Briss. – *воробей* (повсеместно); *горобец* (Малороссия).

119

По крайней мере, на моей родине – в Белоруссии.

120

Alauda arvensis L. – *жаворонок* (более или менее повсеместно); *жайворонок* (Малороссия); *вырей* (Курская губ.); *вещевременник* (Архангельская губ.).

121

В длину $6 \frac{3}{4}$ дюйма (17 см).

122

А. Коринфский. «Народная Русь».

123

Fringillidae.

124

Emberiza nivalis L. – *подорожник* (более или менее повсеместно); *снегурка*, *зимний подорожник* (Оренбургская губ.); *снегирь*, *снегурка* (Пермская губ. и Зауралье); *морской голубок* (у петроградских птицеловов); *пунак*, *пунаница* (Лапландия); *снегурка* (Херсонская губ.).

125

Emberiza lapponica L. – *дубровник* (Поволжье); *овсянка* (южная Россия).

126

Emberiza hortulana Briss. – *настоящий ремез* (у петроградских птицеловов).

127

Montifringilla alpicola Pallas.

128

Emberiza aureola Pallas. – *дубровник* (Центральная Россия и у петроградских птицеловов); *луговой воробей* (Поволжье); *желтый болотный воробей* (Калужская губ.); *луговая овсянка*.

129

Emberiza schoeniclus L. – *тростниковый болотный воробей* (Казанская губ.); *болотный воробей* (Петроградская губ.); *завирушка* (низовье Днепра); *камышник, камышовая овсянка*.

130

Emberiza rustica Pallas. – *ремез* (Петроградская губ.).

131

Emberiza pusilla Pallas. – *овсянка-крошка* (Мензбир. «Птицы России»).

132

Emberiza melanocephala Scop.

133

Emberiza cia L. – *горная овсянка* (Мензбир. «Птицы России»); *дурачок*.

134

Motacilla alba L. – белая синичка (Казанская губ.); белая долгохвостая синичка (Оренбургская губ.); пастушка, пастушок (Харьковская губ.); синичка (Боровичинский уезд); водяночка (Нижегородская губ.); иванчик (Херсонская губ.); синюшка (Пермская губ.).

135

В длину 7 ½ дюйма (18 см).

136

Motacilla boarula L.

137

Emberizidae.

138

Alauda cristata L. – сусидка, посметюшка (Малороссия); хохлатка, хохлушка, посметушка (южная Россия); вьюн (Петроградская губ.).

139

Alauda arborea L.

140

«Жизнь птиц», для домашнего и семейного чтения (в русском переводе Н. Страхова).

141

Emberiza miliaria L. – овсянка, просянка (Харьковская губ.); овинник.

142

В длину 7 дюймов (17 см).

143

Anthus arboreus Briss. – *лесной жаворонок* (Казанская, Петроградская губ.); *ерник, ерничек* (Харьковская губ.).

144

Motacilla flava L. – *желтая синичка* (Поволжье); *долгохвостая желтая синичка* (Оренбургская губ.); *пастушка, пастушок, трясогузка* (Харьковская губ.); *платка, плистовка* (Петроградская губ.).

145

Покойный М. Н. Богданов говорит в своей книге «Птицы и звери Поволжья»: «Название конек очень метко дано птицеловами этой птичке; действительно, самца, с весны и во время вывода детей, до линяния, постоянно видишь перепархивающим с вершины на вершину около того места, где гнездо».

146

Oirolus galbula L. – *желтушник* (Казанская губ.).

147

В длину 6 ½ дюйма (17 см).

148

В длину 10 дюймов (25 см).

149

Alauda calandra L. – *джурбай* (Херсонская губ.); *снегурочка* (Астраханская губ.).

150

В длину 6 дюймов (15 см).

151

Anthus campestris L.

152

Cinclus melanogaster Brhm. – *водяной воробей* (более и менее повсеместно); *водяной дрозд, водяной скворец, ручейка.*

153

Дм. Минаев.

154

На рис. XXIII изображен среднеевропейский вид оляпки (*Cinclus aquaticus*), водящийся также в Польше и на крайнем юго-западе Европейской России. У оляпок, живущих в северной полосе России (*Cinclus melanogaster* Brhm.), буро-серый цвет окраски имеет более темный тон, а на нижней части груди и брюшка переходит в черновато-бурый.

155

Anthus pratensis L. – *болотный жаворонок* (Петроградская губ.).

156

Troglodytes parvulus L. – *подкорешик* (Петроградская губ.); *орешек, орешник, задерихвост* (Харьковская губ.); *орешек* (Подмосковье).

157

В длину 8 дюймов (20 см).

158

В длину 11 $\frac{3}{4}$ дюйма (27–29 см).

159

«Жизнь птиц» (перевод Н. Страхова).

160

Erythacus philomela Bechst. – *восточный*, или *обыкновенный*, *соловей*. Нем. Sprosser. Фр. Philomele: Филомела, дочь Пандиона, царя Аттики, была превращена богами в соловья для спасения ее от преследования Терея. Вот почему *восточный* (наш) *соловей* и получил видовое название *Philomela*, в отличие от *западного соловья*, о котором речь будет впереди, в своем месте.

161

Turdus viscivorus L. – *большой рябинник*, *большой серый дрозд* (Казанская губ.); *большой дрозд* (Оренбургская губ.).

162

Д. Минаев.

163

См. рассказ «Муцик» в моей книге «Лепестки».

164

Viscum album – чужеродное, живущее на лиственных деревьях, деревянисто-кустистое растение, с вечнозелеными кожистыми, удлинено-овальными листьями и белыми ягодами, содержащими в себе чрезвычайно клейкие семена.

165

У немцев этот дрозд носит поэтому название *омеловый дрозд* (Mistel-Drossel, от *Misel* – омела; отсюда же и латинское название – *viscivorus*, что значит: поедающий омелу).

166

Turdus pilaris L. – *малый рябинник* (Симбирская губ.); *дрозд-чиламень* (Харьковская губ.); *сизоголовый дрозд* (Оренбургская губ.).

167

У любителей комнатных птиц лесной жаворонок известен более под именем *юлы*; название это, очевидно, звукоподражательное.

168

Turdus musicus L. – *чистый дрозд* (Петроградская губ.).

169

В длину $8 \frac{3}{4}$ дюйма (22 см).

170

Turdus iliacus L. – *ореховый, малый, белобровый дрозд*.

171

В длину $8 \frac{1}{2}$ дюйма (21,5 см).

172

Turdus merula L. – *косик, кос* (Харьковская губ.).

173

В длину 10 дюймов (25,5 см).

174

Turdus torquatus L.

175

В длину 11 дюймов (28 см).

176

Monticola saxatilis L.

177

Acredula irbyi Schärpe. Кроме вышеописанных видов синиц, в Европейской России еще водятся: на Крайнем Севере – *лапландская синица* (*Parus cinctus* Bodd) – *гайка* у петроградских птичников), встречающаяся изредка осенью под Петроградом; на юге – *бородатка* (*Parurus biarmicus* Koch. – *бородатая*, или *усатая синица*) и *ремез* (*Aegithalus Pendulinus* L.); последний замечателен своим необычайно искусно возводимым гнездом.

178

Ruticilla phoeiücura L. – *гористовка*, *горихвостка* (более или менее повсеместно); *калуферка* (Московская губ.); *лысушка* (Казанская губ.).

179

В длину 7 дюймов (18 см).

180

Писано в декабре 1889 года.

181

Ныне райцентр в Псковской обл. – *Ред.*

182

Там же.

183

Приманная птица, подвязываемая на ниточке.

184

Erythacus luscini L. Нем. Nachtigal. Фр. Rossignol.

185

В длину 19 ¼ дюйма (26 см).

186

Восточный соловей снизу темно-серый, с беловатым горлышком и нижней частью брюшка (к подхвостью), с волнистым рисунком (скобочками) на груди, сверху же темно-оливково-бурый; хвост красновато-бурый. *Западный* же – снизу серовато-белый, сверху красновато-бурый, с красно-бурым хвостом; вообще, у последнего более преобладает ржавый (красновато-бурый) цвет, который особенно заметен во время полета птицы, при солнечном освещении.

187

Erythacus Naphisi, Sev. // *Erythacus rubecula* L. – *зарянка, зорька, малиновка* (более или менее повсеместно); *подкоренница, крапивница* (Москва); *желтушечка* (Боровичинский уезд); *олимпиака, краснозобка*.

188

Cyanecula leucocyana Bhm. – *зорька* (Казанская, Харьковская губ.); *синешейка, синегрудка, лазоревка*.

189

В длину 6 дюймов (15,5 см).

190

Ruticilla mesoleuca, Hempr.

191

Saxicola oenanthe L. – *белогушк, трещепенок* (Боровичинский уезд); *иванчик, чиколка* (Херсонская губ.); *чип* (Забайкалье); *попутчик, каменка* (более или менее повсеместно); *чекан-каменка* (Мензбир. «Птицы России»).

192

В длину 5 Уз дюйма (14 см).

193

Erythacus leucocyanus Brhm.

194

И. К. Шамоу. «Наши певчие птицы».

195

Название территорий северной Латвии и южной Эстонии в XVII-начале XX веков.

196

Sylvia, Scop.

197

Варакушить на народном говоре значит передразнивать, подделываться под кого-нибудь. Очевидно, что название *варакушка* дано этой птичке за ее умение подражать голосам других птиц.

198

Erythacus Wolfii, Brhm.

199

Accentor modularis. – *крапивник* (Петроградская губ.); *плетневка, тыновка, ольианка* (Харьковская губ.); *лесная завирушка* (Мензбир.

«Птицы России»).

200

Saxicola morio, et Ehrb.

201

особенно достается от пенокоток столь вредной для дуба гусенице бабочки *дубовой листовертки* (*Tortrix viridana*) и столь пагубной для сосновых лесов гусенице *сосновой пяденицы* (*Fidonia pinivora*).

202

Acrocephalus dumetorum Blyth. – *садовая малиновка* (Петербургская и Московская губ.); *малиновка, речная малиновка* (Московская губ.); *сороко(а)песенник* (у тульских птицеводов); *садовая камышевка* (Мензбир. «Птицы России»).

203

1 м. – *Ред.*

204

Pratincola rubetra L. – *чекан, чеканка, каменка каменщик* (более или менее повсеместно); *суранчик* (у петроградских птицеводов).

205

Erythacus hyrcanus Blanford.

206

Северная граница распространения Черноголовки определяется приблизительно линией, проведенной через Улеборг (швед, название г. Оулу – порта в Финляндии. – *Ред.*), Шенкурск (райцентр в Архангельской обл. – *Ред.*) и Петропавловск (на Урале).

207

Erythacus Calliope, Pallas.

208

Silvia orphea, Temm.

209

В длину 6 ½ дюймов (17 см).

210

В длину около 7 дюймов (18 см).

211

Silvia hortensis, Vechst. – *садовая славка, пересмешка, травничек, большой кустарник* (у московских и тульских птицеловов); *подкрапивник* (Харьковская губ.); *тажека* (Крым); *смородинка* (Петроградская губ.).

212

0,5–1 м. – *Ред.*

213

Silvia cinerea, Vechst. – *завируха* (Ярославская, Псковская губ.); *болотная завируха* (Петроградская губ.); *крапивник* (Харьковская губ.); *говорунчик* (Тверская губ.); *серая славка* (Мензбир. «Птицы России»).

214

Длина около 6 дюймов (15 см).

215

10-12 м. – *Ред.*

216

Sylvia curruca L. – *завирушка* (Петроградская губ.); *подкрапивник*, *крапивник* (Харьковская губ.); *славка-завирушка* (Мензбир. «Птицы России»).

217

В длину 5 $\frac{1}{5}$ дюйма (14 см).

218

Май 1891 года.

219

Hirundo rustica L. – *ласточка*, *касаточка* (повсеместно); *ластивка* (Малороссия).

220

Accentor modularis orientalis.

221

Sylvia atricapilla L. – *черноголовик*, *Черноголовка*, *черношляпка* (более или менее повсеместно); *крапивник* (Харьковская губ.).

222

Ruticilla tithys, Scop.

223

Cypselus arus L. – *косырь* (Поволжье); *щур* (Херсонская губ.); *соколок* (Уральская губ.); *боровой стриж*, *боровичок* [Богословск (после 1941 года – Карпинск в Екатеринбургской обл. – *Ред.*)]; *большой стриж* (Оренбургская губ.); *стриг* (Смоленская губ.);

черный стриж (Мензбир. «Птицы России»); *ласточка* (во многих местах, неправильно); *башенный стриж*.

224

Phylloscopus trochilus L. – *пеночка, пеночка-свистунья* (Петроградская губ.); *пеночка, пенка* (более или менее повсеместно); *весничка* (Ярославская губ.).

225

1 м. – *Ред.*

226

Erythacus sueticus L.

227

В длину 4 ½ дюйма (И см).

228

Февраль 1891 года.

229

Phylloscopus sibilatrix Bechst – *березовка* (Петроградская губ.); *тюколка* (Московская губ.); *желтобровка, лесной кузнечик, травничек* (у московских и тульских птицеловов); *свистунья* [Таврическая губ. (название территории Крымского п-ва и Южной Украины в XIX начале XX веков. – *Ред.*)]; *пеночка-желтобровка* (Мензбир. «Птицы России»).

230

Silvia nisoria, Bechst. – *подорешник, пересмешиник* (у петроградских птицеловов), *травник* (Харьковская губ.), *кустарник, ястребиная славка*.

231

Nyrolais icterina Vieil – *лесная малиновка* (Петроградская, Тверская губ.); *садовая пеночка* (Московская, Киевская губ.); *длинная пеночка, малиновка* (Московская губ.); *малиновка лесная* (Мензбир. «Птицы России»).

232

В длину $5 \frac{3}{4}$ дюйма (14,5 см).

233

Sarlimulgus europaeus L. – *ночница, козодой, ночной жтреб, сыч* (Петроградская губ.); *чурила* (Пермская губ.); *полуночник, козодой* (Поволжье); *дремлюга, лежень, чурпило* (Малороссия); *полуночница, комок, ночной голубок* (Новгородская губ.); *шлёп*.

234

В длину $5 \frac{1}{4}$ дюйма (14 см).

235

В длину $4 \frac{3}{4}$ дюйма (12 см).

236

Pratincola rubicola L.

237

Acrocephalus turdoides Cab. – *тростяной камышевой дрозд* (Поволжье); *татарка* (Астраханская губ.); *большая очеретянка* (Малороссия).

238

Acorus Calamus.

239

Muscicapa atricapilla L. – *сорочка* (Петроградская губ.); *черноголовый мухолов, черноголовая пестрая дуплянка* (Ярославская, Московская губ.).

240

Соответственно 30, 32 и 24 °С. – *Ред.*

241

Acrocephalus palustris Bechst – *болотная малиновка, камышевка, тростянка* (Московская губ.); *тростянка* (Ярославская губ.); *трескунчик* (Воронежская губ.).

242

В длину 5 дюймов (15 см).

243

Chelidon urbica Boie. – *щурок, ластивка* (Малороссия).

244

Acrocephalus streperus, Vieil.

245

Cotile riparia Boie – *береговая, земляная ласточка, береговой стриж, воронок* (более или менее повсеместно); *чхур, щур, щурок* (Малороссия); *щурик* (Херсонская губ.); *земляной стрижок, земляник* (Сибирь); *джиркан* (по Енисею).

246

«Жизнь птиц», русский перевод Н. Страхова.

247

Cypselus melba L. – *дождевая ласточка* (Закаспийская обл.).

248

От ред.: Автор предлагает писать *свиристель*, объясняя в своей сноске: «А не *свиристель*, как обыкновенно принято писать. Название этой птицы происходит от глагола *свирестеть* – верезжать, издавать резкий звук (сверчок свирестит). (См.: Даль. „Толковый словарь великорусского языка”.)» Мы же даем слово *свиристель* в соответствии с правилом современной орфографии.

249

У немцев в числе многих других названий для козодоя существует также и *Ziegenmelker*, у французов – *Tete-chevre*; испанцы называют его *обманичком пастухов*; латинское *Caprimulgus* значит тоже в переводе *козодой*.

250

Sturnus vulgaris L. – *шпак, шкворец* (Малороссия).

251

Однажды мне привелось слышать мухоловку-пеструшку, которая в своей песенке явственно выговаривала: «Печи-печи-куличи-куличи».

252

А. Майков.

253

Accentor alpinus, Gm.

254

Muscicapa grisola L.

255

Подробную историю трехнедельной жизни этих двух ласточек в моей семье можно прочитать в моей книге «Лепестки» (рассказ «Сильфа и Эльфа»).

256

Muscicapa parva Bechst – *малый мухолов* (Центральная Россия); *лоцманчик* (Петроградская губ.).

257

В длину 5 ¼ дюйма (13,5 см).

258

Garrulus glandarius L. – *куронжа, ронжа* (Казанская губ.); *дикая сорока, лесная сорока, дикая кошка* (Оренбургская губ.); *ронжа* (Боровичинский уезд).

259

К. Кеслер. «Русская орнитология». Киев, 1847 г.; В. И. Даль. «Толковый словарь».

260

Длина 5 ¼ дюйма (13,6 см).

261

Phylloscopus collylita Vieil. (Ph. Rufus. Bechst.) – *кузнечик* (Московская, Тверская, Петроградская губ.); *теньковка* (Поволжье); *вивчарик, овчарик* (Харьковская губ.).

262

Lanius minor, Gm.

263

В длину 5 $\frac{3}{4}$ дюйма (14,5 см).

264

Lanus collurio L.

265

В длину 4 $\frac{3}{4}$ дюйма (12 см).

266

Урира ерорс I. – *потатуйка, лесной голландский петушок, одуд, пустушка, удод* (Малороссия); *пустушка, бубудун* (устье Волги).

267

Ampelis garrulus L. – *кардинал, свиристель* (Петроградская губ.); *свиристуха* (Московская губ.); *хохлушка* (Богословск).

268

Alcedo ispida L. – *иванок* (Малороссия); *шнюха* (Калужская губ.); *рыбалочка* (по Днепру); *плавневой ятел* (по Днестру); *куцик* (у уральских казаков); *каменный воробей* (Сибирь); *лединник, алкид, алкион, жартынок*.

269

E. Кони.

270

Lanius excubitor L. (в длину 9 дюймов).

271

Acrocephalus phragmitis Bechst – *кизиловка* (Петербургская губ.); *барсучок* (Московская губ.); *осоковый соловей* (Смоленская губ.); *варакушка* (Казанская губ.); *трескунчик* (Сибирь); *очеретянка* (Малороссия).

272

9 см. – *Ред.*

273

В длину 8 дюймов (20,2 см – *Ред.*).

274

5 см. – *Ред.*

275

В длину 7 ½–8 дюймов (19,6-21 см – *Ред.*).

276

Helix pomatia L.

277

Cogacias garrula L. – *сизоворонка*, *синеворонка*, *раKIT*, *сиворакша* (Харьковская губ.); *сивограй* (Херсонская губ.); местами: *прапорщик* и *краска* (Малороссия); *шиограK*, *зеленая ворона*, *дикая ворона* (Поволжье); *заморская карошка* (Астраханская губ.); *сивка-воронка*.

278

О птицах «черной семьи» (вороньего рода) мною написана особая книжка («Черная семья»).

279

50-54 см. – *Ред.*

280

Историю жизни этой ласточки можно прочесть в книге: «Веста. Воспоминание о ласточке» Т. Марсевой-Кайгородовой. Москва, 1913 г. (Изд. А. Д. Ступина).

281

Garrulus infaustus L. – *ронжа* (Казанская губ.); *островная сойка* (Гдетский уезд); *кукша, купец* (у поморов).

282

Merops apiaster L. – *щурик, щур* (Поволжье); *щур, пчелоедка* (Харьковская губ.); *золотушка, золотушни*: (Астраханская губ.); *золотая щурка, желтушник*.

283

В длину 11 ½ дюйма (29 см).

284

Scolorax rusticola L. – *ольшняк вальшня* (Петроградская губ.); *слука, вальшней* (Гдовский уезд); *слонка, слонка* (западные и юго-западные губернии России); *славка, хавка* (Харьковская губ.); *ратай, долгоносый виклюк* [Олонец (райцентр в Карелии. – *Ред.*)]; *пахарь, штрек, шабашка, хорпуша, хурпун, хуркун* (Пермская губ.).

285

В длину 6 ½ дюйма (17 см).

286

Garrulus Krynickyi, Kaleniczenko.

287

После 1917 года – Таллин. – *Ред.*

288

В длину $10 \frac{1}{4}$ дюйма (26 см).

289

1 м. – *Ред.*